

Встрѣчи и столкновенія.

зъ множества встрѣчъ и столкновений, освѣтившихъ или омрачившихъ мой длинный жизненный путь, нѣкоторыя, кажется, заслуживаютъ вниманія читателя. Я ихъ и заносу на бумагу.

А. П. Чеховъ.—М. Ф. Калерджи.—С. Мовюшко.—М. М. Стасюлевичъ.

А. П. Чеховъ.

Съ Антономъ Павловичемъ столкновение? Не можетъ быть, — воскликнетъ всякій, кто знавалъ этого мягкаго, добраго человѣка. Однако столкновение у меня съ нимъ было, и вотъ по какому поводу.

Покойный издатель „Нивы“, А. Ф. Марксъ, какъ извѣстно, пріобрѣлъ сочиненія Чехова и, слѣдовательно, надо было ихъ собрать и издать. Чеховъ ихъ самъ редактировалъ, при чемъ выкидывалъ много, очень много, между прочимъ и такія вещи, которыя Марксу нравились. Я тогда состоялъ редакторомъ „Нивы“, и по этому поводу у меня съ Чеховымъ произошелъ разговоръ. Какъ писатель, я понятенъ былъ на его сторонѣ.

Улыбаясь своею кротою улыбкою, Чеховъ мнѣ говорилъ, что писатель не рождается готовымъ, какъ Минерва изъ головы Юпитера, что онъ постепенно развивается и вырабатывается, такъ что ему иногда можетъ быть стыдно за прежнія его произведенія. Только самъ писатель можетъ быть судьей въ вопросѣ, что должно и не

должно войти въ собраніе его сочиненій. Нельзя отъ него требовать, чтобы онъ включалъ то, что уже не можетъ признать ни художественнымъ, ни даже просто грамотнымъ. „Чехонте“ могъ многое написать, чего „Чеховъ“ никогда не напишетъ. Конечно, напечатанное нельзя уничтожить, но если бы произведенія его сохранились только въ видѣ рукописей, то онъ немедленно сжегъ бы то, что теперь вымарываетъ краснымъ карандашемъ. Пусть библиографы и критики соберутъ вычеркнутое, чтобы уяснить себѣ ходъ его творчества (они вѣдь любятъ заниматься пустяками, разсмѣялся Чеховъ); но публикѣ это никогда не должно быть предложено. Писатель долженъ давать читателю только то, что онъ въ своихъ произведеніяхъ признаетъ лучшимъ.

— Правъ ли я?—спросилъ меня въ заключеніе Чеховъ, мягкимъ движеніемъ положивъ свою руку на мою.

Я ничего не отвѣтилъ, но благодарно взглянулъ на него за то, что онъ такъ честно и высоко держитъ знамя писателя.

Другихъ столкновеній у меня съ нимъ не было.

М. Ф. Калерджи.

Заговоривъ о Чеховѣ, я вспомнилъ чистые, свѣтлые годы дѣтства, вспомнилъ и ту женщину, которая первая пробудила во мнѣ сознаніе, что искренность и правдивость—нѣчто прекрасное, возвышенное, идеальное.

Мой опекунъ—видный русскій администраторъ въ Варшавѣ временъ Паскевича—былъ, конечно, хорошо знакомъ съ другими администраторами того времени, между прочимъ съ графомъ Ф. В. Нессельроде, котораго онъ часто навѣщалъ въ домѣ Потоцкихъ на Краковскомъ предмѣстьи. Какъ хорошо помню я этотъ домъ! Онъ видѣлся бѣленькій, чистенькій въ глубинѣ двора, за высокой чугунной рѣшеткой. Это былъ какъ бы отдѣльный мірокъ, въ сторонѣ отъ варшавской уличной жизни, уже тогда, въ второй половинѣ пятидесятихъ годовъ, довольно шумной. Я любилъ, когда меня мой опекунъ бралъ въ гости къ старому графу, высокому, какъ лунь сѣдому, съ нафабранными густыми черными усами и еще огненными черными глазами. Его оригинальная фигура въ сѣромъ сюртукѣ-халатѣ придавала особый интересъ дому, и такъ уже почему-то возбуждавшему мое любопытство. Я все ожидалъ, что въ этомъ домѣ случится что-то необыкновенное, что-то непохожее на то, что происходитъ въ другихъ домахъ. Вотъ почему я,

одиннадцати-лѣтній мальчикъ, вѣроятно, не скучалъ, когда два старика иногда долго бесѣдовали въ кабинетѣ о политикѣ, предоставляя мнѣ заниматься въ другихъ комнатахъ или въ саду, чѣмъ мнѣ вздумается.

Изъ гостиной былъ прямой выходъ на балконъ и въ небольшой, но тѣнистый садъ. Я его помню только весной, когда онъ мнѣ казался особенно привлекательнымъ, хотя въ мое время въ Варшавѣ было вездѣ много зелени. Но здѣсь царствовала такая тишина, и все казалось такимъ таинственнымъ, что я всегда радовался случаю попасть къ графу Нессельроде. Иногда я бралъ изъ гостиной для виду какую-нибудь книгу и уходилъ съ нею въ садъ, гдѣ тихо сидѣлъ на скамейкѣ, рѣдко читалъ и больше мечталъ, ожидая того, что должно было случиться—недаромъ же этотъ бѣлый домъ какъ бы замеръ, недаромъ высокія комнаты казались заброшенными, хотя и были наполнены дорогою мебелью и картинами, недаромъ деревья и кусты въ садикѣ, отдѣленномъ отъ города высокими стѣнами, стояли замороженные, и ни одна былинка не шелохнется, ни одинъ листикъ не дрогнетъ...

И необыкновенное дѣйствительно случилось. Со скамейки въ саду я, бросивъ разсѣянный взглядъ на балконъ, вдругъ увидѣлъ въ дверяхъ женскую фигуру, которая навсегда запечатлѣлась въ моей памяти. Чѣмъ она меня такъ поразила — не могу сказать. Красивыхъ женщинъ въ Варшавѣ вообще много, да и среди нашихъ знакомыхъ были женщины большой красоты, напримѣръ, двѣ сестры Теннеръ, Луиза и Леонтина, дочери начальника триангуляціи въ Царствѣ Польскомъ, извѣстнаго геодезиста генераль-лейтенанта Теннера, въ семьѣ котораго я часто бывалъ. Нѣтъ, тутъ дѣло было не въ красотѣ, а въ чемъ-то другомъ, что сразу овладѣло моимъ вниманіемъ, такъ что я не могъ оторвать взгляда отъ женщины, появившейся на балконѣ и, казалось, кого-то высматривавшей. Не меня ли? Мнѣ хотѣлось куда-нибудь скрыться, мнѣ стало жутко, и въ то же время меня что-то такъ и тянуло къ ней. Я зналъ, кто она. Я теперь вспомнилъ, что графъ упомянулъ о пріѣздѣ къ нему дочери изъ-за границы. Но я тогда не обратилъ на его слова вниманія, сказавъ себѣ, что въ Варшавѣ будетъ одной дамой больше—вотъ и все. А теперь...

Она меня тихо окликнула и въ то же время направилась въ мою сторону. Въжливость заставила меня встать и пойти ей навстрѣчу. Но она меня опять усадила на скамейку и долго говорила мнѣ что-то по-французски. Хотя я хорошо зналъ этотъ языкъ, но не вникалъ въ ея слова, подчиняясь привычкѣ дѣтей довѣрять больше глазамъ и слуху, чѣмъ смыслу рѣчи. Я изучалъ сидѣвшую передо

мною женщину съ напряженнымъ вниманіемъ, потому что мнѣ все казалось, что она и есть то необыкновенное, чего я ожидалъ. И тѣмъ не менѣе я ничего необыкновеннаго въ ней уловить не могъ. Отъ нея пахло тонкими духами, какъ отъ всѣхъ женщинъ моего круга, платье было такое же изящное, руки такія же холенныя, нѣжныя, мягкія. Но чѣмъ больше сходства я находилъ между нею и остальными женщинами, тѣмъ напряженнѣе я слѣдилъ за тѣмъ, какъ она говорила: внутренний голосъ мнѣ настойчиво нашептывалъ, что въ этой женщинѣ есть что-то особенное, чего нѣтъ въ другихъ, хотя я тогда не зналъ, что она воспѣта знаменитыми поэтами, что ея общества ищутъ и пари, и художники, и писатели, и мыслители. Раза два она наклонилась близко ко мнѣ, какъ бы желая заглянуть мнѣ въ душу, я тоже заглядывалъ ей въ глаза: было что-то чистое, свѣтлое въ ихъ глубинѣ и столь прекрасное, что трудно было отъ нихъ оторваться.

Она улыбнулась мнѣ и сказала: „Пойдемъ, я тебя угощу“. (Viens, mon garçon, je te régalerai).

Я обидѣлся. Я нашелъ необыкновенное, и вдругъ — конфеты, сладости. Мы пришли въ гостиную; тутъ она меня усадила на диванъ и спросила, — люблю ли я музыку? Я все еще чувствовалъ себя обиженнымъ. Къ тому же отъ экзерсисовъ сестры у меня часто голова болѣла, а выписанная для меня изъ Берлина учительница музыки мнѣ такъ не нравилась и своею наружностью, и своею строгостью, и своими манерами, что, помню, я на дачѣ забивался на сѣноваль, когда она меня звала, чтобъ дать урокъ. Зоветь она меня, бывало, зоветь — и умолкнетъ. Въ домѣ рѣшили, что у меня нѣтъ способностей къ музыкѣ, и освободили меня отъ уроковъ. И вдругъ этотъ вопросъ. Я нехотя отвѣтилъ, что музыки совсѣмъ не люблю. Облачко удивленія или недовѣрія пробѣжало по прекрасному лицу, склоненному надо мною. Но вслѣдъ затѣмъ изъ комнатъ раздался звукъ. Нѣтъ, это не были экзерсисы или пьесы сестры; это не были и рубленные звуки учительницы музыки. Это было нѣчто совсѣмъ другое. Не можетъ быть, чтобы они извлекались изъ стоявшаго передо мною инструмента; они неслись откуда-то издалека, нѣжно, невятно, словно мечта. Потомъ понемногу становились все опредѣленнѣе, все яснѣе, все звонче и веселѣе. Что-то назрѣвало, что-то готовилось, — вотъ-вотъ прорвется безумное веселіе. И дѣйствительно, оно прорвалось, да такъ, что я еле усидѣлъ на мѣстѣ. Пустынные комнаты ожили, наполнились гостями, я видѣлъ, какъ нарядныя пары съ увлеченіемъ танцевали мазурку, дамы граціозно поводили красивыми руками, кавалеры лихо притоptyвали ногами и позвякивали шпорами, темпъ мазурки

все ускорялся, лица разгорались, танецъ достигъ такой быстроты, такого увлеченія, что, казалось, пары столкнутся, все смѣшается... но вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, музыка оборвалась, и каждый кавалеръ склонилъ колѣно передъ своею дамою. Потомъ все исчезло. Звуки снова неслись издалека. Теперь ихъ было много, слишкомъ много. Они меня смущали своимъ обиліемъ, пока я не понялъ, что это не звуки, а журчаніе ручья, что возлѣ ручья кто-то сидитъ и тихо плачетъ. Плачетъ дѣвушка, и она вовсе не у ручья, а сидитъ за роялемъ, нѣтъ, она у ручья: я вѣдь слышу его журчанье. Я не могу разобраться, но чувствую, какъ грусть все сильнѣе шемитъ сердце, какъ она подступаетъ къ горлу... вотъ-вотъ я сейчасъ заплачу...

Звуки оборвались, и я оказался въ объятіяхъ волшебницы, заставлявшей меня то плакать, то смѣяться. Она обнимала меня одной рукой, а другой вытирала мнѣ слезы и нѣжно упрекала меня за то, что я ей сказалъ неправду, будто бы музыки не люблю. Я не оправдывался, я опять смотрѣлъ ей въ глаза и теперь уже твердо зналъ, что необыкновенное мною найдено...

Она подвела меня къ роялю и, взявъ звукъ, просила повторить его голосомъ, затѣмъ другой, третій, все новые и новые, пока я не пропѣлъ ей такимъ образомъ отчетливо двѣ краткія мелодіи. И, дѣлая это, она радовалась, какъ ребенокъ, что все идетъ такъ хорошо, и ея улыбка шла отъ большого ея сердца къ маленькому моему сердцу и наполняла его неизвѣданнымъ еще чувствомъ, которому я и теперь еще затрудняюсь прибрать названіе. Но я твердо помню, что съ этихъ поръ искренность и правда для меня слились съ красотою, что я полюбилъ съ тѣхъ поръ и музыку, которой, какъ и правдѣ, обязанъ лучшими минутами въ моей жизни.

М. Ф. Калерджи оставила въ моей душѣ богатое наслѣдство, хотя я ее видѣлъ только въ дѣтствѣ, да и то вѣроятно не болѣе четверти часа...

С. Монюшко.

Кстати вспомню о моемъ столкновеніи съ знаменитымъ авторомъ „Гальки“, Монюшко, въ судьбѣ котораго Калерджи приняла такое живое и благотворное участіе.

Я былъ тогда уже студентомъ и только на каникулы пріѣзжалъ въ Варшаву. Любовь къ музыкѣ, открытая во мнѣ Калерджи, развивалась. Я мараль бумагу, сочиняя романсы и, главное, съ увлече-

ніемъ изучалъ классиковъ и новыхъ композиторовъ, между прочимъ и Монюшко, пріобрѣлъ даже клавираусцуги „Графини“ и „Гальки“. „Галька“ мнѣ такъ понравилась, что я зналъ ее почти наизусть. Мнѣ очень хотѣлось ее прослушать въ хорошемъ исполненіи. Но въ Петербургѣ она тогда еще не давалась. Въ первый разъ я ее услышалъ въ Варшавѣ, кажется, въ 1865 г.

Дирижировалъ самъ Монюшко, состоявшій съ 1858 г. дирижеромъ варшавской казенной оперы. Я зналъ, что опера пролежала больше двѣнадцати лѣтъ у него въ портфель раньше, чѣмъ удостоилась постановки. Зналъ я вообще печальную судьбу этого даровитаго композитора, которому пришлось почти двадцать лѣтъ пробиваться скуднымъ хлѣбомъ провинціального органиста и учителя музыки прежде, чѣмъ онъ добился признанія.

Исполненіе увертюры меня разочаровало. Монюшко дирижировалъ вяло, да и оркестръ послѣ петербургскихъ оперныхъ (итальянскаго и русскаго) показался мнѣ ужъ очень жидкимъ. Но вотъ началась самая опера. Я сильно интересовался тѣмъ, вѣрно ли я понималъ композитора. Но почти ничего новаго мнѣ его толкованіе не дало, и — что окончательно меня сконфузило — цѣлыя страницы партитуры, такія, которыя мнѣ казались прямо ея украшеніемъ, были немилосердно вычеркнуты. Я недоумѣвалъ, и если бы не прекрасное пѣніе и игра тенора Добрскаго, создавшаго роль Іонтка, разочарованіе мое не знало бы границъ.

Въ антрактѣ между вторымъ и третьимъ дѣйствіемъ мой опекунъ предложилъ познакомить меня съ Монюшко. Я конечно обрадовался этому предложенію.

Мы встрѣтились съ Монюшко въ корридорѣ. Бритый, въ золотыхъ очкахъ, онъ произвелъ на меня впечатлѣніе скорѣе пастора или учителя, чѣмъ выдающагося художника. И въ манерѣ его держать себя было что-то робкое, даже приниженное. Недаромъ онъ такъ долго бѣдствовалъ. Опекунъ меня отрекомендовалъ поклонникомъ его музыкальныхъ произведеній. Онъ спросилъ меня, музыкантъ ли я, и на мой отвѣтъ, что я простой любитель, съ скромною улыбкой замѣтилъ, что и онъ въ сущности — только любитель, потому что его музыкальное образованіе кончилось уже въ 19 лѣтъ, и его учительницею была мать, никогда, какъ и онъ самъ, не имѣвшая сколько-нибудь выдающихся учителей. Я не утерпѣлъ и спросилъ его, почему онъ, исполняя „Гальку“, пропускаетъ столько прекрасныхъ мѣстъ, и перечислил нѣкоторые изъ нихъ. Должно быть, въ тонѣ моемъ слышалось большое сожалѣніе, потому что онъ внимательно посмотрѣлъ на меня, затѣмъ спросилъ, —какая публика

наполняетъ театръ, и кто занимаетъ самыя дорогія мѣста? Я сказалъ, что среди публики преобладаетъ, по крайней мѣрѣ въ партерѣ и въ ложахъ, военный элементъ. На это онъ замѣтилъ: „Господа офицеры и ихъ знакомые любятъ балетъ,—вотъ въ полонезѣ и мазуркѣ я ничего не пропустилъ, не пропущу ничего и въ пляскѣ горцевъ“. Сказавъ это, онъ какъ-то безнадежно махнулъ рукой.

Я вспомнилъ тѣ двадцать лѣтъ, когда онъ въ Вильнѣ бѣгалъ по частнымъ урокамъ, вспомнилъ и тѣ двѣнадцать лѣтъ, когда партия „Гальки“ мирно покоилась въ его письменномъ столѣ, и подумалъ, что послѣ такого искуса онъ конечно не желаетъ подвергать свою судьбу новому испытанію и даетъ публикѣ то, что ей нравится.

Потомъ, когда я остался одинъ, мнѣ въ первый разъ въ жизни ясно представилось, что искусство—одно, а успѣхъ—другое; я понималъ, какая сила заключалась въ этомъ скромномъ человѣкѣ, если онъ могъ лихорадочно творить, создавать одно произведеніе за другимъ, не находя себѣ признанія, посѣтовалъ на польское общество, чуть-ли не давшее погибнуть Монюшко, и съ благодарностью вспомнилъ Глинку и Даргомыжскаго, горячо поддерживавшихъ его въ Петербургѣ, и въ особенности Калерджи, сдѣлавшую для него безконечно много.

М. М. Стасюлевичъ.

Съ нимъ у меня было два столкновенія: одно въ концѣ 80-хъ годовъ на почвѣ общественной, другое—нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на почвѣ личной, писательской.

Начну съ перваго. Четверть вѣка тому назадъ, какъ и теперь, въ Петербургѣ усиленно обсуждался вопросъ о питьевой водѣ. Городъ во главѣ съ Стасюлевичемъ, состоявшимъ съ 1883 г. председателемъ исполнительной комиссіи по надзору за водоснабженіемъ, требовалъ отъ общества городскихъ водопроводовъ устройства фильтровъ; но была и другая партія, относившаяся къ фильтрамъ не особенно довѣрчиво; при чемъ однако возраженія противъ нихъ формулировались какъ-то робко. Это мнѣ показалось тѣмъ болѣе непонятнымъ, что у насъ уже были солидныя подготовительныя работы для правильнаго рѣшенія вопроса. Первымъ тутъ выступилъ позднѣйшій профессоръ патологии Варшавскаго университета, ординаторъ С. П. Боткина, М. Д. Лапчинскій, а затѣмъ и будущій профессоръ гигиены при Военно-Медицинской академіи С. В. Шидлов-

скій, завѣдывавшій фильтрами, впервые введенными въ Петербургѣ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Оба ученые очень подробно ознакомились съ водоснабженіемъ въ европейскихъ городахъ, но, кромѣ того, оба занялись специально невскою водою, при чемъ одинъ (покойный проф. Лапчинскій) посвятилъ себя изученію сродства между микроорганизмами (спирохетами), встрѣчающимися въ крови при нѣкоторыхъ болѣзняхъ (главнымъ образомъ, при возвратномъ тифѣ) и встрѣчающимися въ невской водѣ, а другой (проф. Шидловскій) специально занялся вопросомъ объ очисткѣ пескомъ воды для питья въ большихъ городахъ. Выводъ обоихъ профессоровъ оказался смертнымъ приговоромъ для фильтровъ: проф. Шидловскій выяснилъ на основаніи строго-проверенныхъ фактовъ, что даже при самыхъ усовершенствованныхъ фильтрахъ, какіе имѣлись тогда въ Лондонѣ, Гамбургѣ, Дортмундѣ и т. д., вода посредствомъ фильтраціи можетъ быть лишена всего „около половины растворенныхъ въ ней органическихъ веществъ“; выводъ же проф. Лапчинскаго былъ тотъ, что микроорганизмы свободно проходятъ черезъ песчаный слой фильтровъ и даже прекрасно размножаются въ нихъ, и что поэтому фильтрованная вода даже опаснѣе для здоровья, чѣмъ нефилтррованная. Къ такому выводу пришли наши ученые уже тридцать лѣтъ тому назадъ.

Руководствуясь ихъ работами, я помѣстилъ въ „Новостяхъ“ статью подъ заглавіемъ: „Фауна и флора невской воды“, въ которой доказывалъ, что фильтры дѣлу помочь не могутъ, и что невскую воду надо во что бы то ни стало замѣнить другой.

Вотъ на этой почвѣ и разыгралось мое столкновеніе съ покойнымъ Стасюлевичемъ. Въ качествѣ предсѣдателя исполнительной комиссіи по надзору за водоснабженіемъ онъ съѣздилъ въ Европу и вынесъ оттуда твердое убѣжденіе, что фильтры удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ, какъ надежное средство очистки воды отъ болѣзнетворныхъ микробовъ. Гдѣ онъ составилъ себѣ подобное убѣжденіе,—трудно понять, потому что уже въ 1874 г. наиболѣе компетентные западные специалисты по водоснабженію городовъ пришли къ единодушному мнѣнію, что фильтрованіе воды недостаточно для ея оздоровленія, и что холера и тифъ главнымъ образомъ распространяются рѣчной водою, какъ нефилтррованной, такъ и фильтрованной. Но Стасюлевичъ этого знать не хотѣлъ. Однимъ изъ мотивовъ, побуждавшихъ его энергически агитировать за фильтры, какъ я догадывался, была возможность заставить водопроводное общество построить фильтры, а вмѣстѣ съ тѣмъ избавить городъ отъ значительнаго расхода на устройство болѣе рациональ-

наго водоснабженія столицы. Стасюлевичъ вступилъ въ борьбу съ водопроводнымъ обществомъ, отказавшимся строить фильтры, готовился защищать свое дѣло даже въ судѣ, а тутъ вдругъ явилась моя статья, въ которой выяснялось, что фильтры совершенно бесполезны.

Конечно, эта статья не могла понравиться Стасюлевичу. Но издатель „Вѣстника Европы“ пользовался репутаціей очень корректнаго человѣка. Не даромъ мой другъ В. О. Михневичъ въ своемъ остроумномъ „Словарѣ современниковъ“ далъ ему слѣдующую характеристику: „Вся его (т. е. Стасюлевича) трудолюбивая дѣятельность и всѣ предпріятія, не блистая какой-нибудь чрезвычайностью, носятъ печать солидности, обдуманной зрѣлости и безупречной порядочности“. Дѣйствительно таково было общее мнѣніе. Поэтому я съ большимъ интересомъ ждалъ, что Стасюлевичъ возразитъ на мою статью. Можетъ быть, говорилъ я себѣ, онъ меня убѣдитъ, что фильтры въ самомъ дѣлѣ спасутъ столичное населеніе отъ тифа и холеры.

Какъ только моя статья появилась въ „Новостяхъ“, Михаилъ Матвѣевичъ пріѣхалъ въ редакцію съ бурнымъ протестомъ. Насилу удалось его успокоить согласіемъ напечатать его возраженіе. Въ чемъ же заключалось оно? Стасюлевичъ ехидно въ немъ замѣчалъ, что культурная Европа, вводя у себя фильтры, конечно, знаетъ, что дѣлаетъ, а что намъ слѣдуетъ учиться у Европы и не обращать вниманіе на статьи доморощенныхъ публицистовъ и изслѣдованія малоизвѣстныхъ отечественныхъ ученыхъ, но что во всякомъ случаѣ Шидловскій несравненно авторитетнѣе какого-то Лапчинскаго.

Вотъ и все возраженіе. Чтобы должнымъ образомъ его оцѣнить, вспомнимъ, что проф. Шидловскій вопроса о болѣзнетворныхъ микробахъ, содержащихся въ рѣчной водѣ, вовсе не касался и изучилъ только вопросъ о способности фильтровъ очищать воду отъ органическихъ веществъ; профессоръ же Лапчинскій путемъ долгихъ и тщательныхъ наблюденій надъ невской водой, фильтрованной и нефилърованной, установилъ то, что нынѣ составляетъ уже общее мѣсто, именно, что рѣчная вода, особенно же рѣчная вода загрязненная, хотя бы и фильтрованная, служитъ прекрасною средою для размноженія болѣзнетворныхъ микроорганизмовъ. Согласиться съ проф. Лапчинскимъ значило отказаться отъ фильтровъ; поэтому надо было отвергнуть его авторитетъ и признать развѣ авторитетъ проф. Шидловскаго, совершенно не возбуждавшаго опаснаго вопроса; сослаться на тѣ западноевропейскіе города, которые поторопились устроить у себя бесполезные фильтры, и дискредитировать или

игнорировать тѣхъ западныхъ специалистовъ, которые на основаніи богатаго фактическаго матеріала выяснили, что фильтры нисколько не охраняють городского населенія отъ повальныхъ болѣзней, и что вѣрнымъ средствомъ тутъ служить только ключевая вода и канализація.

Стасюлевичъ выигралъ на судѣ дѣло противъ водопроводнаго общества и заставилъ его построить фильтры, которые остались въ вѣчномъ владѣніи города, правда, избавили столичныхъ обывателей отъ смѣхотворной корюшки въ кухонныхъ раковинахъ, но не отъ двухъ холерныхъ эпидемій, изъ которыхъ вторая длится уже четвертый годъ, и хроническаго тифа, который вмѣстѣ съ холерой уноситъ десятки тысячъ жертвъ и вызываетъ безконечные расходы. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ забывать, что оздоровленіе питьевой воды въ столицѣ было тогда отложено на четверть вѣка.

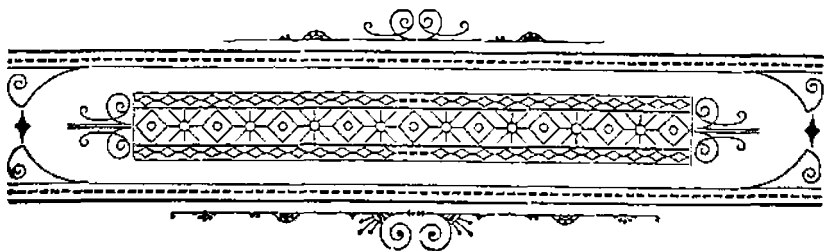
Второе мое столкновеніе съ издателемъ „Вѣстника Европы“ произошло по слѣдующему поводу. Въ 1906 г. принята была моя повѣсть въ упомянутомъ журналѣ. Я попросилъ присылать мнѣ корректуру, но мнѣ было въ этомъ отказано на томъ-де основаніи, что „корректурѣ „Вѣстника Европы“ образцова“. Тутъ я вспомнилъ, что почтеннѣйшій Михайлъ Матвѣевичъ дѣйствительно гордился тщательностью своей корректуры. Я, правда, вспомнилъ и извѣстныя нареканія Тургенева и А. Толстого на корректуру „Вѣстника Европы“, но не протестовалъ и глубоко въ этомъ раскаялся. Искаженіямъ моя повѣсть подверглась почти невѣроятнымъ. Для примѣра укажу хотя бы на слѣдующія два. Въмѣсто: „Въ Испаніи республика провозглашена тридцать три года тому назадъ“—напечатано: „Въ Испаніи республика провозглашена три года тому назадъ“, а въмѣсто: „Во главѣ ея (т. е. Бразиліи), какъ у насъ, стоялъ Императоръ“—напечатано: „Во главѣ ея, какъ у насъ, стоялъ король“. Выходило, что Испанія и до сихъ поръ республика, и что у насъ, какъ прежде въ Бразиліи, царствуетъ король. Это говорить въ повѣсти дипломатъ. Откуда взялся этотъ король—уму непостижимо, но ясно одно: тщательность корректуры „Вѣстника Европы“ подлежитъ большому сомнѣнію.

Впрочемъ, это только мимоходомъ. Несмотря на эти искаженія, я въ февралѣ 1908 г. предложилъ журналу новую повѣсть. Она была также принята съ обѣщаніемъ въ виду ея злободневности, что она не залежится. Однако до сентября она не появлялась. Обезпокоенный ея судьбой, я обратился съ запросомъ и получилъ отвѣтъ, что она въ этомъ году не можетъ пойти, потому что редакція съ новаго года переходитъ въ другія руки, но что она

пойдетъ въ 1909 г. при новой редакціи. Однако въ концѣ сентября картина круто измѣняется. Стасюлевичъ пишетъ мнѣ два письма, въ которыхъ старается меня, совершенно чужого ему человѣка, разжалобить тѣмъ, что онъ старъ, очень утомленъ, принялъ редакцію „Вѣстника Европы“, когда ему было уже 40 лѣтъ, и въ концѣ концовъ проситъ меня взять мою рукопись обратно. Такимъ образомъ я жилъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ въ увѣренности, что рукопись моя пристроена, и вдругъ получаю увѣдомленіе, что она мнѣ возвращается. Я махнулъ на Стасюлевича рукой и помѣстилъ повѣсть въ другомъ журналѣ; но не трудно понять, въ какое тяжелое положеніе подобный образъ дѣйствій могъ бы поставить многихъ авторовъ, какъ и то, что корректный издатель при такихъ обстоятельствахъ просто призналъ бы свою вину и выразилъ бы готовность нести ея послѣдствія, а не прибѣгъ бы къ жалостнымъ отговоркамъ.

Р. Сементковскій.

Встрѣчи и столкновенія.

Л. Н. Толстой.

Возникло мое столкновение съ нимъ по слѣдующему поводу. Марксъ приобрѣлъ у Толстого право перваго печатанія его романа за листный гонораръ (самъ авторъ затруднялся въ точности опредѣлить размѣры своего романа), далеко превышавшій гонораръ, когда-нибудь уплаченный за такое большое произведеніе писателю русскимъ издателемъ. Но что значило право перваго печатанія? Кажется, на этотъ счетъ сомнѣнія быть не могло, а между тѣмъ на дѣлѣ оказалось, что мы съ Марксомъ не уяснили себѣ точнаго значенія этого термина, т. е. того, за что собственно уплачивался дѣльный капиталъ.

Предполагалось, что „Нива“ отпечатаеть романъ, и что затѣмъ онъ станетъ общественнымъ достояніемъ, такъ какъ Толстой отказался отъ права собственности на произведенія, написанная имъ послѣ 1891 г. Въ сущности, значить, дѣло сводилось къ тому, что „Воскресеніе“ появится въ „Нивѣ“ раньше, чѣмъ въ другихъ современныхъ изданіяхъ, но насколько раньше—это не могло быть опредѣлено, потому что не было извѣстно, сколько времени продолжится его печатаніе въ самой „Нивѣ“ тѣмъ болѣе, что романъ самимъ авторомъ не былъ оконченъ или окончательно обработанъ. Во всякомъ случаѣ одно было ясно: романъ не долженъ былъ появиться въ другихъ изданіяхъ раньше, чѣмъ въ „Нивѣ“, потому

что въ противномъ случаѣ не за что было платить деньги, да еще такіа значительныя.

Но какъ только „Нива“ приступила къ печатанію, тотчасъ же выяснилось, что мы живемъ въ „странѣ неожиданностей“: „Воскресеніе“ стало появляться въ другихъ изданіяхъ раньше, чѣмъ въ „Нивѣ“. Я имѣю въ виду не то, что эти изданія начали перепечатывать романъ, не выжидая его окончанія, т. е. тотчасъ по появленіи отдѣльных главъ въ „Нивѣ“; я хочу сказать, что отдѣльныя главы появились въ другихъ изданіяхъ раньше, чѣмъ въ самой „Нивѣ“.

Чтобы понять этотъ повидимому неправдоподобный фактъ, надо знать технику печатанія журналовъ. При тогдашнемъ огромномъ тиражѣ „Нивы“ на отпечатаніе всего количества экземпляровъ требовалось не мало времени, особенно если нежелательно было прибѣгать къ ночнымъ работамъ, которыя обходятся гораздо дороже. Вслѣдствіе того, что даже самыя усовершенствованныя машины (ротационныя) могли печатать въ часъ не болѣе 3.000—5.000 экз. съ иллюстраціями, а экземпляровъ газеты 10.000—30.000, номеръ „Нивы“ получался позже, чѣмъ номеръ газеты. Я самъ, живя на-примѣръ въ Крыму, получалъ „Ниву“ на 7—9 день, а соответственный номеръ газеты на 3—5 день. Другими словами номеръ газеты съ перепечаткою романа Толстого получался во многихъ мѣстахъ значительно раньше номера самой „Нивы“. Такимъ образомъ оказывалось, что деньги за право перваго печатанія были уплачены даромъ.

Конечно, это не могло бы случиться, если бы русскіе издатели и редакторы были по большей части (ну какъ бы мягче выразиться?)—людьми щепетильными въ вопросахъ чужой собственности. Но въ данномъ случаѣ это предположеніе не оправдалось, и такимъ образомъ „Воскресеніе“ появлялось во многихъ изданіяхъ гораздо раньше, чѣмъ въ соответствующемъ номерѣ „Нивы“.

Какъ только это положеніе дѣлъ выяснилось, я съѣздивъ къ Толстому въ Москву, увѣренный, что онъ, узнавъ, въ чемъ дѣло, сдѣлаетъ все, отъ него зависящее, чтобы оградить интересы довѣреннаго мнѣ журнала, такъ какъ онъ конечно не согласится нарушить простого правила честности, не позволяющаго брать большія деньги за мнимыя услуги или за вещь мало стоящую.

Я пріѣхалъ къ Толстому не во время. Лакей во фракѣ и въ перчаткахъ доложилъ мнѣ, что „его сіятельство изволятъ почивать послѣ обѣда“, но что „вечеркомъ они меня вѣроятно примутъ“. Оставивъ карточку, я и заѣхалъ вечеромъ и дѣйствительно былъ немедленно принятъ. Софія Андреевна въ то время была больна и, сколько помню, въ Москвѣ не находилась.

Я не стану передавать моего длиннаго разговора съ Толстымъ, потому что не обладаю завидною памятью людей, которые по прошествіи многихъ лѣтъ могутъ передавать слово въ слово свою бесѣду съ знаменитостями. Но ходъ бесѣды я твердо помню и нѣкоторыя фразы Толстого тогда же записалъ. Все это здѣсь и изложу, отмѣтивъ вкратцѣ, какое впечатлѣніе на меня лично произвела наружность знаменитаго писателя.

Я зналъ, что увижу 70-лѣтняго старца чисто-русскаго облика, въ русской рубашѣ, некрасиваго (недаромъ Толстой уже въ молодости приходилъ въ отчаяніе отъ своего „шпрокаго носа, толстыхъ губъ и маленькихъ сѣрыхъ глазъ“), и тѣмъ не менѣе, когда я его увидѣлъ воочию, я внутренно не могъ не воскликнуть: „да онъ настоящій мужичекъ!“ и добавить, уловивъ выраженіе его глазъ: „и мужичекъ себѣ на умѣ“. Когда я по приглашенію Толстого сѣлъ и выразилъ ему сожалѣніе, что мнѣ по цензурнымъ условіямъ приходится кое-что вычеркивать изъ его романа, Толстой воскликнулъ:

— Странно! Первый мой цензоръ былъ Ростиславъ и послѣдній мой цензоръ опять Ростиславъ.

Я понялъ, что онъ намекаетъ на извѣстнаго Ростислава Фадѣева и на меня, и мнѣ очень хотѣлось разспросить Толстого, какую изъ его вещей, напечатанныхъ въ 1852 г., собственно цензовалъ или просматривалъ герой сраженій при Башкадыкларѣ и Курукдарѣ, когда русскіе еще умѣли побѣждать вдвое сильнѣйшаго врага (18.000 русскихъ разбили 60.000 турокъ), и знаменитаго автора „Вооруженныхъ силъ Россіи“, но я отъ этого воздержался, зная, что занятый человѣкъ дорожитъ временемъ. Между тѣмъ для біографіи Толстого было бы очень интересно выяснить, какія отношенія существовали между Толстымъ и Фадѣевымъ, съ которыми онъ могъ встрѣчаться на Кавказѣ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Я прямо приступилъ къ изложенію своего дѣла. Но Толстой меня слушалъ такъ сказать однимъ ухомъ, и когда я уже готовъ былъ формулировать мою просьбу, онъ вдругъ совершенно неожиданно прерывалъ меня комплиментами, отъ которыхъ, помню, мнѣ становилось очень неловко. Такъ въ первый разъ онъ меня прервалъ замѣчаніемъ, что я—цензоръ очень искусный. „Выкинете одно-два слова—ани, смотришь:—спасли цѣлую страницу“—пояснилъ онъ, лукаво улыбаясь, и началъ приводить нѣкоторыя примѣры. Я слушалъ Толстого съ большимъ интересомъ. Меня поражала ясность его ума и то, какъ онъ великолѣпно понималъ цензурныя требованія: хоть прямо посади его редакторомъ газеты или журнала и положи на него, какъ на камениую гору—не подведетъ. Я эту мысль и высказалъ Толстому. Онъ разсмѣялся.

— Нашли цензора,—возразилъ онъ.—Тутъ нужна политика. А какой я политикъ—правду люблю.

Я опять вернулся къ дѣлу. Но Толстой снова не далъ мнѣ говорить, замѣтивъ что онъ—постоянный мой читатель, во многомъ мнѣ сочувствуетъ, но во многомъ со мною и не соглашается, и началъ разсуждать о служебной роли искусства по поводу моей критики на его статью: „Что такое искусство?“ Я понятно не возражалъ. Прошло уже около часа, и я рѣшился наконецъ прямо попросить Толстого положить конецъ недобросовѣстности издателей. Тутъ Толстой меня спросилъ, чего же я собственно хочу? Я ему пояснилъ, что романъ—его собственность, и что поэтому онъ одинъ можетъ рѣшительно воспротивиться его перепечатыванію. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что готовъ помѣстить въ „Нивѣ“ и въ другихъ періодическихкихъ изданіяхъ письмо, въ которомъ онъ попроситъ не перепечатывать его романа до его окончанія и выяснитъ фальшивое положеніе, въ которое его ставятъ по отношенію къ издателю „Нивы“ лица, перепечатающія его романъ. Я только что хотѣлъ возразить, что такое письмо врядъ-ли къ чему-нибудь приведетъ, какъ Толстой всталъ, схватился руками за спину и воскликнулъ:

— Ахъ, если бы вы знали, какая ужасная болѣзнь—старость!

Я осѣдомился о состояніи его здоровья. Онъ снова сѣлъ и началъ распространяться о цѣломъ рядѣ болѣзненныхъ ощущеній, которыхъ онъ раньше никогда не испытывалъ, а теперь испытываетъ все чаще и чаще. Я далъ ему высказаться во всѣхъ подробностяхъ и опять вернулся къ дѣлу, сказавъ, что только судебные скорпіоны могутъ заставить нѣкоторыхъ издателей воздержаться отъ перепечатыванія. Толстой мнѣ возразилъ, что я, можетъ быть, и правъ, но что онъ не можетъ дѣйствовать сообща съ „Нивою“ въ этомъ дѣлѣ. „Во-первыхъ,—сказалъ онъ:—всякій судъ мнѣ противенъ, а во-вторыхъ—это значило бы до нѣкоторой степени признать мое право собственности на произведенія, написанныя послѣ 1881 г., а я отъ этого права отказался и слову моему ни живой, ни мертвый не измѣню“.

— Не настаивайте, пожалуйста,—прибавилъ онъ.

Я, дѣйствительно, болѣе не настаивалъ, ища спокойствіе знаменитого писателя, и уѣхалъ. Журналы и газеты продолжали перепечатывать романъ, а мы съ Марксомъ молчали, уважая безкорыстіе писателя, отказавшагося отъ значительныхъ матеріальныхъ выгодъ, и утѣшаясь тѣмъ, что не нарушили подл старость его покоя.

Черезъ двѣнадцать лѣтъ я вспомнилъ энергичную фигуру Толстого и внушительный его тонъ, когда онъ меня утѣрялъ, что навсегда отказался отъ права собственности на сочиненія, написанныя послѣ

1881 г., вспомнилъ по поводу его духовнаго завѣщанія и невольно спросилъ себя, чему же вѣрить: тогдашнему его заявленію или теперешнему завѣщанію? Примирить ихъ, къ сожалѣнію, не было возможности.

С. П. Боткинъ.

Это было въ 1871 г. Я тогда сильно заболѣлъ, работая по 14 часовъ въ день. Печаталъ ученый трудъ, читалъ лекціи государственнаго права, готовился къ магистерскому экзамену. Мой домашній врачъ, милѣйшій Д. Н. Шульговскій, не зналъ, чѣмъ мнѣ помочь, посоветовалъ консилиумъ и привезъ мнѣ Боткина. Добросовѣстность знаменитаго діагноста, помню, меня поразила. Что онъ только не продѣлывалъ со мною въ теченіе часа: постукивалъ, выслушивалъ, клалъ на спину, клалъ и на животъ, кололъ и острымъ, и тупымъ концомъ булавки, заставлялъ бѣгать по комнатѣ, ходить съ закрытыми глазами по половицѣ, расспрашивалъ меня обо всѣхъ обстоятельствахъ моей жизни, очень интересовался моими родителями и родственниками какъ въ восходящей, такъ и въ боковыхъ линіяхъ, заставлялъ меня смотрѣть себѣ то на лобъ, то на подбородокъ, а я конечно продѣлывалъ все это очень добросовѣстно, потому что вѣрилъ въ непогрѣшимость его приговора, вѣрилъ, что причина моей болѣзни будетъ раскрыта и устранена.

Наконецъ, вознавь меня въ седьмой потъ, онъ повидимому самъ усталъ и вмѣстѣ съ Шульговскимъ удалился въ другую комнату. Тамъ они долго совѣщались, и затѣмъ Боткинъ мнѣ сообщилъ, что надо уѣхать изъ Петербурга, лучше всего на родину, заниматься, отнюдь не утомляясь, физическимъ трудомъ, а отъ умственной работы совершенно отказаться и что тогда, быть можетъ, я поправлюсь. Я его поблагодарилъ и хотѣлъ вручить ему 25 рублей (эту цифру назначилъ Шульговскій, какъ установленную для боткинскихъ консилиумовъ того времени), но Сергій Петровичъ рѣшительно отказался ихъ принять, какъ онъ выразился, отъ коллегъ, т. е. отъ профессора, словомъ очаровалъ меня своею добросовѣстностью и любезностью.

Но больше всего меня конечно интересовала моя болѣзнь. Изъ совѣтовъ Боткина я уже видѣлъ, что болѣзнь у меня серьезная, но я все-таки не зналъ, чѣмъ собственно страдаю. Просвѣтилъ меня на этотъ счетъ Шульговскій: Боткинъ у меня нашелъ болѣзнь мозжечка. Впослѣдствіи выяснилось, что онъ домашнимъ въ при-

существованіи же Шульговскаго прямо заявилъ, что я могу еще протянуть годика два-три, но для этого непременно долженъ отказаться отъ всякой умственной работы. Можно себя представить, какъ этотъ суровый приговоръ долженъ былъ сразить близкихъ мнѣ людей. Горе и страхъ, ими извѣдаемые, были тѣмъ болѣе жестоки, что... послѣ этого приговора я въ теченіе сорока лѣтъ усиленно работалъ головой и не только не умеръ, но живъ до сихъ поръ. Много требовалось самоувѣренности, чтобы въ такой темной области, какъ болѣзни мозжечка, произнести рѣшительный приговоръ тѣмъ болѣе, что и болѣзни-то мозжечка никакой не было. На это мнѣ тогда же указалъ пользовавшій меня неоднократно скромный врачъ Иогансонъ, рѣшительно заявившій, что никакіе авторитеты міра его не убѣдятъ въ томъ, что у меня болѣзнь мозжечка. И дѣйствительно, я съ полгода отдохнулъ въ Швейцаріи и вернулся въ Россію сравнительно здоровымъ.

Самоувѣренность Боткина сказалась и въ знаменитомъ инцидентѣ съ Наумомъ Прокофьевымъ. Когда въ Петербургъ разнеслась вѣсть, что Боткинъ открылъ въ своей клиникѣ чумнаго больного, перешлохъ произошло всеобщій. Это было въ 1878 г. Чума появилась тогда сперва въ Ветлянкѣ, а затѣмъ и въ Черноярскомъ уѣздѣ. Прошло 50 лѣтъ со времени послѣдней чумной эпидеміи въ Европѣ, и вдругъ азіатская гостья опять пожаловала. Можно себя представить, какъ всѣ испугались. Паника была такъ велика, что наши бумаги стремительно упали, а это грозило дальнѣйшимъ разстройствомъ нашихъ финансовъ, уже и безъ того сильно пострадавшихъ отъ только-что оконченной войны съ Турціей.

Я былъ въ то время друженъ съ однимъ изъ ординаторовъ Боткина, и онъ мнѣ разсказалъ, что, присутствуя при изслѣдованіи Наума Прокофьева, рѣшился высказать свое сужденіе, прямо заявивъ Боткину, что бубоны у дворника не чумные, а сифилитическіе. Боткинъ вспыхнулъ и рѣзко ему отвѣтилъ, что онъ, Боткинъ — не ученикъ, а учитель, и что учиться не ему, а другимъ. Вслѣдъ затѣмъ однако и такой опытный врачъ, какъ профессоръ Н. Ф. Здекауэръ, подтвердилъ, что у Наума Прокофьева просто люэсъ. Такимъ образомъ о появленіи чумы въ Петербургѣ не могло быть и рѣчи, и для меня окончательно выяснилось, что либо Боткинъ страдаетъ невѣроятнымъ самолюбіемъ, не позволяющимъ ему сознаться въ своей ошибкѣ, либо тутъ замѣшана политика, т. е. желаніе напугать правительство и заставить его принять рѣшительныя мѣры для очистки нашихъ городовъ и деревень. Эта послѣдняя мысль находила себѣ подтвержденіе и въ словахъ многочисленныхъ друзей Боткина, которые съ таинствен-

нымъ видомъ намекали на то, что дѣло конечно не въ ошибкѣ, а въ желаніи добиться улучшенія санитарныхъ условій Россіи, а можетъ быть и чего-нибудь поважнѣе (разумѣи: дальнѣйшаго ослабленія правительства, позиція котораго была уже такъ сильно поколеблена берлинскимъ конгрессомъ). Словомъ, получился какъ бы одинъ изъ первыхъ симптомовъ позднѣйшей тактики одной изъ политическихъ партій и при томъ необыкновенно глупый, потому что нельзя было ослабить правительство выдуманномъ случаемъ появленія чумы въ Петербургѣ, а іезуитское правило, что въ политикѣ все дозволено: и обманъ, и ложь невольно вызвало во всякомъ честномъ человѣкѣ чувство гадливости. Все это я изложилъ въ тогдашнихъ моихъ газетныхъ статьяхъ, и на этой почвѣ разыгралось мое столкновеніе съ Боткинымъ.

Для самого Боткина однако случай съ Наумомъ Прокофьевымъ прошелъ безнаказанно. Одинъ дѣйствительно усмотрѣлъ въ его грубой ошибкѣ шахматный ходъ, другіе простили ему эту ошибку въ виду его заслугъ—словомъ, дѣло обошлось для него благополучно, и онъ еще болѣе десяти лѣтъ пользовался и славою выдающагося діагноста, и всѣмъ, что съ нею связано.

А. Н. Пышигъ.

Стоило только взглянуть на Александра Николаевича при первой съ нимъ встрѣчѣ, чтобы воскликнуть: „Вотъ типъ мягкаго, добраго человѣка!“ И тѣмъ не менѣе у меня было съ нимъ столкновеніе, правда, мимолетное, но было. Когда? На рубежѣ XIX и XX в.

Вотъ какъ произошло это торжественное событіе. Мы заѣзжали вмѣстѣ въ одно изъ учрежденій, милостиво надѣляющихъ литературную братію пенсіями, пособиями, а то и вспоможеніями на рождественскаго гуся. Да, надъ этимъ „рождественскимъ гусемъ“ принято смѣяться, а между тѣмъ онъ представляетъ очень печальный фактъ. Значительная сумма, которою располагаютъ благотворительныя литературныя учрежденія, достигающая ежегодно 90.000 р., расходится по мелочамъ (раздаются пособия въ 3 и даже 2 рубля), а когда надо придти на помощь настоящему литератору, то средствъ обыкновенно недостаетъ, и ассигнуются пенсіи, которыхъ не хватило бы на прокормленіе мелкаго чиновника и даже простого рабочаго. Пенсіи заслуженнаго стараго литератора обыкновенно, вдвое, втрое, а то и въ четверо меньше жалованія какого-нибудь подпоручика. И все это происходитъ вслѣдствіе необычайной отъемчивости или доброты лицъ, вершающихъ дѣла о пособияхъ или пенсіяхъ. Если ихъ разжалобить судьба человѣка, они тотчасъ спѣшаютъ

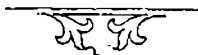
ему на помощь, и такимъ образомъ по мелочамъ расходятся суммы, которые при другихъ обстоятельствахъ вполне могли бы удовлетворить нужду истинныхъ литературныхъ работниковъ. Вотъ на этой-то почвѣ и произошло мое столкновение съ Александромъ Николаевичемъ.

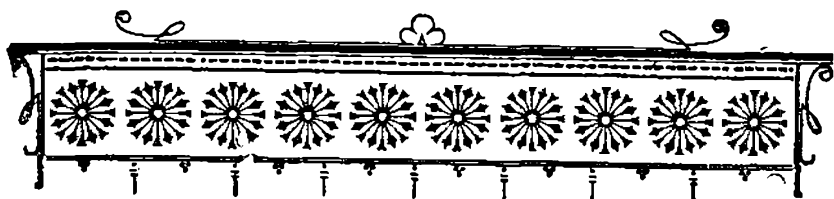
Изъ собранныхъ мною свѣдѣній выяснилось, что литераторы, не имѣющіе почти никакого литературнаго ценза, получаютъ пенсіи; получаютъ пенсіи и литераторы, зарабатывающіе отъ 2—4.000 рублей въ годъ, и что родственники знаменитыхъ поэтовъ тоже получаютъ пенсіи почти высшаго оклада, несмотря на то, что у нихъ въ Петербургѣ доходные каменные дома. Все это меня такъ удивило, что я не могъ не высказаться по этому поводу. Фактъ, что люди съ значительнымъ литературнымъ заработкомъ получаютъ пенсіи, какъ будто нѣсколько смутилъ добрейшаго Александра Николаевича, но все-таки онъ нашелъ для нихъ какое-то извиненіе и вслѣдъ затѣмъ, какъ бы желая усилить свою аргументацію, которая ему самому очевидно не казалась достаточно убѣдительною, рѣшительно возсталъ противъ моей мысли, что домовладѣлецъ можетъ обойтись безъ пенсіи.

— Да что такое петербургскій домовладѣлецъ въ настоящее время?—возразилъ онъ.—По большей части—простой управляющій, не получающій иногда даже жалованья.

Я конечно не оспаривалъ Александра Николаевича и рискнулъ только замѣтить, что человѣкъ, имѣющій доходный каменный домъ, все-таки обезпеченіе человека, не имѣющаго дома. Родственница знаменитаго поэта была лишена пенсіи и очень сѣтовала на это, рѣшительно недоумѣвая, откуда теперь брать ежемѣсячно 40 рублей на булавки дочери, а добрейшій Александръ Николаевичъ мягко упрекалъ меня за то, что я такъ неумолимъ къ людямъ съ недостаточнымъ литературнымъ цензомъ, къ заслуженнымъ, но обезпеченнымъ литераторамъ и къ племянникамъ знаменитыхъ поэтовъ.

Р. Сементковский.

Встрѣчи и столкновенія ¹⁾.

(Е. А. Кожуховъ.—М. П. Соловьевъ.—М. О. Вольфъ.—С. П. Бѣляевъ).

Е. А. Кожуховъ.

Ночтеннѣйшій Евгеній Алексѣевичъ, по свойственной ему скромности, врядъ ли самъ когда-нибудь претендовалъ на роль виднаго администратора. Занявъ постъ Предсѣдательствующаго въ петербургскомъ цензурномъ комитетѣ, онъ старался нести свои служебныя обязанности съ достоинствомъ, удовлетворять требованіямъ начальника и по мѣрѣ возможности не слишкомъ притѣснять нашего брата-писателя. Словомъ, онъ былъ, что называется, среднего калибра администраторомъ, не отличаясь ни въ худую, ни въ хорошую сторону. Но такіе администраторы лучше всего выясняютъ истинное значеніе установленной системы. Они вѣдь являются главными работниками, потому что во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности посредственности составляютъ подавляющее большинство.

Какъ живо я помню невысокую фигуру Е. А. Его голова не соответствовала его туловищу: послѣднее не было внушительно; зато голова, когда Е. А. сидѣлъ, производила впечатлѣніе головы сѣдого, браваго каптенармуса, приставленнаго хранить доброкачественность литературнаго довольствія русскаго читателя. Я часто бывалъ въ его предсѣдательскомъ кабинетѣ, столь памятномъ писателямъ, но здѣсь разскажу лишь о наиболѣе интересномъ столкновеніи, бросающемъ яркій свѣтъ на тогдашніе цензурные порядки.

¹⁾ См. „Русскую старину“ январь 1902 г.

Это было въ 1892 г. Я составилъ жизнеописаніе Каткова для біографической бібліотеки Павленкова, и оно цензурѣ не подравилось. Поговорилъ я съ цензоромъ Коссовичемъ, читавшимъ рукопись, спросилъ его, что въ ней нецензурнаго. Онъ улыбнулся, отвѣтивъ: „ничего не цензурнаго нѣтъ; но пропустить не могу. Пусть предсѣдатель пропуститъ, и я порадуюсь за насъ“. Какъ я его ни убѣждалъ ссылкой на то, что въ моей біографіи ничего, кромѣ несомнѣнныхъ фактовъ, нѣтъ, онъ повторялъ свое: „не могу, не могу“, и только развѣ посовѣтовалъ обратиться къ другому цензору, у котораго каменный домъ гдѣ-то въ Петербургѣ: тотъ-де пропуститъ; ему и въ отставку выйти ничего не значить. Такъ я Коссовича не убѣдилъ, и пришлось обратиться къ предсѣдательствующему.

Кожуховъ, повидимому, былъ уже предупрежденъ и съ первыхъ же словъ моихъ, какъ и Коссовичъ, отрѣзалъ: „Не могу“. Сказано это было въ такомъ категорическомъ тонѣ, что мнѣ оставалось только откланяться и уйти. Но очень мнѣ ужъ досадно было, такъ какъ въ моей біографіи ничего нецензурнаго не было. Поэтому и не удержался и иронически выразилъ надежду, что когда я умру, то цензура будетъ меня такъ же горячо защищать, какъ она теперь защищаетъ Каткова.

Кожуховъ слегка вспылилъ, возразивъ, что Катковъ — не простой публицистъ, а до нѣкоторой степени государственный дѣятель, выражавшій взгляды правительства. Мнѣ, біографу Каткова, эта мысль, хотя и очень распространенная, показалась въ устахъ Кожухова ужъ чрезчуръ наивною. Поэтому я спросилъ почтеннаго Евгенія Алексѣевича, когда собственно Катковъ былъ выразителемъ правительственныхъ взглядовъ.

— Всегда, если не ошибаюсь,—отвѣтилъ Кожуховъ, иронизируя въ свою очередь.

— Т. е. когда онъ защищалъ конституціонный строй, или реальную систему гимназическаго образованія, или свободу торговли, или союзъ съ Германіею противъ союза съ Франціей, когда онъ утверждалъ, что министерство финансовъ сплошь состоитъ изъ нигилистовъ, а министерство иностранныхъ дѣлъ — изъ государственныхъ воровъ, когда онъ провозглашалъ, что сенатъ вступилъ съ земствами въ заговоръ противъ правительства, а государственный совѣтъ играетъ въ парламентаризмъ, когда онъ громогласно пророчествовалъ вслѣдъ за ужаснымъ событіемъ перваго марта, что „еще нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ, недѣль прежняго режима — и крушеніе было бы неизбежно“.

— Да неужели Катковъ все это говорилъ? — нѣсколько удивился Кожуховъ.

— Вы, Евгений Алексѣвичъ, моей біографіи, значитъ, не читали?—спросилъ я въ свою очередь.

— Да не все ли равно,—возразилъ Кожуховъ.—Слушайте. Ваша біографія очень неблагопріятна для Каткова. У него вдова, сынъ... они имѣютъ вліяніе и никогда мнѣ не простятъ...

— И такъ, мое дѣло безнадежно?

— Уже простите, — сказалъ Евгений Алексѣвичъ и, вставъ, протянулъ мнѣ примирительно руку. Я больше не возражалъ, потому что мнѣ было хорошо извѣстно, что у него, какъ и у Коссовича, каменного дома нѣтъ.

Интересна дальнѣйшая судьба біографіи Каткова. Помимо моего вѣдѣнія, она была представлена Павленковымъ дерптскому цензору, который, очевидно, ничего не зная о вліяніи вдовы и сына Каткова, ее одобрилъ къ печати, и она появилась въ свѣтъ. Но не долго она красовалась въ книжныхъ магазинахъ. По всей Россіи разосланъ былъ циркуляръ, повелѣвавшій немедленно изъять ее изъ обращенія. Подъ такимъ запретомъ она пролежала четырнадцать лѣтъ, а затѣмъ въ 1906 г. безъ всякихъ измѣненій вошла въ собраніе моихъ сочиненій, а въ 1910 году разрѣшена была къ продажѣ и въ первоначальномъ своемъ видѣ, т. е. въ качествѣ отдѣльнаго выпуска біографической бібліотеки Павленкова; очевидно, теперь въ ней ничего нецензурнаго уже нѣтъ.

М. П. Соловьевъ ¹⁾.

Столкновеніе мое съ бывшимъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати произошло по поводу печатанія въ „Нивѣ“ романа гр. Л. Н. Толстого: „Воскресенія“. Я тогда состоялъ редакторомъ этого журнала и слѣдовательно былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ трудною задачею напечатать въ очень распространенномъ и дешевомъ журналѣ произведеніе нецензурное и именно въ такое время, когда во главѣ цензурнаго вѣдомства стоялъ человѣкъ, пользовавшійся, какъ говорили, особеннымъ расположеніемъ К. П. Побѣдоносцева, т. е. отъявленнаго врага Толстого.

Зная однако по опыту, что, когда рѣчь заходитъ о правительственныхъ дѣятеляхъ, у насъ обыкновенно „чортъ не такъ страшенъ, какъ его малюютъ“, я рѣшилъ, миновавъ низшія инстанціи, обратиться прямо къ М. П. Соловьеву.

¹⁾ Статья эта должна была слѣдовать послѣ статьи Л. Н. Толстой въ январьской книгѣ с. г. *Ред.*

Онъ принялъ меня любезно, но чуть только я заикнулся о томъ, что меня къ нему привело, онъ перемѣнилъ тонъ.

— Не знаю, зачѣмъ вамъ въ „Нивѣ“ понадобился этотъ старый циникъ,—отрѣзалъ онъ.—Рѣшили печатать,—ну, и печатайте, а меня, пожалуйста, не втягивайте въ эту игру.

Я видѣлъ, что наткнулся на серьезное препятствіе, и что надо пустить въ ходъ тяжелую артиллерію.

— Цензоромъ Пушкина,—началь я:—былъ Императоръ Николай Павловичъ. Толстой, конечно, не Пушкинъ, но цензоромъ его можете быть только вы...

Лѣвый воспаленный глазъ Соловьева внимательно устремился на меня. Я не кривилъ душой: мнѣ въ самомъ дѣлѣ казалось, что цензура и даже предсѣдатель цензурнаго комитета не могли въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ чувствовать себя достаточно свободными, чтобы сколько-нибудь бережно отнестись къ роману Толстого, и потому спокойно вынесъ устремленный на меня взглядъ. Соловьевъ, повидимому, остался доволенъ молчаливымъ экзаменомъ, которому онъ меня подвергъ, т. е. повѣрилъ въ мою искренность.

— Хорошо, отвѣтилъ онъ просто,

И вотъ я сталъ посылать или заносить Соловьеву просмотрѣнный мною романъ по частямъ, и жаловаться на Соловьева я не имѣлъ основанія. Брюзжалъ онъ, правда, не мало. Ничего ему въ романѣ не нравилось: „Развѣ можно называть крестъ шепоткой, говорить о развеселомъ пѣніи въ храмѣ, утверждать, что Богъ—не что иное, какъ сознаваемое человѣкомъ добро—вѣдь это ересь! Развѣ судопроизводство, какъ оно описано у Толстого, не слабѣе и не тусклѣе чѣмъ у Достоевскаго въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ и т. д. Обыкновенно Соловьевъ кончалъ тѣмъ, что возмущался, какъ это Марксъ могъ заплатить бѣшенныя деньги за такой грязный романъ. „Согласитесь, что если бы вамъ его прислалъ кто-нибудь другой, вы-бы его не напечатали даже даромъ“,—говорилъ онъ.

Но, повторяю, Соловьевъ пропускалъ гранку за гранкой, а за вorkотню я конечно въ претензіи не былъ. Рассказываю же я все это для того, чтобы выяснитъ нѣкоторыя частности моего столкновенія съ самимъ Л. Н. Толстымъ.

М. О. Вольфъ.

И крупные люди имѣютъ, какъ извѣстно, слабости. Покойный Маврикій Осиповичъ былъ въ избранной имъ области несомнѣнно крупный дѣятель, свидѣтельствомъ чему служатъ созданное имъ предпріятіе и многочисленныя его изданія. Эти изданія давали работу не только наборщикамъ, но и многимъ литераторамъ.

Предложилъ Вольфъ незадолго до смерти, въ 1882 г., и мнѣ работу для задуманнаго имъ изданія Мицкевича на русскомъ языкѣ. Просилъ онъ меня подготовить для этого изданія курсъ славянской литературы, читанный поэтомъ въ Collège de France въ началѣ 40-хъ годовъ, и его Переписку. Плату онъ мнѣ назначилъ довольно умѣренную, но при расчетѣ оказалось, что онъ и на ней хотѣлъ кое-что сѣкономить, именно „бѣлыя мѣста, окончанія главъ и т. д.“ Въ общемъ это составило, какъ теперь помню... 8 р. 62 к. Мнѣ стало смѣшно, и въ то же время заинтересовалъ вопросъ: неужели такой крупный издатель можетъ быть настолько мелочнымъ, чтобы вступать въ серьезныя пререканія изъ-за такого пустяка.

И вотъ по этому поводу у насъ завязалась переписка—да какая Правда, утонченно-вѣжливая, но на многихъ листахъ прекрасной бумаги, съ соблюденіемъ всѣхъ канцелярскихъ правилъ, съ подвохами, подчеркнутымъ дѣловымъ глубокомысліемъ, ссылками на тотъ или другой пунктъ заключеннаго условія—словомъ, со всѣми ухищреніями заправскаго русскаго бюрократа, хотя покойный Вольфъ, какъ извѣстно, былъ даже не русскій, а польскій еврей.

Вотъ на какой почвѣ я съ нимъ столкнулся. Послѣ долгой переписки я побѣдилъ и получилъ свои 8 р. 62 к., но вѣроятно, благодаря лишь тому, что мнѣ предстояла еще работа у Вольфа, и ему невыгодно было со мною ссориться.

Вотъ по поводу этой работы я какъ-то къ нему заѣхалъ для переговоровъ, и онъ меня попотчивалъ великолѣпной гаванской сигарой. Мы скоро сговорились, и я уѣхалъ, продолжая курить на улицѣ (дѣло происходило весной). Работалъ я тогда вмѣстѣ съ покойнымъ В. О. Михневичемъ въ „Новостяхъ“. Я его засталъ въ редакціи, и когда я вошелъ съ своею сигарою, онъ меня спросилъ, откуда я, и съ какихъ поръ сталъ курить такія превосходныя сигары. Самъ Михневичъ былъ большой любитель сигаръ. Я ему отвѣтилъ, что я—отъ Вольфа, и что именно онъ меня попотчивалъ, дѣйствительно, прекрасной сигарой, которую я съ большимъ удовольствіемъ и докуриваю. „Ахъ онъ... (тутъ вырвалось у Михневича крѣпкое словцо)—вѣдь я тоже отъ него,—продолжалъ онъ:—и взгляни, какую сигару онъ мнѣ далъ,—до сихъ поръ отдышаться отъ нея не могу“. Онъ взялъ изъ пепельницы недокуренную сигару, и по одному ея виду можно было заключить, что это—одна изъ тѣхъ сигаръ, которыя курятъ только на воздухѣ, да при томъ на горѣ и непременно при сильномъ вѣтрѣ. Что же это значитъ?—взглянули мы другъ на друга. Отчего Вольфъ одному изъ насъ предложилъ прекрасную сигару, а другому отвратительную? Дѣло

объяснялось просто: со мною Вольфъ въ заказѣ сошелся, а съ Михневичемъ разошелся,—каково дѣло, таковъ и табакъ.

Но ужъ это было столкновение Вольфа не со мною, а съ Михневичемъ.

С. П. Бѣляевъ.

Покойный членъ Государственной Думы Сергій Петровичъ Бѣляевъ, младшій братъ столь извѣстнаго и заслуженнаго въ музыкальномъ мірѣ Митрофана Петровича, уже юношей обратилъ на себя вниманіе и вотъ по какому поводу. Мы съ нимъ почти одновременно были въ Петро-Павловской школѣ; онъ былъ только годомъ моложе и шелъ классомъ ниже. Слылъ онъ за большого вольнодумца. Кажется, такъ повлияла на него семья. Между прочимъ онъ не давалъ покоя нашему законоучителю, о. Боголюбову, вѣчно предлагая ему въ корридорѣ щекотливые вопросы. Онъ притворялся рѣшительно непонимающимъ, что собственно значить: „Не прелюбы сотвори“ и требовалъ такихъ поясненій, которыя были неудобны. Такихъ вопросовъ у него было много, и они очень раздражали батюшку, который усматривалъ въ нихъ злой умыселъ. Я любилъ батюшку и оставивалъ Бѣляева, и изъ-за этого у насъ выходили ссоры.

Разъ какъ-то послѣ такого вопроса батюшка пригрозилъ Бѣляеву, что онъ его провалить на выпускномъ экзаменѣ, до котораго оставалось уже немного времени. Бѣляевъ струсилъ и заявилъ объ этой угрозѣ директору, которымъ тогда состоялъ профессоръ греческой словесности И. Б. Штейнманъ — личность во многихъ отношеніяхъ замѣчательная. Директоръ очень внимательно выслушалъ Бѣляева и посоветовалъ ему только хорошенько подготовиться, такъ какъ, если онъ будетъ знать свой предметъ, то конечно никто его не провалить. Бѣляевъ дѣйствительно постарался и вызубрилъ и катехизисъ, и богослуженіе, и исторію церкви на зубокъ; къ тому же экзаменъ происходилъ въ присутствіи директора, инспектора, нѣсколькихъ учителей и представителя отъ министерства. Гарантія была слѣдовательно полная. И тѣмъ не менѣе батюшка провалилъ Бѣляева, да еще какъ,—что называется съ блескомъ и трескомъ.

И какъ просто онъ принялся за дѣло. Бѣляеву попались билеты легкіе. Немного смутило, что изъ катехизиса ему попался билетъ тринадцатый, но и этотъ билетъ (о четвертомъ и слѣдующихъ прошеніяхъ) онъ хорошо зналъ и былъ въ себѣ увѣренъ. Съ катехизиса и начался экзаменъ. Бѣляевъ уже собирался объяснить, что слѣдуетъ разумѣть подъ хлѣбомъ насущнымъ и съ какими

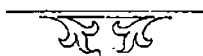
мыслями должно просить Бога о немъ, какъ вдругъ о. Боголюбовъ спрашиваетъ: „Прочтите мнѣ, Бѣляевъ, всю молитву Господню“. Бѣляевъ началъ очень бойко, но затѣмъ какъ-бы оробѣлъ, прочелъ четвертое прошеніе раньше третьяго, и это его до того смутило, что на пятомъ онъ запнулся и, увидѣвъ торжествующій взглядъ батюшки, окончательно растерялся.

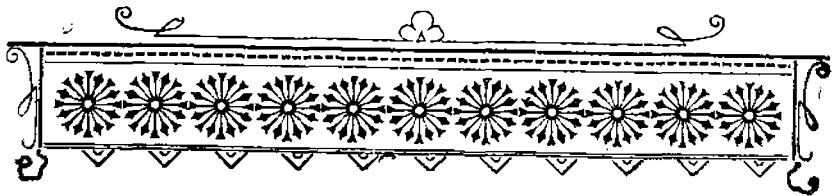
О. Боголюбовъ обратился къ остальнымъ экзаменаторамъ съ вопросомъ, стоитъ ли послѣ этого продолжать. И всѣ, какъ одинъ человекъ, отрицательно покачали головами. Дѣйствительно, можно ли было экзаменовать изъ Закона Божія ученика, который не зналъ даже молитвы Господней?

Бѣляеву пришлось оставаться въ выпускномъ классѣ еще годъ. Батюшка сообразилъ, что Бѣляевъ никогда не молился и въ церкви не бываетъ, и поэтому легко можетъ сбиться на молитвѣ Господней, а переводить ученика, ее не знающаго, конечно невысказуемо. Местъ батюшки была вѣрно задумана.

Р. Сементковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Встрѣчи и столкновенія¹⁾.

(В. И. Добровольскій.—М. М. Шершевскій.—Ф. Ф. Павленковъ).

В. И. Добровольскій.

Моя первая встрѣча и единственное столкновение съ известнымъ нашимъ офтальмологомъ, В. И. Добровольскимъ, относится къ концу 70-хъ годовъ. Я заѣхалъ къ нему для опредѣленія степени моей близорукости, и меня, помню, поразило, что въ приемные часы я никого не засталъ. Это какъ-то странно противорѣчило установившейся за Добровольскимъ репутаціи выдающагося врача. Приемъ у него на дому происходилъ два раза въ день: рано утромъ и въ послѣобѣденные часы. Я заѣхалъ послѣ обѣда, и когда онъ ко мнѣ вышелъ, я увидѣлъ передъ собою заспаннаго господина съ глазами, до того налитыми кровью, что я удивился, какъ врачъ можетъ доводить свои глаза до такого состоянія. Я впрочемъ вспомнилъ поговорку, что на сапожники рѣдко бываютъ хорошіе сапоги, и успокоился на этомъ. Но меня тотчасъ же опять смутили нечистоплотные его пальцы, которыми онъ собирался раскрыть мнѣ глаза для лучшаго ихъ осмотра. Я невольно отшатнулся. Это видимо его раздражило. Но тутъ я вспомнилъ рассказъ, будто бы онъ, осмотрѣвъ какую-то даму и убѣдившись, что она нуждается въ пустой хирургической помощи, тотчасъ же взялъ со стола ножъ и, не говоря дурного слова, собирался ее рѣзнуть, и что дама отъ неожиданности упала въ обморокъ. Вспомнивъ этотъ рассказъ, я далъ себѣ слово воздержаться отъ обморока, что бы со мной ни продѣлалъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ февраль 1912 г.

знаменитый окулистъ. Но то, что онъ продѣлалъ, было ужасно. Своими нечистоплотными пальцами онъ разбередилъ мнѣ глаза до того, что слезы у меня потекли ручьемъ. Не давъ мнѣ опомниться, онъ предложилъ мнѣ читать на разстояніи разные слова и цифры. Я плохо видѣлъ, а онъ все сильнѣе негодовалъ на то, что я не могу прочесть тѣхъ словъ, которыя я, по его мнѣнію, долженъ былъ прочесть. По степени близорукости я могъ прочесть указываемыя имъ слова, но мнѣ мѣшали слезы. Наконецъ онъ раздражился до того, что, затопавъ ногами, крикнулъ: „Говорю вамъ, вы можете прочесть!“.

Тутъ я убѣдился, что мы этимъ путемъ не столкнемся, и сказалъ:

— Знаете что, профессоръ: я, правда, слышалъ, что вы... человекъ рѣзкій, но, что ваша рѣзкость принимаетъ такіе размѣры,—этому я никогда бы не повѣрилъ, если бы...

Добровольскій страшно сконфузился и сталъ быстро бормотать: „Кто вамъ это сказалъ, кто вамъ это сказалъ?“. Онъ очевидно самъ не зналъ, что говоритъ, ему хотѣлось только чѣмъ-нибудь загладить произведенное имъ тяжелое впечатлѣніе.

Визитъ мой окончился благополучно. Владиміръ Ивановичъ лечилъ меня потомъ много лѣтъ, и я не могу нахвалиться его вниманіемъ и даже его деликатностью, такъ что затрудняюсь объяснить случившіяся съ нимъ грубыя выходки, испортившія ему до того практику, что, несмотря на выдающіяся его заслуги, онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ газетнымъ объявленіямъ, чтобы напоминать о себѣ пациентамъ.

Грубость—явленіе нерѣдкое у нашихъ врачей—объяснялась у него, можетъ быть, отчасти его происхожденіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитаніемъ, отчасти его склонностью къ спиртнымъ напиткамъ, отчасти его болѣзненнымъ самолюбіемъ. Рассказываютъ, что ему на какомъ-то парадномъ обѣдѣ пришлось сидѣть рядомъ съ очень вліятельнымъ генералъ-адъютантомъ. Тотъ старался занять разговоромъ научную знаменитость, но Добровольскій отвѣчалъ такъ неохотно, что генералъ-адъютантъ не утерпѣлъ и спросилъ его, гдѣ онъ собственно воспитывался. Тутъ Добровольскій на весь столъ громко отчеканилъ: „Въ пажескомъ Его Величества корпусѣ“. Произошла неловкая сцена, которую генералъ-адъютантъ замаялъ съ тактомъ свѣтскаго человека. Послѣ обѣда кто-то изъ свидѣтелей этой сцены обратился къ Добровольскому съ упрекомъ, зачѣмъ онъ себѣ вредитъ такими выходками. „Да что же, онъ, спрашиваетъ, — огрызнулся Добровольскій: — не видитъ, что-ли, что я семинаръ?“

Въ этомъ эпизодѣ сказался весь Добровольскій. Тутъ и сознаніе несомнѣнныхъ заслугъ, и пренебреженіе къ представителямъ правящихъ классовъ, и плохо скрываема досада, что ему самому недоступно то, что тѣмъ какъ бы прирождено, и виновность въ томъ, въ чемъ онъ нисколько не виноватъ. Это настроеніе, свойственное многимъ семинаристамъ, въ связи съ нѣкоторыми явленіями нашей общественной жизни еще не нашло себѣ должной оцѣнки.

Какъ бы то ни было, виѣшняя грубость у Добровольскаго нисколько не исключала, какъ я лично убѣдился, таившуюся въ его душѣ мягкость и деликатность. Но во всякомъ случаѣ она мѣшала успѣхамъ его практики, которою онъ дорожилъ и которая ему не давалась, хотя преуспѣвали иногда врачи, не имѣвшіе и сотой доли его заслугъ. Его неудачливости въ этомъ отношеніи содѣйствовало и полное отсутствіе въ немъ шарлатанства. Какъ я ни осуждаю шарлатанство у врачей, я самъ чуть было не отшатнулся отъ Добровольскаго вслѣдствіе его необычайной искренности и простоты. Весь этотъ эпизодъ настолько характеренъ для нашихъ врачей, что его стоитъ разсказать.

У меня три раза въ жизни повторялось воспаленіе радужной оболочки. Уже послѣ второго приступа этой мучительной болѣзни, лишавшей меня каждый разъ возможности работать въ теченіе шести недѣль, я обратился къ Добровольскому съ настойчивой просьбой сказать мнѣ, чѣмъ она собственно вызывается, потому что нельзя же лечить болѣзни, не зная ея причины. Добровольскій отвѣтилъ мнѣ съ свойственной ему простотою, что онъ причины не знаетъ, но что въ учебникахъ говорятъ обыкновенно о травмѣ, сифилисѣ и ревматизмѣ. Ни той, ни другой болѣзни у меня не было, а вылечиться я непремѣнно хотѣлъ. Поэтому я бросилъ Добровольскаго и обратился къ другой знаменитости, которая мнѣ авторитетно заявила, что причина моей болѣзни ясна, какъ день, что у меня расширение сосудовъ, и что я долженъ обратиться къ врачу общихъ болѣзней, и рекомендовала мнѣ покойнаго Чудновскаго. Тотъ мнѣ прописалъ спорынью. Я исправно глоталъ этотъ ядъ, но черезъ годъ у меня иритисъ опять повторился. Тогда я рѣшилъ обратиться къ покойному Г. А. Донбергу. Онъ тоже мнѣ указалъ на ревматизмъ и сифилисъ, какъ на причины болѣзни, а на мое замѣчаніе, что у меня этихъ болѣзней никогда не было, возразилъ: „Почемъ вы знаете? Кто васъ грудью кормилъ? Мать? Нѣтъ, не мать. Значитъ, кормилица. Ну, а ее изслѣдовали? Нѣтъ. Значитъ, вы не знаете, была ли она здорова“. На это мнѣ оставалось, конечно, только отвѣтить, что я дѣйствительно не знаю,

былъ ли у меня сифилисъ. Но такъ какъ причина моей болѣзни все-таки оставалась неизвѣстной, то я рѣшился намекнуть на расширеніе сосудовъ.

— Гдѣ у васъ расширеніе сосудовъ? — спросилъ нетерпѣливо Донбергъ.

— Въ глазахъ, — отвѣтилъ я.

— Кто вамъ это сказалъ?

Я назвалъ знаменитость.

— Скажите ему отъ моего, Донберга, имени, что онъ по меньшей мѣрѣ дуракъ.

Я этого порученія, понятно, не исполнилъ, по причина моей болѣзни такъ и осталась пока невыясненной. Я вернулся къ Добровольскому и намекнулъ ему также на расширеніе сосудовъ. Онъ точно такъ же, какъ Донбергъ, спросилъ:

— Гдѣ? Въ животѣ?

— Нѣтъ, въ глазахъ, — отвѣтилъ я потупясь.

— То-то вамъ совѣстно стало отъ такой глупости, — не рѣшается даже смотрѣть на меня.

Тѣмъ дѣло и кончилось, я я ничего не узналъ. Причина моей болѣзни раскрылась мнѣ только впоследствии и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

М. М. Шершевскій.

У Михаила Марковича не было недостатка въ томъ, что совершенно отсутствовало у Владиміра Ивановича, и такъ какъ онъ къ тому же былъ искусный врачъ, то пользовался большимъ успѣхомъ. Въ діагнозѣ желудочной болѣзни, которая меня къ нему привела, онъ ошибся, прописавъ мнѣ водолеченіе. Директоръ водолечебницы, въ которую я хотѣлъ поступить, добросовѣтнѣйшій остзейскій нѣмецъ, рѣшительно отказался меня принять, заявивъ, что никакіе авторитеты міра его не убѣдятъ, что водолеченіе можетъ быть мнѣ полезно. Но я не ставлю этого въ вину Шершевскому, — всѣ мы подъ Господомъ Богомъ ходимъ. И не это меня въ немъ поразило, а то, что онъ хотѣлъ рѣшительно все дѣлать не такъ, какъ другіе врачи, а какъ-то особо: всѣ должны были чувствовать, что онъ врачъ особый, и что его никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ другими врачами.

Послѣ подробнаго и чрезвычайно добросовѣстнаго изслѣдованія, во время котораго онъ снѣмъ карандашомъ разрисовалъ мнѣ животъ и отчасти грудь причудливыми линіями по всѣмъ направленіямъ, онъ мнѣ заявилъ, что, читая мои литературныя произве-

денія, убѣдился, что мозгъ у меня дѣйствуетъ исправно, но что нервы и особенно нервы желудка у меня сумасшедшіе. Начавъ съ этого, онъ прочелъ мнѣ обстоятельную лекцію, не лишенную остроумія, въ которой онъ сравнилъ человѣческій организмъ съ государствомъ и доказывалъ, что, несмотря на вполне логическую мысль правительства, т. е. мозга государства, вследствие неисправной дѣятельности тѣхъ или другихъ проводниковъ его воли, отдѣльныя части организма могутъ придти въ полное разстройство. Эта лекція продолжалась никакъ не менѣе получаса. Я ее выслушалъ съ полнымъ вниманіемъ; внимательно выслушалъ и предписанное мнѣ леченіе. Оно состояло въ прикладываніи къ затылку и подъ ложечку скульптурной глины, продаваемой въ Академіи Художествъ; затѣмъ надо было каждые полчаса съѣдать по бутерброду величиною въ серебряный рубль, съ чѣмъ мнѣ заблагодарсудияся; кромѣ того, я долженъ былъ за обѣдомъ непременно ѣсть вестфальскую ветчину, взятую изъ опредѣленной колбасной, помню, гдѣ-то на Пантелеймонской; наконецъ, чтобы возстановить должное повиновеніе проводниковъ воли центральнаго правительства, т. е. желудочныхъ нервовъ мозгу, я долженъ былъ принимать гидратъ-хлоралъ маленькими дозами. Все это мнѣ предстояло продѣлывать въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, т. е. до лѣта, когда онъ мнѣ строго-на-строго велѣлъ заняться водолеченіемъ. Въ этихъ предписаніяхъ все было оригинально, за исключеніемъ водолеченія, которое на повѣрку оказалось совершенно ненужнымъ. Михаилъ Марковичъ въ этомъ пунктѣ себя измѣнилъ и за это поплатился докторской ошибкой.

Но, какъ бы то ни было, только отъ него, хотя онъ и не былъ окулистомъ, я наконецъ узналъ причину моей глазной болѣзни. Рассказывая ему исторію моей болѣзни, я между прочимъ упомянулъ, что у меня три раза было воспаленіе радужной оболочки, и что специалисты не могли опредѣлить причины этого часто повторявшагося недуга. На это Шершевскій улыбнулся и сообщилъ мнѣ слѣдующее интересное свое наблюденіе.

— Если бы я не былъ военнымъ врачомъ,—сказалъ онъ мнѣ:—я вамъ вѣроятно тоже сказалъ бы, что воспаленіе радужной оболочки вызывается травмой, ревматизмомъ или сифилисомъ. Но когда я былъ еще полковымъ врачомъ, эта болѣзнь встрѣчалась у меня въ полку довольно часто. Свидѣтельствовалъ, разспрашивалъ больныхъ,—не было ли сифилиса или ревматизма? Нѣтъ, сомнѣній быть не могло: болѣзнь вызывалась не этими причинами. Сталъ я внимательнѣе относиться къ дѣлу, и, представьте себѣ, оказалось, что воспаленіемъ радужной оболочки заболѣваютъ главнымъ обра-

зомъ лучшіе стрѣлки въ полку. Тутъ я понялъ, что дѣло не въ ревматизмѣ и не въ сифилисѣ, а въ напряженіи зрѣнія, тѣмъ болѣе, что заболѣвали солдатики всегда на правый глазъ. Но если это съ солдатами возможно, то тѣмъ болѣе это возможно съ писателемъ. Небось вы глазами-то не мало дѣйствовали.

И такъ если бы я не зашелъ къ Шершевскому и если бы онъ не былъ человѣкомъ наблюдательнымъ и при томъ военнымъ врачомъ, то никто изъ врачей не открылъ бы мнѣ глаза на причину моей глазной болѣзни, о которой я впрочемъ самъ легко могъ бы догадаться, если бы былъ болѣе догадливъ. Правда и то: человѣкъ обыкновенно не замѣчаетъ, чего онъ замѣчать не хочетъ, а легко ли писателю увѣрить себя, что онъ вредитъ себѣ тѣмъ, что ему дороже всего на свѣтѣ?

Ф. Ѳ. Павленковъ.

Между издателями, съ которыми меня столкнула судьба, Павленковъ занимаетъ очень видное мѣсто, и я полагаю, что онъ заслуживаетъ гораздо большаго признанія, чѣмъ какое ему выпало на долю при жизни и послѣ смерти. Говоря это, я имѣю въ виду не читатели, отнесшагося къ нему сочувственно и помогшаго ему создать крупное издательское предпріятіе, а нашего брата писателя, который создаетъ имя человѣку, посвятившему всѣ свои силы просвѣщенію общества.

Похойный Флорентій Ѳеодоровичъ былъ съ головы до ногъ человѣкъ дѣла. Для него онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ: и своимъ состояніемъ, котораго у него впрочемъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова и не было, потому что онъ признавалъ все имъ нажитое общественнымъ достояніемъ, и своимъ здоровьемъ, которое онъ, работая безъ устали, ничуть не щадилъ. Это была цѣльная натура, мужественная, прямая и честная, какъ подобаетъ ее имѣть воину, коимъ онъ былъ не только въ переносномъ смыслѣ, ведя храбро войну со своими многочисленными врагами, но и въ буквальномъ смыслѣ въ качествѣ офицера, вышедшаго въ отставку въ виду злоупотребленій, раскрытыхъ имъ въ той части, въ которой онъ служилъ. Но если онъ, такъ сказать, отрекся отъ арміи, то армія врядъ-ли отъ него отречется, цѣня тѣ военныя качества, которыя онъ съ такою полнотою воплощалъ въ себѣ.

Никто не заподозритъ меня въ пристрастіи къ Павленкову: онъ оплачивалъ мой трудъ не щедрѣе другихъ, а въ политическомъ отношеніи мы съ нимъ сильно расходились. Павленковъ былъ, какъ я сказалъ, весь преданъ дѣлу, преданъ до фанатизма; онъ даже,

какъ выяснилось въ одномъ спорѣ со мною, не допускалъ, чтобы фанатизмъ могъ быть признанъ явленіемъ отрицательнымъ. Въ дѣла онъ былъ человѣкъ какъ бы потерянный, не знавшій, куда идти, на что смотрѣть, о чемъ говорить, но когда онъ былъ занятъ своимъ любимымъ дѣломъ, онъ вдругъ изъ ничтожнаго на видъ человѣка выросталъ въ крупнаго общественнаго дѣятеля.

Мы съ нимъ были люди если не различныхъ лагерей, то люди различнаго міропониманія. Въ основныхъ дѣляхъ мы врядъ ли расходились; мы съ нимъ вѣрили въ свободу, горячо любили и родину, и просвѣщеніе. Но онъ вѣрилъ въ законность и плодотворность „протеста“ и потому шелъ рука объ руку съ такъ-наз. радикальнымъ лагеремъ; этому лагерю онъ служилъ по мѣрѣ силъ и средствъ, увѣренный, что именно онъ обновитъ и спасетъ Россію. Я этого мнѣнія не раздѣлялъ; однако соймѣстная работа съ нимъ была для меня возможна. Дѣло въ томъ, что Павленковъ смотрѣлъ немного шире на прогрессъ, чѣмъ его партія. Онъ думалъ, что если и далеко не всѣ, то многія дороги ведутъ въ Римъ, а не одна только, какъ думаетъ наша радикальная партія. Всѣ его симпатіи были на сторонѣ послѣдней: въ качествѣ сотрудниковъ люди этой партіи главнымъ образомъ и поддерживали его предпріятіе. Но въ то же время онъ понималъ, что многія хорошія книги, русскія и иностранныя, указывающія дорогу въ тотъ же Римъ, будутъ ими забракованы, а потому и дорожилъ другими сотрудниками. Въ его многочисленныхъ письмахъ ко мнѣ сохранились ясно-выраженные опасенія, что дѣятельность его не будетъ вполне успѣшна, если онъ всецѣло довѣрится радикальной партіи.

Мнѣ кажется, что, кромѣ этой основной причины, была еще другая, заставлявшая его быть на-сторожѣ. Уже въ 70-хъ и 80-хъ годахъ представители этой партіи выступали учителями позднѣйшихъ декадентовъ въ одномъ очень практическомъ дѣлѣ. Они артелью налегали на даннаго издателя и нещадно его эксплуатировали. Примѣровъ такого примѣненія артельного начала можно насчитать не мало, и до чего доходила эксплуатация издателей этими литературными артельщиками, показываетъ слѣдующій фактъ. Павленковъ какъ-то попросилъ меня написать для его біографической бібліотеки жизнеописаніе Александра II. Я сперва сомнѣвался, принять ли эту по существу мнѣ весьма симпатичную работу въ виду небольшого объема, установленнаго для жизнеописаній его бібліотеки, но когда онъ мнѣ заявилъ, что для Царя-Освободителя можно сдѣлать исключеніе и отвелъ мнѣ 12 убористыхъ листовъ, я согласился и взялъ подъ эту работу авансъ въ нѣсколько сотъ рублей. Обстоятельства однако сложились такъ, что я все-таки вы-

нужденъ былъ отказаться отъ нея. Какъ только это для меня выяснилось, я тотчасъ же съѣздила къ Павленкову, чтобы сообщить ему о своемъ рѣшеніи. Флорентій Ѳеодоровичъ такъ смутился, что мнѣ стало его жаль, хотя я и не понималъ причины его смущенія. Вижу, онъ меня всячески уговариваетъ не отказываться отъ работы. Я ему пазываю лицъ, которыя могли бы съ успѣхомъ меня замѣнить. Нѣтъ, Флорентій Ѳеодоровичъ не соглашается: по его мнѣнію, я именно тотъ человѣкъ, который безпристрастнѣе всего оцѣнить Царя-Освободителя. Тогда я, *pour souper court*, вынимаю бумажникъ, чтобы возвратить авансъ, но рука у меня опускается. Съ Флорентіемъ Ѳеодоровичемъ происходитъ что-то неладное. Глаза его округляются, словно онъ чему-то несказанно удивляется, ротъ его также округляется, словно онъ хочетъ отъ изумленія протянуть безконечное: „о-о-о-о!“ Сдѣлавъ надъ собою усиліе, я наконецъ вынимаю изъ бумажника деньги и отсчитываю кредитки. Павленковъ внимательно слѣдитъ за движеніемъ моихъ рукъ, и когда я кончаю, приходитъ наконецъ въ себя и говоритъ: „А все-таки, Ростиславъ Ивановичъ, не отказывайтесь!“

Вопросъ, повидимому, былъ исчерпанъ, но причина изумленія Павленкова осталась для меня не вполне еще выясненною. Слово „все-таки“ кое-что, правда, уясняло, но мнѣ интересно было въ точности узнать, вѣрна ли моя догадка. Я спросилъ:

— Развѣ, Флорентій Ѳеодоровичъ, случаи возвращенія вамъ авансовъ такъ рѣдки?

Павленковъ въ отвѣтъ печально улыбнулся, развелъ руками и сказалъ:

— Это первый и вѣроятно единственный случай въ моей практикѣ. Другіе издатели, впрочемъ, можетъ быть счастливѣе...

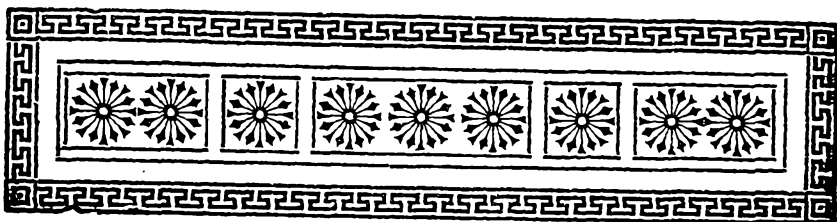
Я уже упомянулъ, что Павленковъ здоровья своего не щадилъ. Когда я съ нимъ познакомился (это было въ 1890 г.), онъ былъ еще бодръ, но его по временамъ донималъ мучительный кашель. Онъ съѣздила въ Крымъ, попробовалъ тамъ отдохнуть, но, подчиняясь бывшей въ немъ ключомъ энергіи, изъ Алушты взобрался пѣшкомъ на Чатырь-Дагъ. Понятно, что и Крымъ ему при такихъ обстоятельствахъ пользы не приносилъ. Впрочемъ, онъ изъ экономіи себѣ экскурсій на югъ больше не позволялъ и довольствовался скромной дачей подъ Петербургомъ. Его кашель меня тревожилъ, и я ему настойчиво совѣтовалъ проводить по крайней мѣрѣ осень, если не всю зиму, гдѣ-нибудь на Ривьерѣ. Онъ сперва рѣшительно возсталъ противъ этой мысли, говоря, что дѣло этого не допускаетъ, да и средства не позволяютъ. Видя, что всѣ мои доводы остаются безъ результата, я его спросилъ, увѣренъ ли онъ, что его наслѣд-

ники поведутъ его дѣло, дѣло немаловажное, такъ же умѣло и любовно, какъ онъ самъ. Онъ возразилъ, но уже не такъ увѣренно: „Что за комплименты!“ Я не настаивалъ, полагая, что кашель доскажетъ ему то, чего я не досказалъ. И дѣйствительно въ слѣдующую осень онъ поѣхалъ въ Ниццу, а затѣмъ сталъ проводить тамъ и всю зиму, постоянно сѣтуя шутливо въ своихъ письмахъ ко мнѣ, что Ницца его въ гробъ уложить, потому что, когда его нѣтъ въ Петербургѣ, типографіи и корректора его изводятъ, а я себѣ думалъ, что послѣдніе не такъ опасны, какъ его недугъ, и радовался, что онъ живетъ въ Ниццѣ. Кажется, что зимы, проведенныя имъ въ Ниццѣ, благопріятно отражались на его здоровьѣ, потому что онъ оттуда всегда возвращался здоровѣе и бодрѣе. Но недугъ ужъ слишкомъ далеко зашелъ, и Павленкова въ 1900 г. не стало. Онъ прожилъ бы можетъ быть еще дольше, если бы экономія не заставляла его жить въ Ниццѣ въ помѣщеніи, мало соответствовавшемъ гигиеническимъ требованіямъ. Бѣдный Павленковъ! Живя для дѣла, онъ о себѣ забывалъ.

Русскій литераторъ, русскій читатель и русскій народъ не могутъ не хранить доброй памяти объ этомъ энергичномъ и предпріимчивомъ издателѣ, создавшемъ изъ ничего крупное просвѣтительное предпріятіе, распространившемъ десятки тысячъ экземпляровъ прекрасныхъ дешевыхъ книгъ и давшемъ средства для основанія многихъ народныхъ бібліотекъ и для образованія довольно крупнаго капитала на пользу неимущей пишущей братіи. Такихъ энергичныхъ, умѣлыхъ и предпріимчивыхъ людей наша родина насчитываетъ не такъ ужъ много, чтобы имѣть право забыть Павленкова.

Р. Сементковскій.

Встрѣчи и столкновенія ¹⁾.

(М. Е. Салтыковъ, П. А. Гайдебуровъ, А. Θ. Марксъ).

М. Е. Салтыковъ ¹⁾.

Въ Михайломъ Евграфовичемъ у меня завязались сношенія воть по какому поводу. Въ концѣ 70-хъ годовъ въ нашей печати, какъ это бывало періодически и раньше, усиленно обсуждался польскій вопросъ. Всѣ разсужденія публицистовъ консервативнаго и либеральнаго лагеря мнѣ казались неубѣдительными. Объяснялось это вѣроятно слѣдующимъ. Во-первыхъ, я въ дѣтствѣ росъ въ Варшавѣ, а съ одиннадцати до двадцати-трехъ лѣтнаго возраста ежегодно прїѣзжалъ въ Варшаву къ моему опекуну на Рождество и лѣтнія каникулы; я, слѣдовательно, былъ знакомъ съ польской жизнью непосредственно. Во-вторыхъ, умъ у меня по-преимуществу реальный въ томъ смыслѣ, что я отъ фактовъ восхожу къ теоріи, а не наоборотъ. Поэтому и въ польскомъ вопросѣ мнѣ также хотѣлось исходить отъ самой жизни, а не отъ тѣхъ или другихъ польскихъ или русскихъ теорій. И воть я рѣшилъ познакомиться, такъ какъ не могъ отлучиться изъ Петербурга, съ тогдашней польской жизнью по крайней мѣрѣ, насколько она отражается въ польской беллетристикѣ. Пришлось подучиться польскому языку, который я зналъ недостаточно, а затѣмъ я зашелъ въ петербургскій книжный магазинъ и попросилъ дать мнѣ новѣйшія польскія беллетристическія произведенія.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ 1912 г.

На мое несчастіе, мнѣ сперва все попадались книги, которыя меня гораздо больше знакомили съ ихъ авторами, чѣмъ съ польскою жизнью. Но вдругъ начинаю читать одну небольшую повѣсть и ужъ не могу отъ нея оторваться. Вотъ она жизнь безъ прикрасъ. Я былъ въ восторгѣ отъ повѣсти. Потомъ мнѣ подвернулись другія повѣсти, хотя и не такія сильныя, но устанавливавшія, какъ дважды два четыре, что польская жизнь удивительно похожа на русскую. А между тѣмъ наша либеральная печать, безъ всякаго видимаго результата, все толковала о польско-русскомъ сближеніи. Можетъ быть оно легче достижимо,—спрашивалъ я себя:—не на почвѣ политическихъ теорій или стремленій, а на почвѣ тѣхъ общихъ вопросовъ, которые вслѣдствіе поразительнаго сходства русской и польской жизни приходится рѣшать совмѣстно и полякамъ, и намъ русскимъ?

Отсюда до желанія познакомить русскихъ читателей съ прочтанными мною польскими беллетристическими произведеніями былъ только одинъ шагъ.

Хотя я никогда до тѣхъ поръ не занимался переводами, за исключеніемъ одного ученаго труда, я рѣшился перевести соблазнившую меня повѣсть и быстро справился съ этой работой. Она была изъ народнаго быта („Эскизы углемъ“ Сенкевича, столько разъ впослѣдствіи переведенные на русскій языкъ). Кромѣ того, я для достиженія поставленной себѣ цѣли былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы повѣсть появилась въ распространенномъ и вліятельномъ органѣ. Поэтому я рѣшилъ предложить ее „Отечественнымъ Запискамъ“. Салтыковъ ее принялъ съ большою готовностью и попросилъ меня черезъ Н. К. Михайловскаго зайти въ редакцію для переговоровъ. Вотъ тутъ-то и произошла моя встрѣча съ русскимъ сатирикомъ.

Это было въ квартирѣ Г. З. Елисѣева на Надеждинской. Когда я позвонилъ, и мнѣ открыли дверь, я невольно отшатнулся,—такъ былъ ошеломленъ потокомъ ругательствъ, несшихся изъ квартиры и извергаемыхъ густымъ басомъ. Я подумалъ, что попалъ не туда, куда слѣдуетъ, и хотѣлъ обратиться въ бѣгство, но лакей успокоительно мнѣ ухмылялся.

— Ничего-съ,—сказалъ онъ:—это Михайлъ Евграфовичъ.

Я все еще не могъ придти въ себя отъ удивленія.

— Пожалуйте,—приглашалъ онъ меня.—Вы въ редакцію?

Ругательства продолжали нестись изъ квартиры въ ускоренномъ темпѣ и съ удвоенною силою, но лакей мнѣ такъ добродушно улыбался, что я успокоился и вошелъ. Меня провели въ гостиную, гдѣ никого не было. Вскорѣ ругательства прекратились, и въ ком.

нату вошелъ... но кто не видѣлъ портрета Салтыкова? Скажу только, что, хотя ему было въ то время только 53 г., но онъ производилъ впечатлѣніе старика. Походка у него была медленная, грузная, и онъ тяжело опустился въ кресло, пригласивъ и меня сѣсть.

— Нечего Бога гнѣвить,—сказалъ онъ, и я въ его голосъ призналъ бась, только что извергавшій ругательства:—вещь хорошая... очень хорошая,—прибавилъ онъ съ оттяжкой.—И читается, точно русская,—только у насъ не умѣютъ такъ писать... Чего улыбаетесь,—повысилъ онъ голосъ и вперилъ въ меня свой неподвижный взглядъ:—говорю вамъ, не умѣютъ. У насъ не пишутъ—мазилкой мажутъ, какъ волостной старшина у вашего Сенкевича.

Впослѣдствіи онъ мнѣ часто повторялъ эту фразу „у насъ не умѣютъ писать“ и неизмѣнно прибавлялъ: „въ нашихъ повѣстяхъ идутъ съ неба какіе-то розовые дожди“, намекая на конецъ помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ повѣсти очень извѣстнаго русскаго беллетриста. Я уяснилъ себѣ только впослѣдствіи эти вѣчныя жалобы Салтыкова на нашихъ беллетристовъ: ужъ очень солоно ему приходилось отъ исправленія ихъ рукописей. Онъ не поступалъ такъ, какъ поступали и поступаютъ другіе редакторы, которые просто не принимаютъ для своего удобства и съ явнымъ ущербомъ для читателя и даже для литературы рукописей, требующихъ исправленія, какъ бы онѣ по своему содержанію ни были интересны. Салтыковъ, напротивъ, зная, что форма иногда далеко не соотвѣтствуетъ содержанію, что люди съ огромною наблюдательностью и съ богатѣйшимъ матеріаломъ, почерпнутымъ прямо изъ жизни, могутъ иногда грѣшить не только противъ стилистики, но даже и противъ грамотности, считалъ прямо преступнымъ отвергать рукописи, интересныя по содержанію, но неудовлетворительныя по формѣ и подвергалъ себя тяжелому труду, вызванному любовью къ литературѣ и добросовѣстностью по отношенію къ читателю. Поэтому впослѣдствіи, получая рукописи отъ лицъ, помѣщавшихъ свои произведенія въ „Отечественныхъ Запискахъ“, редакторы удивлялись, какъ Салтыковъ могъ принимать произведенія авторовъ, заведомо безграмотныхъ. При этомъ забывалось, что рукописи эти подвергались иногда полной переработкѣ Салтыковымъ, и что даже знаменитые наши писатели находятся иногда въ большихъ неладахъ съ орфографіей, лексикологіей и синтаксисомъ.

Но возвращаясь къ разсказу о моей первой встрѣчѣ съ Салтыковымъ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ онъ меня:—этотъ Сенкевичъ извѣстный польскій писатель?

Я отвѣтилъ ему, что, сколько я знаю, онъ еще молодой чело-вѣкъ, написалъ пока мало и не пользуется большою извѣстностью или симпатіей у поляковъ.

— Странно, странно,—отвѣтилъ Салтыковъ.—Большой онъ талантъ! Поляки, значить, какъ и русскіе, не умѣютъ цѣнить своихъ талантовъ.

Я возразилъ Салтыкову, что, насколько я успѣлъ познакомиться съ поляками, они напротивъ превозносятъ сверхъ мѣры своихъ писателей, но что вѣроятно тенденція Сенкевича имъ несимпатична, что онъ слишкомъ рѣзко осуждаетъ интеллигенцію, помѣщиковъ и духовенство.

Салтыковъ расхохотался такъ искренно, что я удивился: этотъ смѣхъ какъ-то странно противорѣчилъ его недавнимъ ругатель-ствамъ и его мрачному виду.

— Да, ловко онъ ихъ отдѣлываетъ,—проговорилъ онъ сквозь смѣхъ:—даже завидно. И нашихъ бы слѣдовало больно постегать, нѣтъ больнѣе. У насъ что мужикъ, что помѣщикъ—порода одна, а въ Польшѣ мужикъ, хотя и соплеменникъ, а все же порода другая—малороссіянинъ, русинъ, что-ли...

Я рѣшилъ поправить Салтыкова, замѣтивъ, что мѣсто дѣйствія повѣсти Сенкевича не австрійская, а русская Польша.

— Да, да,—прервалъ онъ меня, видимо не понявъ значенія моей поправки—оттого-то я съ особеннымъ удовольствіемъ принимаю вашу рукопись, что дѣло происходитъ въ нашей Польшѣ.

Не подлежало сомнѣнію, что Салтыковъ сваливаетъ Галицію и русскую Польшу въ одну кучу, что онъ не знаетъ, что въ нашей Польшѣ крестьяне вовсе не малороссы, а такіе же поляки, какъ и помѣщики.

Я конечно промолчалъ, но въ то же время подумалъ: Боже, какъ мы далеки отъ правильнаго рѣшенія разныхъ общественныхъ и государственныхъ вопросовъ, если даже выдающіеся наши писа-тели такъ мало знакомы съ реальными условіями!

Салтыковъ просилъ меня почаще присылать ему переводы съ польскаго, и на этомъ мы пока разстались,

Я продолжалъ слѣдить внимательно за польскою беллетристикой и часто давалъ „Отечественнымъ Запискамъ“ рассказы разныхъ авторовъ. Такъ я познакомилъ впервые русскихъ читателей, кромѣ Сенкевича, съ Оржешко и Гловацкимъ (Прусомъ), имена которыхъ, особенно первыхъ двухъ, сдѣлались въ Россіи популярными. Вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе журналы стали усердно пере-водить польскихъ авторовъ, и моя цѣль была достигнута: наше общество стало знакомиться съ реальною польскою жизнью.

До какой степени Салтыковъ заинтересовался польскою литературою, показываетъ фактъ, что онъ постоянно самъ или черезъ Михайловскаго напоминалъ мнѣ, что я давно уже ничего не давалъ и что пора бы опять что-нибудь прислать. Разъ какъ-то я взялъ авансъ рублей въ 100, и Салтыковъ въ письмѣ мнѣ о немъ напомнилъ. Я тотчасъ же явился къ нему, чтобы расплатиться, но Салтыковъ мнѣ съ досадою сказалъ:

— Не видалъ я что-ли вашихъ денегъ! Мнѣ рассказъ нуженъ.

Оржешко была видимо польщена, что въ „Отечественныхъ Запискахъ“ появлялись ея рассказы (я перевелъ „Могучаго Самсона“, „Милорда“, „Сильфиду“ и др.) и обратилась съ благодарственнымъ письмомъ къ Салтыкову. Онъ просилъ меня поскорѣе перевести ему это письмо, чтобы немедленно на него отвѣтить, и видимо былъ очень озабоченъ этимъ вопросомъ. Не знаю, сохранились ли письма Оржешко и отвѣтъ Салтыкова на него. Было бы жаль, если бы они пропали.

Во всякомъ случаѣ Салтыковъ очень внимательно отнесся къ польской литературѣ. Изъ моихъ бесѣдъ съ нимъ я убѣдился, что онъ вполне оцѣнилъ мою мысль и старался ее осуществить, насколько можно было безъ ущерба для другихъ отдѣловъ журнала. Составить себѣ ясное понятіе о симпатіяхъ и намѣреніяхъ Салтыкова было нетрудно, потому что онъ былъ удивительно искренній человекъ по отношенію къ людямъ, которыхъ онъ съ своей стороны признавалъ искренними. Его же отношеніе къ сотрудникамъ было просто образцовое. За первый, доставленный мною рассказъ, я былъ рассчитанъ по 25 р. за листъ. Плата эта по тогдашнему времени была недурная. Но вскорѣ меня въ конторѣ начали рассчитывать по 30 р., а черезъ мѣсяцъ или два вышло распоряженіе Салтыкова, чтобы меня рассчитывали по 35 р. И эти распоряженія послѣдовали ргоргіо motu, безъ тѣни намека съ моей стороны, даже безъ сознаннымъ мною желанія, такъ какъ я первоначальной платой былъ доволенъ, дорожа меньше заработкомъ, чѣмъ цѣлью, которой я задался.

Помню, я какъ-то долго не былъ у Салтыкова и зашелъ къ нему передъ самымъ лѣтомъ. Свертываю съ Невскаго на Литейный и вижу, у подъѣзда стоитъ коляска, и въ нее усаживается Салтыковъ, окруженный саками и плѣдами, т. е. видимо собираясь въ дальній путь или по меньшей мѣрѣ на дачу. Онъ мнѣ привѣтливо улыбнулся.

— Опоздали, батюшка, опоздали, — привѣтствовалъ онъ меня издали:—только смотрите, присылайте: мнѣ перешлютъ.

И, протягивая мнѣ руку, онъ прибавилъ:

— Спасибо, спасибо за все.

Столько было добраго чувства въ этихъ словахъ, что я невольно задумался надъ вопросомъ, за что собственно онъ меня благодарить, и долго смотрѣлъ ему вслѣдъ. Онъ оглянулся и низко наклонилъ голову въ знакъ прощальнаго привѣта. Я вспомнилъ мою первую встрѣчу съ нимъ, какъ у входа въ квартиру Елисеѣва меня ошеломилъ потокъ его ругательствъ, подумалъ, какъ иногда наружность бываетъ обманчива, и спросилъ себя, если онъ меня, бывшаго для „Отечественныхъ Записокъ“ рядовымъ и кратковременнымъ сотрудникомъ, такъ благодарить, то каковы его чувства по отношенію къ тѣмъ сотрудникамъ, которые серьезно поработали для этого журнала.

Впрочемъ, онъ, кажется, умѣлъ и сердиться не только на словахъ. Разъ—какъ-то я въ бесѣдѣ съ нимъ упомянулъ о Терпигоревѣ (это было тогда, когда тотъ уже работалъ въ „Новомъ Времени“).

Не успѣлъ я его назвать, какъ Салтыковъ выпалилъ:

— Слушайте, батюшка, я знавалъ въ жизни много негодяевъ и мерзавцевъ, но прохвостовъ только трехъ.

И онъ назвалъ Терпигорева и двухъ другихъ журналистовъ.

Я нисколько не сомнѣвался, что Терпигоревъ не былъ способенъ на поступокъ, который оправдывалъ бы столь сильное выраженіе. Поэтому я отвѣтилъ только улыбкой.

— Вы не вѣрите,—накинулся онъ на меня.—Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ онъ—прохвостъ.

Я заговорилъ о другомъ, потому что зналъ причину гнѣва Салтыкова: онъ очень горячо рекомендовалъ Терпигорева Стасюлевичу для его „Порядка“, а Терпигоревъ взялъ и перешелъ въ газету, враждебную „Порядку“, въ „Новое Время“. И въ то же время я спросилъ себя тогда, какъ спрашиваю и теперь,—откуда у Салтыкова взялась эта, по меньшей мѣрѣ странная, привычка уснащать свою рѣчь грубыми ругательствами. Какъ извѣстно, ни воспитаніе (лицейское), ни служебная карьера (онъ дослужился до вице-губернатора), ни общество, въ которомъ онъ вращался, не могли развитъ въ немъ этой привычки. Она остается для меня загадочнымъ фактомъ, который, понятно, не можетъ ни на волосъ уменьшить чувство глубокаго уваженія, которое внушилъ мнѣ Салтыковъ, какъ человѣкъ и какъ редакторъ. Вотъ уже скоро четверть вѣка, какъ его на свѣтѣ нѣтъ; сколько людей я встрѣчалъ съ тѣхъ поръ, а онъ словно живой стоитъ въ моей благодарной памяти, — благодарной за то, что, встрѣчаясь съ нимъ, я проникался увѣренностью, что въ человѣческихъ отношеніяхъ можетъ быть и доброжелательство, и правдивость. Вѣдь ихъ пока такъ мало на свѣтѣ.

П. А. Гайдебуровъ.

Съ Гайдебуровымъ, извѣстнымъ издателемъ „Недѣли“, я поддерживалъ сношенія преимущественно въ 80-хъ годахъ, когда я сотрудничалъ, хотя и изрѣдка, въ этомъ журналѣ, занимавшемъ особое мѣсто въ либеральной журналистикѣ того времени. Определить это мѣсто, я думаю, затруднился бы и самъ издатель. Онъ вѣчно чего-то искалъ, по временамъ ему казалось, что онъ нашелъ искомое, но потомъ постоянно оказывалось, что это то да не то. Такъ въ вѣчныхъ поискахъ прошла вся его издательская дѣятельность, и если онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, то только потому, что въ обществѣ существовала потребность въ изданіи, которое стояло бы въ сторонѣ отъ либеральныхъ и консервативныхъ трафаретовъ. Но читатель не зналъ, чѣмъ ихъ замѣнить; Гайдебуровъ тоже этого не зналъ; оба понимали только, что надо нѣчто другое, и на этомъ сходились, поддерживаемые тѣми писателями, которые тоже искали новыхъ путей. Изъ умершихъ писателей этой категоріи назову хотя бы Юзова, Вл. Соловьева, Кигна (Дѣдлова).

Моя литературная дѣятельность была тогда почти безъ остатка поглощена другимъ изданіемъ, такъ что я въ „Недѣлѣ“ могъ участвовать лишь урывками, помѣщая небольшія статьи по финляндскому, польскому или общимъ вопросамъ. Впрочемъ, и одна моя большая вещь была помѣщена въ „Недѣлѣ“, именно моя первая повѣсть „Дѣвичьи Сны“. Вообще я не могъ пожаловаться на недостатокъ вниманія ко мнѣ Гайдебурова, но тѣмъ не менѣе я по указанной причинѣ былъ только случайнымъ гостемъ въ его журналѣ.

Можетъ быть, я и принялъ бы въ немъ болѣе дѣятельное участіе, если бы многое въ самой личности Гайдебурова этому не помѣшало. Проложить общественному сознанію новый путь — дѣло, требующее времени, а Гайдебуровъ ждать не хотѣлъ или, лучше сказать, не могъ. „Недѣля“ даже въ апогей своей славы имѣла сравнительно лишь скромный успѣхъ, а въ началѣ держалась, лишь благодаря осторожности и бережливости ея издателя. Гайдебуровъ не былъ широкой натурой, склонной къ смѣлой предприимчивости и способной на рискованныя жертвы. Онъ шелъ медленно и осторожно, выжидая частичнаго успѣха. Такіе люди охотно прислушиваются къ тому, что вокругъ нихъ говорятъ, особенно, когда они, какъ Гайдебуровъ, и въ идейномъ отношеніи несостоятельны. Онъ искалъ новаго пути, но дорожилъ старыми силами. Какъ онъ ухаживалъ за писателями, пользовавшимися успѣхомъ, и какъ онъ ихъ

дискредитировалъ, когда они не соглашались сотрудничать у него за скромный гонораръ! Зато, если популярный писатель на это соглашался или только подавалъ надежду, что согласится, то могъ рассчитывать на горячую поддержку со стороны „Недѣли“.

Эта погоня за знаменитыми или популярными писателями въ связи съ идейною неустойчивостью и недостаткомъ смѣлой предпріимчивости, эта осторожность, денежная и всякая иная, лишали Гайдебурова способности быть реформаторомъ, и успѣхъ его, повторю, только доказываетъ, что уже въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка часть русскаго общества чувствовала потребность отрѣшиться отъ установленныхъ консервативнаго и либеральнаго кодексовъ. Потребность эта была вызвана событіемъ 1-го марта, такъ наглядно выяснившимъ, что вѣчныя колебанія между консерватизмомъ и либерализмомъ къ добру не приводятъ.

Въ 1892 г. я прочелъ въ тогдашнемъ „Русскомъ Литературномъ Обществѣ“ докладъ о современной русской беллетристикѣ, въ которомъ доказывалъ, что она гораздо вѣрнѣе критики оцѣниваетъ истинныя потребности, чаянія и надежды русскаго общества. Въ числѣ слушателей моихъ былъ и Гайдебуровъ. Когда я кончилъ, онъ первый сталъ мнѣ возражать. Видимо онъ не соглашался съ моими соображеніями, горячился, не находя вѣскихъ доводовъ, наконецъ, какъ-то безсильно поникъ головой, повторяя: „Вы меня не убѣдили, — новый путь еще не найденъ“. Мнѣ стало жаль бѣднаго Павла Александровича: онъ исповѣдывался въ трагедіи своей жизни.

Тогда онъ впрочемъ былъ уже больной и слабый человѣкъ. Передъ тѣмъ онъ побывалъ въ Парижѣ на всемірной выставкѣ, совершилъ восхожденіе на Эйфелеву башню, но когда хотѣлъ тамъ росписать въ книгѣ для посѣтителей, то вдругъ оказалось, что онъ писать не можетъ: у него въ рукѣ сдѣлалась судорога. „Что должны были подумать обо мнѣ французы? — рассказывалъ онъ шутя: — Русскій редакторъ... писать не умѣетъ“.

Онъ задумалъ побороть надвигавшіеся старческіе недуги входившей тогда въ моду ѣздой на велосипедѣ. Она-то, кажется, и ускорила его смерть.

А. О. М а р к с ъ.

Разсказываютъ, что когда Марксъ и Гоппе были еще приказчиками въ книжномъ магазинѣ, они, сидя за бутылкой пива, хвастались другъ передъ другомъ. „Я создамъ русскую „Illustrirte Zeitung“, —

говорилъ Гоппе, Марксъ ему немедленно отвѣтилъ: „А я создамъ русскую „Gartenlaube“.

Не знаю, насколько этотъ разсказъ достовѣренъ (какъ-то не пришлось спросить объ этомъ Адольфа Федоровича, хотя я и работалъ съ нимъ десять лѣтъ), но онъ очень характеренъ. Мало ли похваляются люди за стаканомъ пива или вина, но отъ словъ до дѣла, особенно такого крупнаго дѣла, какъ созданіе „Нивы“—дистанція огромныхъ размѣровъ, а Марксъ эту дистанцію прошелъ такъ побѣдоносно, что „Нива“ все еще процвѣтала, когда ея прототипъ, нѣмецкая „Gartenlaube“ уже захирѣла.

Зачѣмъ однако понадобилось Марксу создать русскую „Gartenlaube“? Было ли это своего рода честолюбіе или жажда наживы? Хотя я познакомился и подружился съ Марксомъ уже на склонѣ его лѣтъ, я думаю, однако, что не ошибусь, сказавъ, что и честолюбія, и подавно любостяжанія въ немъ было очень мало; зато рабочая сила, рабочая энергія у него была поразительная.

Я засталъ его уже 57-лѣтнимъ старикомъ,—и что онъ въ мое время только не продѣлывалъ! Онъ чуть ли не первый былъ въ конторѣ, чуть ли не послѣдній уходилъ изъ нея, проводя въ ней 9, 10, иногда 11 часовъ. Одно дѣло смѣнялось другимъ; разные планы роились у него въ головѣ; полученные деньги должны были немедленно быть пущены въ оборотъ; такъ, покупались усовершенствованныя машины, воздвигалось центральное зданіе для всѣхъ учреждений: типографіи, цинкографіи, переплетной и т. д.; перенималось тотчасъ же все новое, полезное; создавалось картографическое заведеніе. И только-что одно дѣло было налажено, немедленно возникалъ новый планъ, иногда рассчитанный на много лѣтъ впередъ. Я въ душѣ недоумѣвалъ, какъ почти 60-лѣтній старикъ можетъ съ любовью, нѣтъ, съ воодушевленіемъ работать надъ задуманнымъ новымъ дѣломъ, которое разовьется, дастъ плоды черезъ много лѣтъ. Когда я присматривался къ его дѣятельности, мнѣ все казалось, что онъ проживетъ еще долго, долго: иначе не могло быть этого спокойствія, этой увѣренности, этой жизнерадостности. Разъ (за два года до смерти) съ нимъ случился обморокъ: шелъ онъ изъ конторы и вдругъ на лѣстницѣ упалъ. На другой день онъ опять такъ же бодро работалъ, повидимому, даже не задумавшись надъ полученнымъ имъ предостереженіемъ.

Этой-то рабочей энергіи онъ и обязанъ всѣмъ, что создалъ, а создалъ онъ большое дѣло,—большое не только въ смыслѣ денежныхъ затратъ и многочисленности издательскихъ учреждений, но и въ смыслѣ идейномъ, т. е. въ смыслѣ созданія журнала, который нашелъ себѣ доступъ въ такія сферы, гдѣ прежде журналовъ не

читали, и особенно въ смыслѣ распространенія выдающихся нашихъ писателей въ количествѣ экземпляровъ, о которомъ они и мечтать не могли. Въ рукахъ Маркса тиражи въ тысячу экземпляровъ превращались въ десятки тысячъ, а десятки тысячъ въ сотни тысячъ, и если принять во вниманіе, что такое распространеніе онъ далъ и Гоголю, и Тургеневу, и Достоевскому, и Ал. Толстому, и Лѣскову и Писемскому, и Гаршину, и Чехову, не говоря о другихъ писателяхъ, которыхъ насчитывается очень много, то придется безъ преувеличенія сказать, что Марксъ передъ лицомъ русской литературы и русскаго просвѣщенія очень заслуженный человѣкъ.

Впрочемъ, я здѣсь не хочу дать характеристики этого замѣчательнаго человѣка. Я хочу только разсказать о моихъ столкновеніяхъ съ нимъ.

Вручаетъ мнѣ, скажемъ, Адольфъ Федоровичъ рукопись извѣстнаго писателя съ просьбою просмотрѣть, ее, если возможно, поскорѣе. А нужно замѣтить, что я рукописей никогда не задерживалъ. Спросишь, почему требуется спѣшка. Да видите ли,—отвѣтитъ Марксъ:—авторъ былъ у меня и сообщилъ мнѣ по секрету, что дня черезъ три ему надо платить по векселю.

— Значить, пригналъ окончаніе литературнаго произведенія какъ разъ къ сроку векселя. Странно!

Или, въ другой разъ онъ мнѣ сообщаетъ, что извѣстная писательница, жена очень богатаго человѣка, сильно нуждается въ деньгахъ, чтобы экипировать своего сына, поступающаго на военную службу, и поэтому предлагаетъ рукопись.

— И вы этой баснѣ вѣрите, Адольфъ Федоровичъ?

— Надо вѣрить,—отвѣтитъ тотъ улыбаясь.

— Но вѣдь такъ вы играете въ руку нахаламъ. Развѣ можно ставить судьбу литературнаго произведенія въ зависимость отъ того, есть ли на меня срочный вексель или нужно ли мнѣ экипировать сына? Какое дѣло „Нивѣ“ до этого?

— Не у всякаго нахала большое имя,—возразить спокойно Марксъ.

Вообще дѣло у него стояло на первомъ планѣ. Угодничествомъ, лестью трудно было его подкупить, какъ и нельзя было повліять на него сплетнями. Вы могли ему угождать, сколько силъ хватить, но если вы дѣлу не были полезны, онъ старался васъ сплавить. Быть можетъ, въ этой способности отличать людей, умѣющихъ только болтать и угождать, отъ истинныхъ работниковъ и заключался одинъ изъ главныхъ секретовъ достигнутаго имъ успѣха, такъ какъ предпріятіе, руководитель котораго видитъ и чувствуетъ *себя* больше, чѣмъ *дѣло*, всегда рано или поздно прогоритъ.

Марксъ могъ годами поддерживать сношенія съ нравственно не-

состоятельнымъ человѣкомъ, если тотъ былъ чѣмъ-нибудь полезенъ дѣлу. Это не значило, что онъ близко его подпускалъ къ себѣ, но онъ дѣлалъ видъ, что не чуждается его, былъ съ нимъ любезенъ, и тотъ часто не догадывался, что между нимъ и Марксомъ—пропасть. Я иногда убѣждалъ Маркса, что такъ нельзя: вѣдь дурной человѣкъ при малѣйшей оплошности можетъ подвести.

Марксъ добродушно улыбался.

— „Нива“, ничего себѣ, идетъ,—отвѣчалъ онъ:—а если бы я хотѣлъ имѣть дѣло только съ честными людьми (вы думаете, ихъ много?), то вѣроятно ея давно уже бы не было.

— А все-таки мошенникъ можетъ васъ подвести!—настаивалъ я.

— Не подведетъ, если у меня глаза есть, а если подведетъ,—кто будетъ виновать? Онъ? Нѣтъ, я.

Разъ какъ-то (мы были одни) онъ, несмотря на все свое нерасположеніе отзываться о людяхъ дурно, даже когда они этого вполне заслуживали, не утерпѣлъ и долго честилъ одного очень популярнаго общественнаго дѣятеля, котораго я лично, какъ человѣка, ставилъ также невысоко. Онъ такъ погорячился, и это было ему такъ несвойственно, что я съ нѣкоторымъ удивленіемъ спросилъ:

— Да что же онъ вамъ собственно сдѣлалъ?

Оказалось, что онъ вторично потребовалъ гонораръ за окончательно проданную и щедро оплаченную вещь.

— Да что это васъ такъ возмущаетъ, Адольфъ Федоровичъ?—спросилъ я.—Развѣ это первый случай въ вашей практикѣ?

— Первый случай?! Но подумайте, кто это сдѣлалъ? Одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ нашихъ дѣятелей, человѣкъ, передъ которымъ всѣ благоговѣютъ.

— Но, надѣюсь, вы ему вторичнаго гонорара не дадите?

Марксъ на одну секунду задумался.

— Дамъ,—отвѣтилъ онъ, какъ бы извиняясь, и голосъ его какъ-то странно дрогнулъ.—Дамъ, говорю вамъ, дамъ. Ему повѣрять, мнѣ не повѣрять, и потомъ... онъ можетъ еще для дѣла пригодиться. Но я ему теперь цѣну знаю.

Послѣднія слова отъ произнесъ очень твердо, такъ что для меня стало ясно, что между нимъ, Марксомъ, и всѣми уважаемымъ общественнымъ дѣтелемъ образовалась пропасть, которую ничто уже не наполнить. Какъ человѣкъ, этотъ дѣтель пересталъ для него существовать: онъ могъ служить только той или другой фигурой на его шахматной доскѣ.

Такихъ столкновѣній у меня было съ Марксомъ не мало, и я сталъ подъ конецъ замѣчать, что, когда ему приходилось потворствовать неумѣреннымъ аппетитамъ сотрудниковъ, онъ отъ меня это скры-

валъ: онъ изъ деликатности скрывалъ отъ меня продѣлки моихъ товарищей, другихъ писателей, чтобы меня не огорчать.

Разскажу здѣсь еще о моемъ послѣднемъ столкновеніи съ Марксомъ.

Послѣ 33-лѣтней усиленной литературной дѣятельности здоровье мое распаталось въ 1904 г. настолько, что я при лучшемъ желаніи не могъ продолжать редактировать „Ниву“ и долженъ былъ уѣхать за границу, чтобы подлечиться для другой менѣ утомительной дѣятельности. Для меня было ясно, что къ редакторскому труду я вслѣдствіе сильно распатаннаго здоровья уже никогда не вернусь. Но Марксъ вѣрилъ въ крѣпость моей натуры и смотрѣлъ на мой отъѣздъ, лишь какъ на болѣе продолжительный отпускъ. Я всегда съ благодарностью буду вспоминать его трогательную для меня заботливость о томъ, чтобы я время моего отпуска провелъ беззаботно и спокойно. Онъ потребовалъ даже, чтобы я оставилъ ему одному мой адресъ,—не то беспокоить будутъ.

Наконецъ канунъ отъѣзда насталъ. Я долго бесѣдовалъ съ Марксомъ о дѣлахъ. Главное было улажено,—оставались только мелочи. Но я зналъ, что онъ обыкновенно не упускаетъ изъ виду даже малѣйшей подробности, и поэтому былъ удивленъ, что онъ слушаетъ меня какъ-бы разсѣянно. Вдругъ опъ меня на чемъ-то прерываетъ и говорить:

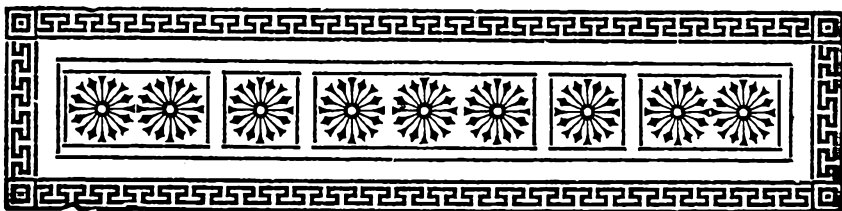
— Все это хорошо, Ростиславъ Ивановичъ, но зачѣмъ вы уѣзжаете!

Меня эти слова поразили не потому, что въ нихъ было много добраго чувства ко мнѣ, а потому, что они звучали слишкомъ печально, какъ слова человѣка, для котораго съ моимъ отъѣздомъ было больше связано, чѣмъ могло быть для Маркса. Его печалила очевидно не разлука съ привычнымъ ему редакторомъ, а нѣчто большее, чего я въ данную минуту не понималъ. Къ сожалѣнію, я истолковалъ его печаль слишкомъ згонетично, сказавъ себѣ: „Однако я не думалъ, что онъ меня такъ любитъ“, простился съ нимъ и уѣхалъ.

Только дней черезъ десять, уже будучи въ Ниццѣ, я узналъ, что въ день моего отъѣзда его, повидимому, еще полного силъ томило предчувствіе близкой смерти. Онъ умеръ черезъ день послѣ моего отъѣзда, въ хлопотахъ о доставленіи нашимъ раненымъ въ Манджуріи рождественскихъ подарковъ. Думая о себѣ, а не объ этомъ безконечно-добрѣмъ человѣкѣ, я, уѣзжая въ близкій путь, не могъ дожидаться двухъ дней, чтобы провести послѣдніе часы съ нимъ, уѣзжавшимъ въ тотъ далекій путь, откуда возврата нѣтъ.

Р. Сементковскій.

Встрѣчи и столкновенія¹⁾.

(И. Е. Андреевскій, П. Г. Рѣдкпъ, И. Я. Горловъ).

И. Е. Андреевскій.

Привѣтствую тебя на склонѣ лѣтъ, милый мой руководитель въ первыхъ научныхъ работахъ!

Написалъ я эти строки и задумался. Онѣ у меня вылились изъ сердца, и тѣмъ не менѣе въ нихъ есть неправда, хотя я дѣйствительно магистрировалъ по каедрѣ добрыйшаго Ивана Ефимовича. Почему же извѣстный профессоръ и ученый, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и признаніемъ, такъ что его выбирали и въ ректоры университета, и въ директоры археологическаго института, и въ предсѣдатели всевозможныхъ ученыхъ и неученыхъ обществъ, поражавшій своихъ современниковъ богатствомъ и разносторонностью знаній, блестящимъ остроуміемъ и краснорѣчіемъ, не могъ быть моимъ руководителемъ въ первыхъ научныхъ работахъ? Да по той простой причинѣ, что онъ, несмотря на всѣ его ученые степени и признаніе его ученыхъ заслугъ, никогда ученымъ не былъ.

Это можетъ казаться парадоксомъ, да и было бы парадоксомъ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ, но въ Россіи это—фактъ возможный и, скажу даже, повторяющійся ежедневно, ибо ученые заслуги у насъ далеко не единственный и не самый надежный путь къ пріобрѣтенію репутаціи ученаго. Сколько у насъ было и есть ученыхъ, когорые, защитивъ съ грѣхомъ пополамъ или съ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ апрѣль 1912 г.

блескомъ магистерскую и докторскую диссертациі, преподавали затѣмъ свой, а иногда и чужой предметъ одновременно въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, не находя досуга заниматься наукой и, кончивъ такимъ образомъ свою многотрудную жизнь, не оставляли ни малѣйшаго слѣда—не говорю уже—въ наукѣ вообще, но даже и въ убогой російской наукѣ. Очевидно, такіе ученые могутъ называться учеными только по недоразумѣнію: они являются преподавателями высшихъ учебныхъ заведеній,—вотъ и все, но не двигаютъ науки, да и не могутъ помочь разобраться въ ней начинающимъ ученымъ. Моими руководителями въ этомъ отношеніи были изъ иностранцевъ Моль и Штейнъ, изъ русскихъ—П. Г. Рѣдкинъ, но И. Е. Андреевскій моимъ руководителемъ никогда не былъ, и я даже уже на студенческой скамьѣ уяснилъ себѣ, что его научные взгляды лишены той глубины и продуманности, безъ которыхъ истинный ученый немислимъ.

Дѣло въ томъ, что у Ивана Ефимовича было очень много выдающихся качествъ, но только не тѣ, которыя требуются для ученаго. По своей натурѣ онъ былъ не ученымъ, а общественнымъ дѣятелемъ; для послѣдняго въ немъ все соединялось—и большая отзывчивость къ вопросамъ, касавшимся общаго благополучія, и усидчивость въ ихъ изученіи, и необычайная подвижность, когда это требовалось обстоятельствами, и находчивость въ отраженіи аргументовъ противника, и несомнѣнный даръ слова, заставлявшій я равнодушныхъ людей внимательно прислушиваться къ его рѣчи, и готовность приносить жертвы для общества, и гуманность...

Помню, шли мы съ нимъ по Б. Садовой, углубленные въ бесѣду. Какой-то мальчикъ съ ношей на головѣ чуть не сшибъ меня съ ногъ, такъ что я разсердился и пригрозилъ ему полиціей. Андреевскій остановилъ мой порывъ словами: „Да, полиція нехорошо дѣлаетъ, что позволяетъ безсердечнымъ торговцамъ такими тяжестями мучить дѣтей и разрушать ихъ здоровье“. Я по молодости лѣтъ никогда не думалъ объ этомъ вопросѣ; возбужденіе же его Андреевскимъ сразу отвлекло мое вниманіе отъ соображеній личной безопасности и направило его на вопросъ общественнаго значенія и гуманнаго характера—вопросъ, который только теперь, сорокъ лѣтъ спустя, включенъ градоначальникомъ въ кругъ вѣдомства петербургской полиціи.

Возьму другой мнѣ памятный примѣръ. Экзаменуется у Андреевскаго изъ полицейскаго права студентъ довольно самоувѣренный и довольно плохо знающій предметъ. На мягкое указаніе профессора, что студентъ недостаточно вникъ въ прозаическій вопросъ, по которому отвѣчаетъ, онъ имѣетъ неосторожность буркнуть, что это—

не философія Платона. Андреевскій при общей улыбкѣ аудиторіи вкрадчиво замѣчаетъ: „Можно прекрасно знать философію Платона, быть даже самому великимъ философомъ и заболѣть или умереть отъ міазмомъ изъ выгребной ямы, находящейся подъ окномъ“.

Немногимъ еще живымъ лицамъ, бывшимъ одновременно со мною въ Петербургскомъ университетѣ, никогда не забыть впечатлѣнія, которое произвели на насъ его возраженія на диспутъ А. Д. Градовскаго.

Докторская диссертация Александра Дмитріевича Градовскаго была посвящена исторіи русскаго мѣстнаго управленія, при чемъ львиная ея доля была озаглавлена: „Уѣздъ Московскаго государства“. Какъ многія диссертации, это было начало изслѣдованія, оставшагося навѣки неоконченнымъ, ибо не авторы подобныхъ диссертаций владѣютъ матеріаломъ, а матеріалъ владѣетъ ими, т. е. начавъ свое изслѣдованіе, когда они еще не ознакомились съ матеріаломъ, они въ послѣдствіи убѣждаются, что ни время, ни мѣсто не позволяютъ имъ исчерпать его, и что придется къ первому тому прибавить второй, третій, четвертый, можетъ быть, девятый, десятый. Такъ и диссертация Градовскаго осталась навсегда неоконченной, а Андреевскій на диспутѣ прекрасно выяснилъ, почему такъ должно было случиться.

Онъ началъ возраженіе съ похвальнаго слова докторанту. Никогда, кажется, Иванъ Ефимовичъ не былъ такъ краснорѣчивъ. Похвалы лились безъ конца, а Градовскій скромно улыбался, чувствуя себя побѣдителемъ, и видимо ихъ благосклонно принималъ за слабую дань своимъ заслугамъ; слушатели же все болѣе убѣждались, что передъ ними на кафедрѣ стоитъ замѣчательный ученый. Вдругъ Иванъ Ефимовичъ приостанавливается, какъ будто подъ наплывомъ слишкомъ сильнаго чувства, и тысячная аудиторія, затаивъ дыханіе, прислушивается къ тому, чѣмъ кончится этотъ блестящій панегирикъ. Послѣдняго слова ораторъ очевидно еще не произнесъ.

Дѣйствительно, послѣднее слово было еще впереди...

Иванъ Ефимовичъ продолжалъ приблизительно такъ.

Какъ я обрадовался, когда талантливый молодой ученый посвятилъ объемистый трудъ вопросу, который меня давно уже занималъ и который не получилъ еще въ наукѣ должнаго разъясненія. Всѣ поймутъ, съ какимъ захватывающимъ интересомъ я началъ изучать диссертацию, въ которой наконецъ не только для меня, но и для всѣхъ русскихъ юристовъ долженъ былъ выясниться вопросъ, что такое уѣздъ Московскаго государства, ибо не могъ же докторантъ выбрать предметомъ своего изслѣдованія вопросъ, который для него самого неясенъ. И вотъ я началъ изучать его диссертацию: прочелъ

ее внимательно разъ, прочелъ два, прочелъ три, но... все-таки не знаю, что такое уѣздъ Московскаго государства...

И Иванъ Ефимовичъ умолкъ, недоумѣваяще взглянувъ на Градовскаго.

Вся зала чувствовала, что если тотъ не отвѣтитъ вразумительно и ясно, его ученая репутація сильно пострадаетъ. Но какъ онъ ни изворачивался, все же ему не удалось выяснитъ ни въ административномъ, ни въ территориальномъ отношеніи, что такое былъ уѣздъ Московскаго государства. Вдобавокъ Андреевскій еще отмѣтилъ, что Градовскій въ общей части своего труда доказываетъ, что человѣкъ можетъ себя чувствовать совершенно свободнымъ даже и въ несвободномъ государствѣ. Такимъ образомъ и въ глазахъ либераловъ Градовскому былъ нанесенъ тяжеловѣсный ударъ.

Все это выясняетъ, какимъ остроумнымъ и находчивымъ человѣкомъ былъ Андреевскій. Но все-таки отсюда до выдающагося ученаго еще далеко. Андреевскій въ сущности къ наукѣ былъ равнодушенъ. Онъ то и дѣло мѣнялъ одну науку на другую. Смотря по надобности, онъ читалъ и государственное право, и юридическую энциклопедію, и исторію права, и русское право, и полицейское право, и городовое право. Все зависѣло отъ того, какую каеодру ему предложить; если предметъ былъ ему не совершенно чуждъ, онъ ее принималъ, увѣренный, что блестящія способности „вывезутъ“. Онъ дѣйствительно „вывозили“, и слушатели слушали его охотно. Но какъ и многія другія богато одаренныя натуры, онъ ни на чемъ долго не могъ сосредоточиться: онъ хваталъ все на-лету—схватить и бросить; ему постоянно казалось, что онъ вопросъ уяснилъ себѣ вполне, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ улавливалъ только одну—другую его сторону, болѣе яркую. Въ простой бесѣдѣ это—незамѣнимое качество, и Андреевскій тутъ былъ прямо виртуозъ. Его субботы были такъ интересны, что небольшая его квартира на Фонтанкѣ была по большей части переполнена. Хотя ужинъ, карты и танцы были совсѣмъ изгнаны, по зато всѣхъ ожидала бесѣда хозяина, которая была заманчивѣе всякихъ лствъ, карточного задора или бальной суеты. Андреевскій былъ неистощимъ на самыя разнообразныя воспоминанія, мѣткія сопоставленія, остроумныя реплики или замѣчанія. Бесѣда эта подчасъ была настоящимъ фейерверкомъ, подчасъ наводила на размышленія интересомъ сообщаемыхъ жизненныхъ фактовъ, подчасъ смѣшила до упаду комичностью замѣченныхъ имъ положеній. И все это было всегда безобидно: онъ никого не задѣвалъ, никого не оскорблялъ и не могъ этого, потому что былъ человѣкъ большой душевной доброты.

Но я въ жизни не знавалъ человѣка, у котораго письменное

слово такъ не походило на устное, какъ у Андреевскаго. Этотъ блестящій ораторъ и остроумный собесѣдникъ становился неузнаваемымъ, когда онъ бралъ въ руки перо.

Послѣ одного вечера, когда онъ былъ особенно въ ударѣ, я его спросилъ, записываетъ ли онъ свои воспоминанія? Со свойственною ему скромностью онъ мнѣ отвѣтилъ, что пробовалъ записывать, но что у него ничего не выходитъ. Я его попросилъ сдѣлать еще одинъ опытъ.

Черезъ нѣкоторое время, когда я къ нему зашелъ вечеркомъ, онъ мнѣ дѣйствительно прочелъ отрывки изъ своихъ воспоминаній, и я былъ удивленъ, какъ все у него выходило блѣдно и неинтересно. Мало того, и просто въ стилистическомъ отношеніи все имъ прочитанное было очень неудачно. Онъ, должно быть, замѣтилъ неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на меня его чтеніемъ, потому что вскорѣ сталъ читать вяло, а потомъ и совсѣмъ прекратилъ чтеніе.

Его тяжелый слогъ, его скучное изложеніе по большей части мало оригинальныхъ мыслей послужили поводомъ къ нашей размовкѣ, доставившей мнѣ горькія минуты въ жизни, такъ какъ я искренно его любилъ и какъ человѣка, и какъ общественнаго дѣятеля. Когда я сталъ редактировать разныя изданія, онъ присылалъ мнѣ свои статьи. При лучшемъ желаніи я, дорожа интересами довѣреннаго мнѣ журнала, рѣдко могъ ихъ помѣщать въ томъ видѣ, въ какомъ онъ мнѣ ихъ присылалъ. Большинство приходилось исправлять, а нѣкоторыя даже возвращать. Отъ этого видимо страдало его самолюбіе. Онъ, къ сожалѣнію, не хотѣлъ стать на ту точку зрѣнія, что мой образъ дѣйствій ни въ какомъ случаѣ не могъ его обидѣть, потому что мы оба не были судьями, кто изъ насъ правъ, а оба мы хотѣли только быть честными, т. е. онъ добросовѣстно писать, а я добросовѣстно редактировать. Но въ человѣческихъ отношеніяхъ объективный взглядъ на вещи—рѣдкость, а субъективизмъ—правило.

Ученые труды Андреевскаго, его курсы государственнаго или полицейскаго права позволяютъ и современному читателю составить себѣ ясное понятіе объ его слогѣ и невольно вызываютъ сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли онъ былъ краснорѣчивымъ ораторомъ. Поэтому я и указываю съ особеннымъ удареніемъ на этотъ фактъ. Если бы его не было, то многое въ біографіи самого Андреевскаго и въ былой жизни Петербургскаго университета могло бы показаться неяснымъ. Сколько разъ Андреевскій своимъ находчивымъ и краснорѣчивымъ словомъ доставлялъ во время студенческихъ беспорядковъ побѣду благоразумію, сколько разъ онъ имъ распутывалъ самое запутанное и опасное положеніе!

Подъ конецъ жизни онъ посвятилъ свои силы работѣ преимущественно письменной, а не устной: онъ редактировалъ Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, и въ этой работѣ вполне сказалось, насколько онъ былъ сильнѣе, какъ ораторъ и общественный дѣятель, чѣмъ какъ ученый и редакторъ. Первые томы этого Словаря, имъ редактированные, поражаютъ небрежною стилистикою и грубыми промахами, въ значительной степени дискредитировавшими этотъ Словарь въ началѣ его появленія. Нѣкоторые изъ этихъ промаховъ стали даже притчею во языцѣхъ, какъ на примѣръ пресловутые 32 баталіона фельдъегерей, фигурнующіе въ составѣ австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ.

Но забудемъ объ этомъ. Ивана Ефимовича есть за что помянуть добромъ. Его сердечная доброта, его отзывчивость, его гуманность, его готовность придти на помощь кому только можно, его изумительная работоспособность, его краснорѣчіе, возбуждавшее въ другихъ добрыя чувства, его любовное отношеніе ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ, въ основѣ которыхъ лежали гуманныя или разумно-прогрессивныя стремленія, его служеніе обществу часто до забвенія собственной личности, — всего этого было столько у Андреевскаго, что хватило бы, чтобы помянуть добромъ десятокъ другихъ дѣятелей. Но я тутъ не пишу біографію этого замѣчательнаго человѣка, а отмѣчаю только нѣкоторые факты, извѣстные мнѣ изъ личныхъ встрѣчъ съ нимъ. Расскажу съ его словъ о слѣдующемъ интересномъ инцидентѣ, такъ какъ опасаясь, что никто его не записалъ.

Въ свое время въ Петербургѣ успѣшно дѣйствовалъ извѣстный практикъ-цивилистъ, С., Андреевскій обратилъ на него вниманіе еще въ университетѣ. Онъ ему сразу своими способностями полюбился, хотя былъ далеко не симпатичный еврей. Плѣняясь его выдающимися способностями, Андреевскій всячески уговаривалъ его остаться при университетѣ. На всѣ уговоры Андреевскаго С. отвѣчалъ однимъ только вопросомъ: „А сколько мнѣ университетъ дастъ, если я останусь?“ Андреевскій объяснилъ ему, что средства университета ограничены, и что магистрантамъ выдаютъ только 50 рублей въ мѣсяцъ. С. поморщился и сказалъ, что подумаетъ.

Спустя нѣкоторое время Андреевскій встрѣчаетъ его въ какомъ-то собраніи, но отъ прежняго С. почти и слѣда не осталось: грязный еврей исчезъ, и передъ Андреевскимъ стоялъ расфранченный молодой человѣкъ, уже свысока подавшій Андреевскому руку. Тотъ такъ смутился при видѣ этой метаморфозы, что только когда собраніе кончилось, улучилъ моментъ и спросилъ С. объ его рѣшеніи, т. е. не надумалъ ли онъ остаться при университетѣ? С. опять спросилъ: „А сколько дадите?“ Андреевскій же, опять извиняясь,

сказалъ, что университетъ больше 50 р. въ мѣсяцъ дать не можетъ. „Мало,—замѣтилъ С.—Зарабатываю 300“.

Проходитъ опять нѣкоторое время, на этотъ разъ года два-три. Андреевскому пришлось быть на Невскомъ и переходить позднюю осенью черезъ улицу. Стояла грязь, и все вниманіе почтеннаго профессора было направлено на то, какъ бы избѣжать экипажей и не слишкомъ загрязниться. Но все-таки одного экипажа не удалось избѣжать: это была шикарная коляска, запряженная парой прекрасныхъ воронихъ рысаковъ. Андреевскій еле успѣлъ отскочить и, стоя въ сторонкѣ, увидѣлъ въ коляскѣ... кого же? С—го. Тотъ, замѣтивъ его, любезно раскланялся. Андреевскій крикнулъ: „Не останетесь ли при университетѣ?“—„Сколько дадите?“—„50 рублей“.—„Мало. Зарабатываю 1.500“.

И коляска пронеслась мимо.

Печально-насмѣшливая улыбка, которую Иванъ Ефимовичъ сопровождалъ этотъ разговоръ, показывала, какъ глубоко онъ сожалѣетъ, что можетъ быть самые способные люди бѣгутъ отъ науки, страшась нужды, на которую она обрекаетъ въ Россіи своихъ жрецовъ. Дѣйствительно, помню, уже въ мое время эти 50 рублей, которые выдавались молодымъ ученымъ для дальнѣйшаго усовершенствованія, казались очень мизерными и могли прокормить развѣ холостого человѣка. Я самъ могъ остаться при университетѣ только потому, что тогда располагалъ нѣкоторыми средствами, и вынужденъ былъ бы отказаться отъ науки, если бы мнѣ пришлось жить на 50 р. Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что если человѣкъ готовъ для науки подвергнуть себя лично всевозможнымъ лишеніямъ, то онъ, будучи честнымъ человѣкомъ, не можетъ подвергать тому же близкихъ людей, напримѣръ, родителей, которые долгіе годы уже отказывали себѣ во всемъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ гимназическое и университетское образованіе. Можетъ быть, теперь, когда мы дожили до сильнаго перепроизводства университетскихъ, находятся больше лицъ, готовыхъ получать эти 50 рублей, но и теперь ихъ врядъ ли къ этому побуждаетъ любовь къ наукѣ, а скорѣе необходимость зарабатывать хотя бы и только скудные средства, чтобы не умереть съ голоду, и остаются при университетѣ далеко не самые способные—тѣ найдутъ себѣ хлѣбъ и помимо университета.

Какъ бы то ни было, Андреевскій скорбѣлъ душой, что университетъ не располагаетъ достаточными средствами, чтобы удерживать способныхъ своихъ воспитанниковъ для служенія наукѣ. Но онъ не столько любилъ науку, сколько Россію: онъ, какъ просвѣщенный человѣкъ, зналъ, что не можетъ процвѣтать страна, въ которой не процвѣтаетъ наука, и потому старался привлекать къ

ней способныхъ людей. Патріотизмъ, понятно, не красной, а просвѣщенный (Иванъ Ефимовичъ былъ европеецъ въ лучшемъ значеніи слова) лежалъ въ основѣ его дѣятельности, и въ немъ соединилось все, что уполномочиваетъ человѣка посвятить себя общественному служенію. Поэтому, когда я теперь вспоминаю о немъ, я невольно сожалею, что онъ родился такъ рано, что умеръ уже 20 лѣтъ тому назадъ. Если бы онъ жилъ въ наши дни, если бы расцвѣтъ его силъ совпалъ съ рожденіемъ русскаго парламента, то каждая его рѣчь въ немъ вознаградила бы насъ за десятки ненужныхъ, бездарныхъ или глупыхъ рѣчей, которыя приходится теперь выслушивать и Думѣ, и Россіи.

П. Г. Рѣдкинъ.

Вотъ ужъ кто никогда не былъ бы парламентскимъ дѣтелемъ, это—незабвенный Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ. Если Иванъ Ефимовичъ весь уходилъ въ общественное служеніе, то Петръ Григорьевичъ весь уходилъ въ науку. И Рѣдкинъ былъ преданнымъ сыномъ родины, но онъ не хотѣлъ ей служить иначе, какъ на почвѣ науки. Если онъ поступилъ на службу, если онъ былъ чиновникомъ, то противъ воли, именно только потому, что онъ слишкомъ любилъ науку. Его хотѣли заставить преподавать не такъ, какъ ему приказывала совѣсть, и онъ, любившій кафедру пламенно, отрекся отъ нея на цѣлыя пятнадцать лѣтъ, пока не настало время, когда онъ могъ преподавать, оставаясь честнымъ человѣкомъ. Рѣдкинъ былъ, въ отличіе отъ Андреевскаго, истиннымъ ученымъ, хотя и у него, быть можетъ, на первомъ планѣ стояла не наука, а потребность служить родинѣ подготовкою хорошихъ юристовъ, проникнутыхъ сознаніемъ правды и справедливости или, какъ онъ выражался, правосознаніемъ. Но онъ думалъ, что руководить молодежью и пользоваться ея довѣріемъ долженъ только профессоръ, который самъ глубоко изучилъ науку. Поэтому онъ былъ неутомимымъ работникомъ, а такъ какъ онъ неустанно работалъ всю жизнь надъ наукой и, кромѣ того, отличался выдающимися способностями, то можно себя представить, чѣмъ мы, зеленая молодежь, себя чувствовали передъ нимъ. Питмеями передъ великаномъ!

Андреевскій преподавалъ. Онъ краснорѣчиво обучалъ насъ наукѣ, понимая подъ нею запасъ приложимыхъ къ жизни знаній, подведенныхъ подъ извѣстную систему. Андреевскій съ своимъ темпераментомъ общественнаго дѣателя былъ такъ близокъ къ жизни съ ея непосредственными требованіями, что и на науку смотрѣлъ съ этой точки зрѣнія. Если ему вопросъ о выгребной ямѣ и не казался

важныѣ философіи Платона, то они въ его представленіи занимали одинаково важное мѣсто. Какую пользу принесетъ родинѣ философія Платона — можетъ быть, ему еще казалось сомнительнымъ, но что устраненіе вреда отъ небрежнаго содержанія выгребныхъ ямъ спасетъ здоровье и даже жизнь многихъ людей, онъ твердо зналъ. Поэтому и наука, изучающая вопросы этого рода, казалась ему очень важной, и онъ преподавалъ ее съ увлеченіемъ, стараясь включить въ нее всѣ свѣдѣнія, которыя могли помочь людямъ лучше устроиться въ жизни.

Рѣдкинъ не преподавалъ, не сообщалъ знаній — онъ воспитывалъ, онъ училъ, какъ надо работать. Возьметъ какого-нибудь древне-греческаго философа и начнетъ его изучать до мелочей, останавливаясь чуть ли не на каждомъ его словѣ, стараясь уяснить себѣ самому и намъ истинный смыслъ его ученія, точно воспроизвести его міросозерцаніе, чтобы имѣть право потомъ подвергнуть его оцѣнкѣ, опредѣлить его мѣсто среди другихъ философовъ. Мало ли что можно съ чужихъ словъ приписать мыслителю или писателю! Нѣтъ, надо самостоятельно его изучить, ибо какъ же мы будемъ изучать право, т. е. воплощеніе правды и справедливости, если мы будемъ сами несправедливы къ нашимъ учителямъ, къ тѣмъ, кому мы обязаны сознаніемъ, что правда и справедливость высшее, къ чему долженъ стремиться человѣкъ? Начнемъ же съ признанія за каждымъ мыслителемъ или писателемъ, какъ бы его взгляды ни расходились съ нашими, права на безпристрастное къ себѣ отношеніе, на то, чтобы его мысль не подвергалась никакимъ искаженіямъ. И Рѣдкинъ начиналъ разбирать какого-нибудь Фалеса или Эмпедокла необычайно тщательно, со всей эрудиціей выдающагося ученаго. Это происходитъ зимою въ девять часовъ утра. На дворѣ еще стоитъ полумракъ, кафедра профессора и его сѣдая стриженная голова тускло освѣщаются двумя свѣчами, онъ самъ считываетъ лекцію съ своихъ неизмѣнныхъ записокъ, потому что никакимъ краснорѣчіемъ не обладаетъ, но голосъ его звучитъ вдохновенно, вся аудиторія, самая большая въ университетѣ, несмотря на ранній часъ, биткомъ набита, всѣ слушаютъ, затаивъ дыханіе, потому что и надъ профессоромъ, и надъ нами рѣшетъ что-то высокое и благородное, мы сами въ сущности не знаемъ что, но чувствуемъ, что старый профессоръ насъ, маленькихъ людей, поднимаетъ и приводитъ туда, гдѣ человѣкомъ овладѣваетъ священный трепетъ приближенія къ истинѣ, къ ея воплощенію въ человѣческихъ отношеніяхъ, къ правдѣ и справедливости...

Какъ далеки мы были, повидимому, въ эти минуты отъ всякихъ практическихъ знаній, даже казалось, отъ самой жизни, и какъ въ

сущности мы были близки къ ней. Тамъ у Андреевскаго и другихъ профессоровъ, мы занимались тѣмъ, что, казалось, имѣетъ самое непосредственное отношеніе къ жизни: насъ учили и какіе бываютъ налоги, прямые и косвенные, и какія преступленія люди совершаютъ, и какъ ихъ наказываютъ, и какіе бываютъ виды имущества, или какъ оно наслѣдуется, и какія мѣры принимаетъ государство для обезпеченія безопасности или для доставленія народу благосостоянія... Чему насъ только не учили! Кажется, вотъ пусти насъ въ жизнь—и болѣе знающихъ администраторовъ, дипломатовъ, финансистовъ, судей, адвокатовъ, прокуроровъ не найти! Насъ учили всему, что нужно для исполненія обязанностей всѣхъ этихъ профессій, а каждая изъ нихъ предполагаетъ массу знаній. Понятно, что это море знаній умѣщалось въ нашихъ бѣдныхъ головахъ только на время экзаменовъ, да и то съ грѣхомъ пополамъ, но тотчасъ же послѣ экзаменовъ улетучивалось, по большей части оставляя послѣ себя только какой-то мутный осадокъ ничѣмъ не связанныхъ цифръ, фактовъ, идей и опредѣленій.

Рѣдкинъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ изучалъ съ нами, напримеръ, философію Пифагора и пифагорейцевъ, и, странное дѣло, намъ всѣ практическія знанія, сообщаемыя другими профессорами, казались чѣмъ-то суетнымъ, ненужнымъ, а философскія системы Пифагора и пифагорейцевъ чѣмъ-то безконечно важнымъ и нужнымъ. Это шло въ разрѣзъ съ тогдашнимъ утилитарнымъ настроеніемъ русскаго общества, со взглядами родителей, большинство которыхъ смотрѣли на науку, какъ на дойную корову, какъ на средство обезпеченія за ихъ чадами тепленькихъ мѣстечекъ, шло, наконецъ, въ разрѣзъ и съ настроеніемъ самой молодежи, увлекавшейся въ 60-е годы матеріалистическими воззрѣніями, и тѣмъ не менѣе это было такъ. Можетъ быть, не всѣ слушатели отдавали себѣ отчетъ, въ чемъ собственно дѣло (я думаю даже, что такихъ слушателей было мало), но никто не сомнѣвался, что слушать Рѣдкина необходимо (объ этомъ свидѣтельствовала всегда переполненная его аудиторія), что быть въ университетѣ и не слушать Рѣдкина немислимо, потому что если не слушать такого профессора, то кого же и слушать? Это было общераспространенное—не скажу—мнѣніе, а чувство.

Но уже въ мое время были студенты, которые, правда, еще только смутно, сознавали, что задача университета—не сообщеніе знаній, пригодныхъ для жизни, и не выдача соотвѣтственнаго диплома, а нѣчто другое, чему именно удовлетворили лекціи Рѣдкина. Они понимали, что важно знать, какъ должна быть устроена выгребная яма, но что большинство лицъ, отъ которыхъ зависитъ то

или другое устройство выгребныхъ ямъ, прекрасно знаетъ, какъ онѣ должны быть устроены, чтобы не вредить здоровью и не угрожать жизни людей, и тѣмъ не менѣе онѣ почти вездѣ устраиваются именно такимъ антисанитарнымъ способомъ. Почему? Потому что рациональное ихъ устройство сопряжено съ лишними расходами, а большинство людей избѣгаютъ лишнихъ расходовъ, а тѣ, кому порученъ надзоръ за выгребными ямами—люди либо небрежные, либо лицепріятные, либо наконецъ склонные къ взяточничеству. Такимъ образомъ вопросъ усложнялся. Надо знать не только, какимъ санитарнымъ условіямъ должна удовлетворять выгребная яма, но и какія надо принять мѣры, чтобы справиться съ небрежностью, лицепріятіемъ и лихоимствомъ администраціи. Но и этого мало: какъ бы хороша, какъ бы безупречна ни была администрація, если большинство гражданъ корыстолюбивы и не сознаютъ общественнаго своего долга, то и самая совершенная администрація врядъ ли дѣлу поможетъ. Слѣдовательно, дѣло не въ одномъ знаніи, какимъ санитарнымъ условіямъ должна удовлетворять выгребная яма, и не въ одной администраціи. Надо еще, чтобы каждый гражданинъ сознавалъ свой общественный долгъ, а для этого надо передѣлать администрацію, надо передѣлать гражданъ. Скоро-ли подобная грандіозная задача достижима? А выгребныя ямы должны быть немедленно приведены въ такое состояніе, чтобы не вредить здоровью и не угрожать жизни гражданъ. Какъ же за это приняться? Однѣми законодательными или административными мѣрами тутъ не поможешь. Надо, чтобы каждый изъ насъ, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, отдавалъ себѣ отчетъ, что онъ въ частности можетъ сдѣлать для устраненія опасности, угрожающей здоровью и жизни согражданъ, въ данномъ народѣ и въ данное время. Словомъ, простой на видъ вопросъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывался чрезвычайно сложнымъ и труднымъ.

Андреевскій насъ просто училъ, что для исправнаго состоянія выгребныхъ ямъ администрація должна дѣлать то-то и то-то. Рѣдкинъ насъ училъ, какъ надо работать въ политическихъ, общественныхъ и юридическихъ вопросахъ, чтобы ихъ себѣ уяснить во всѣхъ ихъ сложныхъ деталяхъ. Это была выправка ума, опирающагося на идею правды и справедливости. То, что намъ давалъ Рѣдкинъ, требовалось для рѣшенія всѣхъ общественныхъ, политическихъ и юридическихъ вопросовъ, въ какое бы положеніе насъ ни поставила жизнь. Мы легко могли забыть то, что намъ преподавалъ Андреевскій, но то, что намъ не преподавалъ, а давалъ Рѣдкинъ, мы не могли никогда забыть, потому что это превращалось въ нашу плоть и кровь, дѣлалось привычкой и умѣніемъ пра-

вильно рѣшать все многообразіе жизненныхъ вопросовъ на почвѣ не отвлеченной справедливости, а той справедливости, которая вытекаетъ изъ внимательнаго изученія и теоріи окружающихъ условий. Если великіе мыслители были въ то же время и великими учителями, то Рѣдкинъ, вводившій насъ въ ихъ храмъ, былъ вдохновеннымъ посредникомъ между нами и ими, и если разумная и плодотворная практика заключается въ томъ, чтобы умѣть осуществить вѣрную идею наиболѣе правильнымъ путемъ въ самой жизни, то истиннымъ учителемъ жизни былъ опять-таки Рѣдкинъ. Когда мы слушали его лекціи, мы чувствовали, что приобретаемъ нѣчто безконечно цѣнное для жизни вообще, а не для той или другой специальной ея сферы, что это намъ нужно будетъ и какъ будущимъ отцамъ семейства, и какъ будущимъ воспитателямъ нашихъ дѣтей, и какъ членамъ общества, и какъ служителямъ государства. Мы не спрашивали себя, либерально или консервативно то, что говорилъ профессоръ, намъ даже этотъ вопросъ не могъ придти на умъ, какъ не могло намъ придти на умъ спросить, либерально или консервативно здоровье и все, что къ нему приводитъ. Мы чувствовали, что преподаваніе Рѣдкина приводитъ нашъ умъ къ здоровью. Революціонеръ и бѣлоподкладочникъ одинаково внимали старому профессору, сознавая, что то, что онъ преподаетъ, не умѣщается ни въ рамки политики, ни въ рамки социологій, ни въ рамки, созданныя общественными или политическими предразсудками и разными модными теченіями, что это выше семьи, общества, государства. Мы чувствовали, чѣмъ можетъ и должно быть университетское преподаваніе, охватывающее всю жизнь со всѣми теоріями, ею созданными, и освѣщающее все: и природу, и людей, и ихъ общества, въ томъ числѣ и государство, свѣтомъ, почерпнутымъ изъ всѣхъ доступныхъ человѣку источниковъ, мы входили дѣйствительно въ храмъ науки и понимали, что онъ долженъ быть намъ священнымъ, потому что онъ одинъ въ житейской сутолокѣ борющихся личныхъ, общественныхъ и политическихъ интересовъ созданъ и живетъ для раскрытія истины, насколько она доступна человѣку.

Съ тѣхъ поръ, какъ я слушалъ вдохновенный голосъ Рѣдкина, прошло почти полъ-вѣка, но то, о чемъ онъ мечталъ, все еще не осуществилось. Увы, мы, можетъ быть, теперь даже дальше отъ этого, чѣмъ были въ его дни! Все еще прочно держится взглядъ, будто бы назначеніе университета состоитъ въ томъ, чтобы дать воспитанникамъ знанія, непосредственно приложимыя къ дѣлу, а не любовь къ призванію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе учиться всю жизнь; все еще на университетъ смотрятъ какъ на орудіе поли-

тики, консервативной, либеральной или радикальной, а не какъ на установленіе, преслѣдующее задачи, далеко выходящія за предѣлы государственнаго вѣдѣнія, изучающее человѣка въ его отношеніи къ другимъ людямъ, къ природѣ, къ Богу, охватывающее прошлое, настоящее, будущее человѣчества и черпающее свое настроеніе и свои руководящія начала тамъ, гдѣ нѣтъ ни начала, ни конца, гдѣ человѣческій духъ приближается къ сознанію истины, предъ которою, какъ передъ Богомъ, всякая экономическая, социальная и политическая борьба исчезаетъ, таетъ, какъ воскъ передъ лицомъ солнца. Рѣдкинъ убѣждалъ насъ, что такое отношеніе къ наукѣ возможно, что это не утопія, а дѣйствительность, которую мы сами устраняемъ, внося въ храмъ науки то, чего въ немъ не должно быть—не служеніе истинѣ, не желаніе отрѣшиться отъ всего, что можетъ затемнить наше сужденіе, а борьбу, страсть, все то, что дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ объективному анализу, безъ котораго наука немыслима. Рѣдкинъ былъ единственнымъ нашимъ профессоромъ, который держался совершенно съ сторонѣ отъ политической борьбы и въ то же время пользовался авторитетомъ и довѣріемъ въ политическихъ вопросахъ, потому что никто изъ насъ ни на минуту не сомнѣвался, что онъ въ своей дѣятельности руководствуется исключительно желаніемъ служить истинѣ и ставить ее выше всего не только на словахъ, какъ другіе профессора, но и на дѣлѣ, т. е. съ готовностью пожертвовать для нея всѣмъ.

Мы звали, что Рѣдкинъ пострадалъ за науку, что онъ отказался отъ кафедры, когда не могъ преподавать такъ, какъ хотѣлъ. При насъ онъ срѣзалъ племянника очень вліятельнаго министра и непосредственнаго своего начальника по службѣ, хотя тотъ недвусмысленно его попросилъ быть снисходительнымъ къ его родственнику. Это были факты, и въ то же время Рѣдкинъ никогда не либеральничалъ такъ, какъ либеральничали другіе профессора изъ первоклассныхъ тогда университетскихъ свѣтилъ, т. е. скверно, при помощи неясныхъ намековъ, анекдотовъ, аллегорій или скрытыхъ сопоставленій. Рѣдкину, его честной хохлацкой натурѣ, такой эзоповскій рабій языкъ былъ глубоко противенъ, да онъ считалъ его недостойнымъ званія профессора и не нуждался въ немъ, потому что преслѣдовалъ дѣли не политическія, а научныя и никогда не унизилъ бы себя, какъ другіе профессора, до заигрыванія съ молодежью, до исканія у нея дешевой популярности. Но тамъ, гдѣ это нужно было, онъ вступался за науку честно и открыто, чего бы это ему ни стоило. Онъ тутъ не допускалъ никакихъ компромиссовъ или послабленій. Въ стѣнахъ университета онъ даже не давалъ воли своимъ безобиднымъ симпатіямъ.

Помню я экзаменъ у него. Хотя онъ былъ крѣпышъ, но все-таки, экзаменуя съ утра до поздняго вечера, при далеко немолодыхъ своихъ годахъ, утомлялся: тяжело было старику, но онъ продолжалъ экзаменовать, чтобы не заставлять студентовъ томиться нѣсколько дней. Уже поздно вечеромъ къ экзаменаціонному столу подходитъ студентъ-хохолъ. Начинаетъ онъ нехорошо, именно съ заявленія, что онъ двухъ послѣднихъ билетовъ не знаетъ. По лицу Рѣдкина пробѣгаетъ тѣнь. Онъ однако не отказывается земляку.

— А остальные билеты знаете?—спрашиваетъ онъ мрачно.

— Знаю,—отвѣчаетъ студентъ не менѣе мрачно.

— Возьмите билетъ,—приглашаетъ его Рѣдкинъ.

Хохолъ вынимаетъ билетъ и тотчасъ же отвѣчаетъ на него прекрасно,—такъ, какъ любилъ Рѣдкинъ, отчетливо, кратко, безъ лишнихъ словъ. Нельзя было сомнѣваться, что студентъ много занимался предметомъ и занимался имъ любовно. Когда онъ кончилъ, Рѣдкинъ самъ вынимаетъ ему еще билетъ. Студентъ отвѣчаетъ и на него прекрасно при общемъ молчаливомъ одобреніи аудиторіи. Дѣло кончается тѣмъ, что Рѣдкинъ ставитъ ему пятерку, но освѣдомляется, почему онъ не дочиталъ послѣднихъ билетовъ.

— То не успѣлъ: холова заболѣвъ.

— Хорошо, ступайте.

Уже совсѣмъ ночью, часовъ въ одиннадцать, выходитъ студентъ, тоже не знавшій нѣсколькихъ билетовъ и думавшій воспользоваться послабленіемъ, которое профессоръ оказалъ своему земляку.

— Какіе же билеты вы не знаете?—спросилъ Рѣдкинъ.

Студентъ назвалъ ему два билета, самые трудные во всемъ курсѣ.

— Хорошо,—лаконически отозвался Рѣдкинъ.

Студентъ взялъ билетъ и началъ на него отвѣчать такъ, какъ отвѣчаютъ студенты, которые механически вы зубрили курсъ и по минутно упускаютъ изъ виду преемственную и логическую связь между разными философскими ученіями, чѣмъ преимущественно и дорожилъ профессоръ. Когда студентъ кончилъ, Рѣдкинъ попросилъ его взять второй билетъ, далъ ему отвѣтить, но потомъ сталъ ему предлагать безконечные вопросы. Для насъ уже давно выяснилось, что экзаменующійся плохо знаетъ предметъ, но профессоръ все продолжалъ экзаменовать, несмотря на очевидное крайнее утомленіе. Что-то мѣшало ему кончить экзаменъ, и мы всѣ прекрасно знали что. Онъ проявилъ нѣкоторую слабость по отношенію къ земляку, позволивъ ему держать экзаменъ и даже поставивъ ему высшую отмѣтку, несмотря на то, что тотъ всего курса не прошелъ, и теперь опасался, какъ бы его не заподозрили въ неспра-

ведливости. Но, наконецъ, повидимому, Рѣдкинъ убѣдился, что во всей аудиторіи не можетъ найтись человѣка, который былъ бы иного мнѣнія, чѣмъ самъ профессоръ, поставилъ студенту неудовлетворительную отмѣтку и, заявивъ, что на сегодня вслѣдствіе поздняго часа, довольно, всталъ и ушелъ.

Студенты не вскочили, какъ обыкновенно, по окончаніи экзамена со своихъ мѣстъ, чтобы, громко разговаривая, гурьбою выбѣжать въ коридоръ, а какъ-то нехотя встали, словно что-то недоделано. Врядъ-ли всѣ отдавали себѣ точный отчетъ, въ чемъ собственно дѣло, и только экзаменовавшійся студентъ поставилъ точку надъ і, сказавъ:

— Да я же не виноватъ, господа! Почему я зналъ, что онъ будетъ такъ долго экзаменовать?

Никто, сколько помню, студенту не отвѣтилъ. Всѣ чувствовали, что онъ несетъ должное наказаніе за уловку, можетъ быть умѣстную по отношенію къ другимъ профессорамъ, но никакъ не по отношенію къ Рѣдкину, въ чувствѣ справедливости котораго никто не сомнѣвался, и заслуги и лѣта котораго должны были заставить студента не умолять его напрасно, а заявить, что онъ самъ убѣдился въ своей неподготовленности.

Таковы были чувства студенчества по отношенію къ Рѣдкину.

Не могу здѣсь не разсказать, какъ я расстался съ Петербургскимъ университетомъ, такъ какъ въ этомъ прощаньи Рѣдкину принадлежитъ видная роль.

Сдавъ магистерскій экзаменъ изъ полицейскаго права и политической экономіи, я принялся за диссертацию. Темою я избралъ вопросъ, который мнѣ казался очень важнымъ съ точки зрѣнія народнаго благополучія, именно вопросъ объ отношеніи государства къ женскому образованію. Я представилъ въ факультетъ изслѣдованіе, въ которомъ далъ очеркъ философіи исторіи этого вопроса, а затѣмъ на основаніи тогдашняго положенія законодательства въ цивилизованныхъ странахъ старался выяснить, что мы идемъ къ предоставленію женщинѣ свободы въ выборѣ профессіи, къ уравненію женскаго образованія съ мужскимъ и къ совмѣстному обученію лицъ обоего пола какъ въ народныхъ школахъ, такъ со временемъ въ гимназіяхъ и университетахъ.

Диссертация моя удостоилась лестныхъ отзывовъ со стороны нѣкоторыхъ профессоровъ, но, кажется, всѣ единодушно рѣшили, что, защитивъ ее, я стану человѣкомъ невозможнымъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, другими словами, закрою себѣ доступъ къ университетской кафедрѣ. Кромѣ того, большинство рѣшило, что имъ неудобно пропускать моей диссертациі, потому что

это значило до нѣкоторой степени признать себя солидарными со взглядами, черезъ-чуръ уже прогрессивными. Это послѣднее соображеніе не дѣлаетъ чести гражданскому мужеству профессоровъ, но всякому своя рубашка ближе къ тѣлу, а что касается перваго соображенія, то оно мнѣ теперь представляется безусловно вѣрнымъ, хотя я и проводилъ въ своей диссертациі сорокъ лѣтъ тому назадъ взгляды, которые теперь уже въ значительной степени осуществлены самимъ правительствомъ. Но тогда я этого не понималъ и, сказавъ себѣ, что въ университетѣ наука несвободна, рѣшилъ разстаться съ нимъ и избрать другую дѣятельность.

Да, съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ, и я понималъ многое, чего тогда не понималъ. Я понималъ, что свобода мысли—идеалъ, къ которому, какъ ко всякому идеалу, можно только приблизиться, я понималъ, что ее часто столько же стѣсняетъ правительство, сколько и общество (можетъ быть, второе больше перваго), что уступки въ жизни необходимы даже съ точки зрѣнія торжества идеаловъ, которые намъ дороги, что общіе идеалы безсильны, когда мы не умѣемъ придать имъ форму, доступную данному времени и данному мѣсту. Я понималъ все это цѣною многихъ жертвъ, многихъ страданій, но тогда никто мнѣ на все это не указалъ. Одни пожимали плечами надъ моею наивною, другіе сожалѣли меня, третьи сочувствовали и старались придти мнѣ на помощь пріисканіемъ мнѣ хлѣбныхъ занятій до составленія другой диссертациі. Я убѣдился въ участливости и добротѣ профессоровъ, но основной вопросъ остался невыясненнымъ: я не зналъ, правъ ли я или неправъ, принялъ ли я вѣрное или ложное рѣшеніе. Напротивъ, я все болѣе убѣждался, что, разставаясь съ университетомъ, я дѣлаю то, что велитъ совѣсть, т. е. поступаю честно.

Въ такомъ настроеніи я зашелъ къ Рѣдкину, избранному тогда ректоромъ и жившему въ ректорскомъ домикѣ возлѣ университетскаго зданія. Онъ меня встрѣтилъ словами:

— Ахъ, зачѣмъ вы не написали диссертациі о пожарныхъ инструментахъ!

Въ этомъ возгласѣ было столько горькой ироніи, но въ то же время и добраго чувства ко мнѣ, что я невольно улыбнулся.

— Развѣ пожарные инструменты—тема, болѣе подходящая, чѣмъ женское образованіе?—спросилъ я.

— Для полицейскаго права—пожалуй,—улыбнулся мнѣ въ отвѣтъ Рѣдкинъ и началъ меня убѣждать не смущаться постигшей меня неудачей. Онъ говорилъ долго и убѣдительно и говорилъ именно о томъ, о чемъ нужно было говорить. Онъ не выражалъ ни жалости, ни состраданія, ни готовности придти къ намъ на по-

мощь. Онъ сразу понялъ, что боль, которую я испытываю,—не моя личная боль, а боль, такъ-сказать общественная, что мнѣ обидно не столько за себя, сколько за страну, въ которой живу, за университетъ, въ которомъ воспитывался, за профессоровъ, отнесшихся именно такъ къ моей диссертациіи. Онъ старался меня убѣдить, что чѣмъ ниже умственный и нравственный уровень общества, тѣмъ осторожнѣе и осмотрительнѣе должны дѣйствовать тѣ, кто чувствуетъ себя призваннымъ вносить въ него лучъ свѣта. Словомъ, онъ старался сохранить во мнѣ вѣру въ возможность успѣшно дѣйствовать на пользу высшихъ человѣческихъ благъ, оставаясь въ университетской средѣ.

И ему тогда не повѣрилъ. Я даже не подумалъ о томъ, что онъ, какъ профессоръ, самъ представляетъ убѣдительнѣйшее доказательство вѣрности своихъ словъ. Я подчинился исключительно оскорбленному чувству, а не разуму и навсегда разстался съ университетомъ. Что я такъ поступилъ, мнѣ не жаль, потому что я нашелъ себѣ другую, болѣе подходящую каеедру. Но свою вину передъ Рѣдкинымъ я теперь сознаю: я ему единственный разъ въ жизни не повѣрилъ. Прости, незабвенный учитель!

И. Я. Горловъ.

Вспоминая моихъ университетскихъ профессоровъ, я всегда съ пріятнымъ чувствомъ останавливаюсь на профессорѣ Горловѣ, который намъ читалъ политическую экономію по составленному имъ учебнику. Ораторъ былъ онъ болѣе чѣмъ посредственный, ученый тоже лишь настолько, насколько можно признать ученымъ болѣе или менѣе зауряднаго русскаго профессора. Но въ немъ было много для меня симпатичнаго: въ немъ соединялась большая доброта, заставлявшая его приходить на помощь нашему брату—студенту, съ большою добросовѣстностью, побуждавшею его относиться серьезно къ наукѣ. Но это серьезное къ ней отношеніе было особаго рода, и оно-то побуждаетъ меня посвятить нѣсколько строкъ почтенному Ивану Яковлевичу, какъ типичному представителю цѣлой полосы русской университетской науки.

Если въ Россіи возможны Рѣдкины или Андреевскіе, то общимъ правиломъ у насъ должны были бы быть Горловы, и это было бы въ сущности не такъ ужъ плохо, потому что въ нихъ было много хорошаго. Салтыковъ ихъ конечно бы осмѣялъ, прошелся бы по ихъ поводу насчетъ „аккуратности и умѣренности“, но я въ данномъ случаѣ не могу послѣдовать его примѣру, потому что акку-

ратность да и умѣренность въ русскомъ человѣкѣ, столь склонномъ къ халатности въ дѣлахъ и неумѣренности въ дурныхъ наклонностяхъ и привычкахъ, вовсе уже не такой крупный недостатокъ, чтобы заслуживать сатирическаго бича.

Иванъ Яковлевичъ входилъ въ аудиторію ровно 5 минутъ послѣ звонка, постепенно занималъ свое привычное мѣсто на кафедрѣ, методически откашливался, затѣмъ вынималъ часы, клалъ ихъ передъ собою на кафедру и начиналъ читать лекцію пріятнымъ, слегка надтреснутымъ баскомъ. Его густая шевелюра и широкія бакенбарды съ просьбью были тщательно причесаны, такъ что ни одинъ волосокъ не отдѣлялся отъ другого, подбородокъ пробритъ отчетливо, ясною дорожкою, его глаза смотрѣли на насъ внушительно, такъ что не могло быть и тѣни сомнѣнія, что онъ очень серьезно относится къ своему дѣлу, рѣчь его лилась не то, чтобы очень плавно, но все-таки безъ всякихъ ощутительныхъ задержекъ или толчковъ, и мы слушали профессора далеко не съ напряженнымъ вниманіемъ, но съ интересомъ, который вызывается сознаніемъ, что мы, слушая лекцію, дѣлаемъ дѣло, во всякомъ случаѣ не пустое.

Я между прочимъ отмѣтилъ, что Горловъ во время лекцій всегда клалъ передъ собою часы. Извѣстный издатель „Голоса“, Краевскій, тоже, принимая посѣтителя, демонстративно клалъ передъ собою часы, заявляя, что у него только пять минутъ свободныхъ. Оба они были чиновники—одинъ изъ газетнаго дѣла, другой—отъ науки; но у Краевского это была политика, а у Горлова политики никакой не было, да я думаю, онъ вообще былъ на нее не способенъ. Аккуратность была такъ-сказать врожденнымъ его качествомъ, а какая можетъ быть аккуратность безъ часовъ? Культурный человѣкъ всегда аккуратенъ, ибо, если степень культуры, какъ говорятъ, опредѣляется количествомъ потребляемаго даннымъ народомъ мыла, то подавно она опредѣляется количествомъ часовъ, имъ покупаемыхъ. „Время—деньги“. Всѣ любятъ подсчитывать свои деньги, но только культурные люди любятъ такъ же бережно относиться къ счету времени, т. е. дѣйствительно понимаютъ глубокое значеніе англійской поговорки. Горловъ несомнѣнно обладалъ тѣми качествами, которыя позволяютъ называть человѣка культурнымъ. Онъ велъ точный счетъ времени, распредѣлялъ свои занятія по часамъ дня, прекрасно владѣлъ собою, умѣлъ выслушивать другихъ, уважая чужія убѣжденія, никогда не былъ рѣзокъ въ спорахъ, былъ очень опрятенъ, столько же въ мысляхъ, сколько въ своей внѣшности, очень добросовѣстно исполнялъ всѣ свои обязанности, и если все это далеко не исчерпываетъ культуры, то съ

другой стороны нельзя не признать, что безъ этого культура немислима. Много требовалось ума, напряженія, жертвъ, чтобы распространить и упрочить эти качества въ русскихъ образованныхъ классахъ, и нельзя отрицать, что наша бюрократія, штатская, военная и духовная, представляетъ тотъ классъ, въ которомъ эти качества наиболѣе распространены. Если бюрократія не пользуется популярностью среди извѣстной части нашего общества, то это ни въ какомъ случаѣ не можетъ послужить основаніемъ для пренебрежительнаго, а тѣмъ болѣе для презрительнаго отношенія къ вышеупомянутымъ качествамъ. Можно только удивляться Щедрина, что его нерасположеніе къ чиновничеству увлекло его до осмѣянія этихъ качествъ, которыхъ такъ сильно недостаетъ именно той части русскаго общества, которая, можетъ быть, мнитъ себя лучше и выше остальныхъ.

Горловъ былъ типичнымъ представителемъ русской бюрократіи въ ученой средѣ. Онъ высоко ставилъ русское государственное начало, науку, званіе профессора, былъ проникнутъ ихъ значеніемъ, и всякія сомнѣнія тутъ ему были совершенно чужды. Такъ-называемые проклятые вопросы его не занимали: онъ, кажется, на нихъ не останавливался, считалъ ихъ чѣмъ-то въ родѣ бредней, недостойныхъ отвлекать серьезный умъ отъ университетской науки и отъ задачъ русскаго государства. Онъ не столько критиковалъ или сомнѣвался, сколько изучалъ, старался усвоить положительные выводы, къ которымъ наука пришла въ лицѣ наиболѣе авторитетныхъ своихъ представителей. Сомнѣваться въ авторитетности Адама Смита, Рикардо, Мальтуса казалось ему чуть-ли не святотатствомъ, какъ ему казалось преступнымъ подрывать авторитетъ государственной власти, главной насадительницы культуры въ нашемъ еще полу-варварскомъ народѣ. Духъ Петра, Екатерины и ихъ преемниковъ, казалось, еще не угасъ въ этомъ скромномъ ученомъ и придавалъ ему, маленькому человѣку, обаяніе, хотя и минувшаго, но реальнаго величія. Въ немъ чувствовался атомъ той силы, которая создала великую Россійскую имперію.

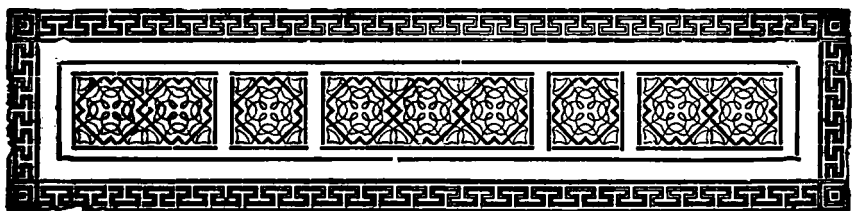
Убивала ли въ Горловѣ государственность или, какъ нынѣ любятъ выражаться, бюрократизмъ—потому что въ сознаніи такъ-называемаго русскаго интеллигентнаго человѣка бюрократъ и представитель русской официальной государственности почти одно и то же—убивала ли, повторяю, въ Горловѣ государственность любовь къ наукѣ? Отпуюдъ нѣтъ. Я помню, какъ передъ самымъ моимъ магистерскимъ экзаменомъ онъ меня встрѣтилъ въ коридорѣ и поздравилъ съ выходомъ перваго выпуска моего перевода „Науки Политиці“ Роберта фонъ-Моля, заявивъ мнѣ, что всегда очень интере-

совался теорією народонаселенія. По этому поводу онъ пустился въ длинную бесѣду со мной, а я все не понималъ, съ чего это онъ во время лекцій въ коридорѣ, среди ситолоки спующихъ взадъ и впередъ студентовъ и профессоровъ, началъ вдругъ обсуждать со мною, вчерашнимъ студентомъ, одинъ изъ сложныхъ и трудныхъ научныхъ вопросовъ. Занятый въ ту минуту всецѣло предстоявшимъ мнѣ экзаменомъ, я невольно приводилъ этотъ странный разговоръ въ связь съ экзаменомъ, и въ то же время чувство мое къ Горлову раздвоилось: съ одной стороны я его мысленно благодарилъ за то, что онъ, сознавая всю безцѣльность магистерскаго экзамена (развѣ можно въ годъ серьезно изучить всѣ вопросы, входящіе въ составъ данной науки, и зачѣмъ приравнивать молодыхъ ученыхъ къ школьникамъ, занятія которыхъ надо контролировать?) указываетъ мнѣ на вопросъ, который онъ мнѣ предложитъ на экзаменѣ, чтобы я могъ успѣшно сбыть эту формальность; съ другой—у меня зародилось недоброе чувство, потому что подобный пріемъ мнѣ казался не достойнымъ и профессора, и магистранта. Но на экзаменѣ выяснилось, тотчасъ же, что я ошибся: Горловъ мнѣ задалъ совершенно другой вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я понялъ, что нашъ разговоръ былъ вызванъ исключительно любовнымъ отношеніемъ Горлова къ наукѣ, т. е. интересомъ, который она въ немъ возбуждала.

Если Горловъ ничего выдающагося въ наукѣ не сдѣлалъ, то все не по недостатку любви къ ней, а просто потому, что способности его этого не допускали. Наоборотъ, слѣдуетъ удивляться, какъ онъ при своихъ небольшихъ способностяхъ могъ сдѣлать такъ много, обогативъ напримѣръ русскую науку прекраснымъ для того времени учебникомъ. Еслибы среди русскихъ профессоровъ было побольше Горловыхъ, т. е. людей, какъ онъ, преданныхъ культурѣ, наукѣ и государственности, то наша университетская жизнь сложилась бы нѣсколько иначе. Во всякомъ случаѣ Горловъ всецѣло принадлежалъ къ старой Россіи, которая уже въ его время все чувствительнѣе замѣнялась новою, современною.

Р. Сементковскій.

Встрѣчи и столкновенія¹⁾.

(А. Д. Градовскій, Робертъ Мольтъ, С. Н. Терпигоревъ)²⁾.

А. Д. Градовскій.

а рубежѣ двухъ смѣняющихся эпохъ обыкновенно встрѣчаются дѣятели, носящіе на себѣ признаки обѣихъ,—отживающей и нарождающейся. Такимъ дѣятелемъ несомнѣнно былъ А. Д. Градовскій.

Народная масса *quantité négligible*: за нее думаютъ, ее судьбу опредѣляютъ другіе факторы народной жизни—правительство и общество. Такъ смотрѣли на дѣло обѣ стороны: въ этомъ пунктѣ онѣ сходились, и для нихъ вопросъ заключался только въ томъ, кому должна принадлежать руководящая роль,—правительству ли въ тѣсномъ смыслѣ, или правительству и тѣмъ общественнымъ элементамъ, которые не отказываются дѣйствовать съ нимъ совмѣстно, или, наконецъ, тѣмъ общественнымъ элементамъ, которые находятся въ состояніи борьбы съ правительствомъ. Соответ-

¹⁾ См. „Русская Старина“ май 1912 г.

²⁾ Въ отвѣтъ на помѣщенную въ іюльской книгѣ „Русской Старины“ поправку Товарищества М. О. Вольфъ, Р. И. Сементковскій сообщаетъ, что его воспоминанія о М. О. Вольфѣ буквально основаны на хранящихся у него письмахъ покойнаго книгопродавца, которыя онъ съ готовностью предъявитъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицамъ. Что же касается упомянутой въ поправкѣ „націоналистической выходкѣ“, то ею нельзя назвать простое констатированіе факта, что М. О. Вольфъ былъ польскій еврей. Впрочемъ, автора ограждаетъ отъ подобнаго рода подозрѣній вся его литературная дѣятельность, что въ свое время вполне подтвердила сама фирма посвященной ему лестной біографіей.

ственно, общество распалось на три основныя партіи: консерваторовъ, требовавшихъ, чтобы все вліяніе, вся власть принадлежали исключительно правительству; либераловъ, требовавшихъ, чтобы вліяніе принадлежало и правительству, и народу, подъ которымъ подразумѣвались общественные элементы, не отвергавшіе совмѣстную дѣятельность съ правительствомъ, и, наконецъ, революціонную партію, требовавшую, чтобы правительство удалилось, и чтобы власть была предоставлена опять-таки народу, подъ которымъ на этотъ разъ уже подразумѣвались общественные элементы, объявившіе правительству войну. Такимъ образомъ, все сводилось къ борьбѣ съ правительствомъ, при чемъ со стороны революціонной партіи безусловно исключалась мысль, что правительство можетъ служить прогрессу и культурѣ. Постепенно этотъ приговоръ революціонной партіи усвоенъ былъ все большимъ числомъ представителей русскаго общества. Въ мои студенческіе годы процессъ этотъ уже обозначился, хотя мало кто его ясно сознавалъ, и тѣмъ профессорамъ, которые хотѣли играть общественную роль, приходилось выбирать между тремя отмѣченными мною партіями. Одни профессора прямо примыкали къ одной изъ трехъ партій, а другіе угождали и правительству, и обществу, т. е. въ сущности революціоннымъ элементамъ, потому что борьба съ правительствомъ уже въ то время пріобрѣла среди студентовъ очень острый характеръ. На этой почвѣ родился новый типъ профессора, получившій въ послѣдствіи преобладаніе. Одинъ изъ первыхъ его представителей и былъ А. Д. Градовскій.

Школьные его товарищи мнѣ передавали, что онъ отличался въ гимназіи большимъ трудолюбіемъ, но что они очень удивились, услыжавъ, что онъ сдѣлался виднымъ ученымъ; способностями онъ ни въ гимназіи, ни потомъ въ университетѣ не отличался. Повидимому, ученая карьера была ему въ началѣ дѣйствительно чужда, потому что, окончивъ университетъ, онъ тотчасъ же поступилъ на правительственную службу чиновникомъ особыхъ порученій при воронежскомъ губернаторѣ и редакторомъ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“. Слѣдовательно, въ началѣ его карьеры сомнѣнія были ему какъ будто чужды: изъ двухъ боровшихся силъ онъ выбралъ правительство и рѣшительно примкнулъ къ нему.

Онъ началъ читать лекціи въ Петербургскомъ университетѣ при мнѣ и сразу пріобрѣлъ среди студентовъ популярность. Я недоумѣвалъ, чѣмъ собственно она была вызвана. На магистерскомъ диспутѣ онъ проявилъ и находчивость, и смѣлость, но краснорѣчіе его было болѣе чѣмъ сомнительно: особенно непріятно дѣйствовали его продолжительные вздохи, какъ будто ему не хватало воздуха—пер-

вые признаки, полагаю, сердечной болѣзни, которая его преждевременно свела въ могилу. На вступительной же своей лекціи онъ провелъ недопустимую съ либеральной точки зрѣнія мысль, что Россія представляетъ собою страну, въ достаточной мѣрѣ свободную, и что ей мудрыми правителями дано все, что необходимо для гражданскаго преуспѣянія. Меня, помню, даже поразило, что подобная вступительная лекція, предназначенная очевидно для властей, на ней присутствовавшихъ, и напечатанная потомъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, могла пройти безнаказанно для его популярности. Но фактъ тотъ, что Градовскій какъ-то сразу приобрѣлъ репутацію очень либеральнаго профессора, и никто не сомнѣвался, что онъ всецѣло стоитъ не на сторонѣ правительства, а на сторонѣ общества.

Однако, надъ нимъ вскорѣ стряслась бѣда. Произошли студенческіе беспорядки, назначенъ былъ университетскій судъ, и на судѣ Градовскій рѣшительно высказался за наложеніе на нѣкоторыхъ студентовъ-радикаловъ строгаго дисциплинарнаго взысканія. Нѣтъ ничего тайнаго, что не обнаружилось бы рано или поздно. На этотъ разъ тайное обнаружилось очень скоро, и вмѣстѣ съ тѣмъ произошло событіе, которое, помню, меня возмутило до глубины души.

Когда Градовскій явился на лекцію, студенты загнали его въ корридоръ въ уголъ и начали его поносить бранными словами,—такими словами, какими перебраниваются только ломовые извозчики. Сцена эта продолжалась долго. Градовскій былъ блѣденъ, какъ полотно, и отмалчивался, опасаясь, очевидно, какъ бы его не ударили. Хотя я не зналъ, что у него сердечная болѣзнь, да ея, можетъ быть, тогда еще не было, тѣмъ не менѣе мнѣ за него страшно стало, и я крикнулъ: „Господа, что вы дѣлаете? вѣдь такъ убить человѣка можно!“ Но меня не слушали и только, выругавшись всласть, студенты, наконецъ, отпустили Градовскаго, который поспѣшилъ уѣхать домой.

Я опять подумалъ, что надъ популярностью профессора поставленъ крестъ. Но не успѣлъ я еще кончить курса, какъ благодаря анти-правительственнымъ аллегоріямъ, которыми онъ зачастую угощалъ насъ на лекціяхъ, популярность его возрасла. Придаться къ его словамъ было трудно, но студенты отлично понимали, въ чемъ дѣло, тѣмъ болѣе, что имъ въ то время немного надо было: какой-нибудь невиннѣйшій по теперешнимъ понятіямъ намекъ заставлялъ радикальное сердце сильнѣе биться и подчасъ приводилъ въ движеніе руки, такъ что Градовскій нерѣдко срывалъ аплодисменты.

Я думаю, что вышеизложеннаго вполне достаточно, чтобы составить себѣ ясное представленіе объ истинномъ характерѣ лекцій

Градовскаго. Онъ останавливался преимущественно на такихъ темахъ, которыя въ политическомъ отношеніи волновали общество, и рѣшалъ ихъ въ направленіи, лучше всего характеризуемомъ поговоркой: „и волки цѣлы, и овцы сыты“. Выберетъ онъ, напримѣръ, вопросъ о раздѣленіи властей или о различіи между закономъ и административнымъ распоряженіемъ. Очевидно, вопросы эти въ доконституціонной Россіи ни теоретическаго, ни практическаго рѣшенія получить не могли, потому что законодательная и административная власть по существу сливались въ одномъ основномъ источникѣ. Поэтому даже гарантіи, которыя создавались самимъ законодателемъ для обезпеченія ненарушимости закона, ни къ чему не вели: и дѣятельность Сената въ столицѣ, и дѣятельность прокуроровъ и губернскаго правленія въ провинціи могли разсчитывать на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если высшее начальство (губернаторъ, министръ или верховная власть) знали о нарушеніи закона и возстановляли его силу. Слѣдовательно, провести какую-нибудь твердую границу между закономъ и административнымъ распоряженіемъ не было никакой возможности. Но Градовскій изощрялся въ рѣшеніи этого и подобныхъ вопросовъ. Невольно, бывало, въ душѣ расхохочешься, когда онъ съ одной стороны доказывалъ, что „не одно законодательство могло бы въ этомъ вопросѣ позавидовать русскому“, а съ другой стороны выяснялъ, что „граница между закономъ и административнымъ распоряженіемъ можетъ быть проведена только въ каждомъ данномъ случаѣ“. Градовскій, конечно, зналъ, что онъ дѣлалъ: мысль о блестящемъ положеніи нашего законодательства предназначалась для властей предержащихъ, а ироническое замѣчаніе о полной невозможности провести какую бы то ни было общую границу между закономъ и административнымъ распоряженіемъ предназначалась для нашего брата-студента и способствовала популярности профессора. Словомъ, Градовскій является однимъ изъ отцовъ позднѣйшей столь распространенной тактики: не порывать съ правительствомъ, но въ то же время всячески угождать и обществу.

Помню, я во времена студенчества никакъ не могъ уяснить себѣ причину популярности Градовскаго, и мнѣ все казалось, что она, равно какъ и его репутація виднаго ученаго, должны были померкнуть. Я чувствовалъ, что въ лекціяхъ Градовскаго есть глубокое внутреннее противорѣчіе, какая-то фальшь, отъ которой мнѣ всегда становилось не-по-себѣ. Правительство и та часть общества, которая до извѣстной степени завладѣла духовно университетомъ, стояли другъ противъ друга, какъ двѣ враждебныя силы, какъ двѣ непріятельскія арміи, а профессора типа Градовскаго

служили одновременно въ обѣихъ арміяхъ, облакаясь въ мундиры то одной, то другой и оказывая обѣимъ существенныя услуги. Мнѣ все казалось, что эта тактика будетъ тотчасъ же раскрыта, и что подобный пріемъ, какъ слишкомъ элементарный, никого не обманетъ, и, слѣдовательно, успѣха имѣть не можетъ. Но на самомъ дѣлѣ она успѣхъ имѣла огромный, и число послѣдователей Градовскаго возрастало въ геометрической прогрессіи.

Стоить ли теперь объяснять, почему я ошибся? Громадное большинство русскихъ интеллигентныхъ людей до сихъ поръ еще люди 20-го числа, а 40 лѣтъ тому назадъ человѣкъ, не состоявшій на правительственной службѣ, представлялъ собою что-то въ родѣ бѣлой вороны. Между тѣмъ борьба двухъ враждебныхъ лагерей все обострялась, и вліяніе общества усиливалось. Правительство все кормило интеллигенцію, но и общество давало ей кое-что. Поэтому было крайне невыгодно порывать съ правительствомъ, но было выгодно угождать и обществу либо непосредственно, т. е. пріобрѣтеніемъ популярности, что открывало многіе сторонніе заработки (напримѣръ, въ журналистикѣ), либо косвенно, т. е. пріобрѣтеніемъ симпатій либераловъ, уже прочно засѣвшихъ въ правительствѣ и занимавшихъ въ немъ болѣе или менѣе вліятельныя мѣста. Градовскій указалъ передовой интеллигенціи путь, какъ можно спокойно оставаться на правительственной службѣ и въ то же время пріобрѣтать общественныя лавры. Неудивительно поэтому, что почтеннѣйшій Александръ Дмитріевичъ сдѣлалъ школу, и что память его свято хранится всѣми русскими дѣятелями, которые прониклись важнымъ практическимъ значеніемъ пословицы: „ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ“.

Градовскому, какъ публицисту, принадлежитъ нѣсколько крылатыхъ словъ. Я отчетливо помню два. Гоголя онъ называлъ поэтомъ „пошлости“. Онъ, очевидно, не могъ примириться съ жестокимъ осмѣяніемъ нашимъ сатирикомъ русскаго общества и думалъ польстить послѣднему, переводя грѣхъ съ больной головы на здоровую: Гоголь-де осмѣялъ русское общество вовсе не потому, что оно этого заслуживаетъ, а потому, что Гоголю доставляло особое удовольствіе купаться въ человѣческой пошлости. Профессоръ государственнаго права не хотѣлъ понять, что Гоголь—послѣдній пламенный проповѣдникъ русской государственности среди свѣтилъ нашей литературы, что, если онъ жестоко казнилъ русское общество, то именно съ точки зрѣнія утраты имъ тѣхъ качествъ, которыя сдѣлали Россію великимъ государствомъ (недаромъ онъ влагаетъ свой приговоръ надъ русскимъ обществомъ и свой пламенный призывъ спасти родину въ уста генераль-губернатору, чего послѣ Гоголя не рѣшился бы уже сдѣ-

латъ ни одинъ изъ корифеевъ нашей литературы). Но если это крылатое слово Градовскаго, хотя и пришлось по вкусу радикальной критикѣ, вышло неудачнымъ, зато другое можетъ быть признано даже пророческимъ. Создавая его, Градовскій плавалъ въ своей стихіи. Онъ предусматривалъ, что путь, по которому пошла русская радикальная мысль, можетъ привести къ опаснымъ послѣдствіямъ съ точки зрѣнія интересовъ той части русской интеллигенціи, представителемъ которой Градовскій себя чувствовалъ всѣми фибрами своего существа. Если онъ ей указалъ путь, какъ примирить правительственную службу съ служеніемъ обществу, то онъ съ другой стороны предостерегъ ее отъ политики, которая могла нанести сильный вредъ ея матеріальнымъ интересамъ. Уже тогда, въ студенческіе мои годы, началось то хожденіе въ народъ, которое Тургеневъ такъ великолѣпно описалъ въ своемъ романѣ „Новъ“ и которое съ каждымъ годомъ разросталось и привело во время русской революціи къ повторенію ужасовъ пугачевского бунта. И вотъ Градовскій, въ предвидѣніи ограбленія и возможнаго избіенія русской интеллигенціи народомъ, пустилъ въ „Голосѣ“ второе свое крылатое слово: „Не будите звѣря!“ Защищая шкурные интересы интеллигенціи, Градовскій оказался пророкомъ, и пророчество его отчасти оправдалось и можетъ оправдаться въ большей степени, если оно русскимъ обществомъ не будетъ принято къ сердцу.

Робертъ Моля.

Еще на студенческой скамьѣ я задумалъ пополнить нашу юридическую литературу однимъ изъ капитальнѣйшихъ трудовъ Роберта Моля, его „Наукою полиціи“ или, выражаясь современнымъ языкомъ, его „Административнымъ правомъ“. Понятно, что я счелъ своимъ долгомъ обратиться къ знаменитому германскому государствовѣду за разрѣшеніемъ. Онъ мнѣ тотчасъ же отвѣтилъ, и его письмо, нигдѣ еще не напечатанное, сохранило до сихъ поръ свое значеніе, хотя оно написано 42 года тому назадъ. Привожу его здѣсь цѣликомъ въ буквальный переводъ:

„Я имѣлъ честь получить Ваше любезное письмо отъ 8-го сего числа.

„Прежде всего приношу Вамъ искреннѣйшую благодарность за сказанное мнѣ Вами доброе слово. Я уже раньше, при другихъ обстоятельствахъ, имѣлъ удовольствіе не только видѣть молодыхъ русскихъ среди своихъ слушателей, но и познакомиться съ ними ближе. За немногими исключеніями, всѣ они проявляли горячую

любовь къ наукѣ и искреннее желаніе быть полезными своему великому отечеству. Въ нихъ было больше свѣжести чувства и воодушевленія, чѣмъ обыкновенно встрѣчаешь у нѣмецкой молодежи. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мнѣ впослѣдствіи стало извѣстно, что они съ почетомъ заняли каведры въ русскихъ университетахъ или сдѣлались дѣльными и уважаемыми правительственными чиновниками.

„Что касается предположеннаго Вами перевода моей „Науки полиціи“, то понятно, намѣреніе Ваше можетъ быть для меня только пріятнымъ и почетнымъ. Чрезвычайно для меня лестна мысль, что мнѣ, благодаря Вашему переводу, дано будетъ принести нѣкоторую пользу или возбудить ту или другую идею въ такой великой странѣ и такъ далеко отъ моей родины. Поэтому я очень охотно даю Вамъ испрашиваемое Вами разрѣшеніе.

„Я счелъ долгомъ увѣдомить и моего издателя о Вашемъ намѣреніи. Понятно, что онъ встрѣтилъ это извѣстіе далеко не съ такимъ удовольствіемъ, какъ я, потому что опасается значительнаго уменьшенія сбыта моей книги въ Россіи. Но онъ мирится съ неизбѣжнымъ. У насъ съ Россіею нѣтъ договора относительно права на переводы. Поэтому издатели не могутъ ставить другъ другу препятствія. Къ искреннему моему удовольствію я долженъ прибавить, что я всегда считалъ международное право на переводы требованіемъ не только чрезмѣрнымъ, но и положительно вреднымъ. Другое приходится сказать, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ, о перепечаткѣ оригиналовъ.

„Въ свое время я съ удовольствіемъ услышу объ окончаніи Вами перевода и отъ души желаю, чтобы Вы были вознаграждены за немалый Вашъ трудъ успѣхомъ и признаніемъ.

„Примите выраженіе полного моего уваженія, съ какимъ честь имѣю быть Вашимъ покорнымъ

Р. Моль.

28-го ноября 1869 г.

Письмо это интересно въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, какъ лестный отзывъ знаменитаго иностраннаго ученаго о русской учащейся молодежи по сравненію съ нѣмецкими студентами. Моль въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отдаетъ предпочтеніе нашей молодежи, слѣдовательно, русскіе профессора плохо пользуются этимъ благодарнымъ матеріаломъ, если у насъ столько каведръ пустоеть. Во-вторыхъ, интересно узнать, что одинъ изъ самыхъ выдающихся государствовѣдовъ XIX в. рѣшительно высказывается противъ стѣсненія права перевода международными договорами. Продуманное оге

мнѣніе имѣеть особенный интересъ для насъ въ настоящее время когда литературная конвенція съ Франціей вызоветъ въ скоромъ времени заключеніе конвенцій и съ другими странами.

Я ограничиваюсь воспроизведеніемъ письма Моля. Что касается научнаго воздѣйствія германскаго ученаго на меня, то оно не подлежитъ здѣсь оцѣнкѣ. Скажу только, что я ему чрезвычайно обязанъ и буду хранить о немъ свѣтлую память до гробовой доски. Онъ, какъ и Рѣдкинъ, научилъ меня (и меня ли одного?) работать въ политическихъ вопросахъ.

С. Н. Терпигоревъ.

Съ Терпигоревымъ я познакомился въ 1878 г. Помню, онъ тогда былъ неразлученъ съ А. С. Героглифовымъ, и это меня не удивляло, потому что между ними было очень много общаго. Оба они были прожектеры съ тою однако разницею, что Терпигоревъ любилъ рисковать и поэтому доходилъ иногда до очень печальнаго положенія; Героглифовъ же былъ человекъ весьма осторожный и поэтому въ матеріальномъ отношеніи процвѣталъ. Оба они тяготѣли къ литературѣ съ тою опять-таки разницею, что Терпигоревъ льнулъ къ писательству, а Героглифовъ болѣе къ издательству. Онъ вѣчно носился съ грандіозными планами какихъ-то изданій, иногда задуманныхъ недурно и оригинально, но по большей части мертворожденныхъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе нежеланія рисковать для нихъ чѣмъ-нибудь крупнымъ.

Онъ, какъ извѣстно, былъ врачомъ по образованію, затѣмъ чиновникомъ министерства финансовъ, редакторомъ „Русскаго Мира“, сотрудникомъ лучшихъ журналовъ и газетъ того времени. Всѣ его изданія однако терпѣли крушеніе. Изъ всѣхъ его затѣй этого рода осуществилась только „Пчела“, которую онъ издавалъ вмѣстѣ съ Микѣшинымъ, и нѣкоторое время она шла недурно. Впрочемъ и этотъ журналъ просуществовалъ недолго. Литературный талантъ былъ у Героглифова небольшой, хотя онъ умѣлъ, что называется, быть зубастымъ. Онъ, помню, всячески подговаривалъ и меня издавать съ нимъ газету, которую онъ проектировалъ во всѣхъ деталяхъ и назвалъ „Гласностью“. Странно однако, что въ идейномъ отношеніи онъ задуманное имъ изданіе охарактеризовать никакъ не могъ. Какъ я его ни допрашивалъ, ничего не выходило. Я даже не могъ себя уяснить, единомышленникъ ли онъ мой, сочувствуетъ ли онъ моимъ идеямъ? Дѣло очевидно заключалось для него не въ нихъ, а въ чемъ-то другомъ. Въ чемъ именно, осталось для меня

тайной. Я только видѣлъ, что онъ не щадить ни трудовъ, ни хлопотъ, что онъ обуреваемъ желаніемъ издавать газету. Сколько на Руси людей, которые стремятся приложить свои подчасъ недюжинныя способности къ какому-нибудь дѣлу, но не знаютъ, что это за дѣло, и какъ за него приняться! Сколько силъ уходитъ такимъ образомъ зря! Сколько силъ ухлопалъ и Терпигоревъ на разныя свои затѣи вплоть до устройства конскихъ заводовъ, сколько ухлопалъ ихъ и Героглифовъ! Терпигоревъ въ концѣ концовъ окончательно остановился на томъ, въ чемъ онъ дѣйствительно былъ силенъ, а Героглифовъ такъ до конца жизни въ своихъ вѣчныхъ поискахъ ничего не нашелъ и не оставилъ послѣ себя замѣтнаго слѣда, остался лишь Героглифомъ, котораго теперь никто уже не беретъ.

Когда я познакомился съ Терпигоревымъ, онъ страшно бѣдствовалъ. Случалось даже такъ, что ему негдѣ было ночевать, и онъ проводилъ ночь въ типографіи на столѣ. Вообще онъ могъ служить прекраснымъ представителемъ русской литературной богемы. Чистое бѣлье было для него недосыгаемою роскошью, пиджакъ, сшитый изъ очень прочной и толстой матеріи, носилъ на себѣ слѣды грязныхъ столовъ и дивановъ, на которыхъ его владѣлецъ ночевалъ. Это ему однако не мѣшало имѣть видъ не только достойный, но даже гордый, когда онъ выходилъ на улицу съ сигарою въ зубахъ, мягкой шляпой на головѣ и тросточкой въ рукахъ. Для всякаго было ясно, что, если онъ глубокою осенью, при холодномъ, пронизывающимъ вѣтрѣ шелъ спокойно по Невскому безъ пальто, въ одномъ пиджакѣ, то только потому, что такъ ему было хорошо. И я въ самомъ дѣлѣ думаю, что его желѣзное здоровье позволяло ему тогда это дѣлать не только безнаказанно, но даже безъ особенно непріятнаго ощущенія.

Здоровье у него дѣйствительно было желѣзное, и надо было много грѣшить, чтобы его расшатать. Сигары онъ курилъ такія, что вчужѣ отъ нихъ дурно становилось, да и напитки придумывалъ онъ экстраординарные. Помню, разъ какъ-то захожу въ пресловутый „Семейный Садъ“ и тотчасъ же у входа вижу: засѣдаютъ Сергѣй Атава и извѣстный въ литературныхъ кружкахъ Эмпѣфэ или Мишка Федоровъ или Михаилъ Павловичъ Федоровъ, безсмѣнный редакторъ „Новаго Времени“, переходившій, вмѣстѣ съ этою газетою, отъ одного издателя къ другому: отъ Киркора къ Устрялову, отъ Устрялова къ Нотовичу, отъ Нотовича къ Трубникову, отъ Трубникова къ Суворину. Вижу, засѣдаютъ они и что-то пьютъ изъ большихъ пивныхъ кружекъ. Такъ какъ Терпигоревъ былъ большой мастеръ изобрѣтать разныя напитки, то я спрашиваю:

— Что вы собственно пьете, господа?

— Присосѣдсь,—отвѣчаетъ мнѣ Терпигоревъ и тотчасъ же командуетъ:

— Человѣкъ, еще кружку такого же.

Когда мнѣ напитокъ подали, я попробоваль и убѣдился, что Терпигоревъ никакой особой изобрѣтательности на этотъ разъ не проявилъ, что это былъ просто коньякъ, на которомъ сверху плаваль для видимости ломтикъ лимона. Этого нехитраго, но крѣпкаго напитка онъ выпилъ въ одинъ присѣсть двѣ кружки. Можно ли послѣ этого удивляться, что, несмотря на крѣпкое здоровье, онъ себя ухаживалъ сравнительно рано (онъ умеръ 54 лѣтъ отъ роду), наживъ жестокой склерозъ.

Но когда я съ нимъ познакомился, т. е. въ 1878 г., онъ въ значныхъ мѣстахъ коньяка кружками не уничтожалъ по той простой причинѣ, что это было для него слишкомъ дорого. Хотя онъ былъ человѣкъ сдержанный и даже друзьямъ жаловаться на свою судьбу не любилъ, однако я ясно видѣлъ, что онъ сильно страдалъ отъ матеріальной необезпеченности. Всегда веселый и остроумный, онъ иногда какъ-то странно задумывался, и затѣмъ его веселость уже не была по-прежнему естественна.

Я очень обрадовался, когда онъ разъ какъ-то мнѣ сообщилъ, что онъ въ скоромъ времени надѣется на поворотъ къ лучшему. При этомъ онъ мнѣ показаль тощую тетрадку подъ заглавіемъ: „Дворянское разореніе“, которую онъ собирался снести Салтыкову въ „Отечественныя Записки“.

Мысль эта мнѣ показалась нѣсколько смѣлою. Терпигоревъ не пользовался именемъ. Фельетоны, которые онъ писалъ въ второстепенныхъ изданіяхъ, обнаруживали талантъ, но ни въ какомъ случаѣ не обличали въ немъ бытописателя дворянства. Тѣмъ не мене меня живо заинтересовала мысль Терпигорева: очень мнѣ ужъ хотѣлось, чтобы онъ какъ-нибудь выбился изъ своего труднаго положенія, да и задуманный имъ трудъ казался мнѣ интереснымъ своею основною идеей. Я его спросилъ, что онъ разумѣетъ подъ дворянскимъ разореніемъ? Имѣетъ ли онъ въ виду только матеріальную сторону? Онъ мнѣ на этотъ вопросъ отвѣтилъ сбивчиво, словно онъ самъ себя вопроса не уяснилъ. Я его еще спросилъ, не имѣетъ ли онъ вообще въ виду проявленную дворянствомъ несостоятельность, т. е. его оскудѣніе, его банкротство по всей линіи? Онъ и на этотъ вопросъ не могъ мнѣ отвѣтить вразумительно, и тотчасъ же обратился къ разнымъ примѣрамъ, которые онъ разсказываль съ большимъ мастерствомъ. Видя, что путемъ разспросовъ я ничего себя не уясню, я попросилъ его прочесть мнѣ то,

что онъ написалъ. Онъ охотно согласился, и я, прослушавъ нѣсколько страницъ, понялъ, въ чемъ дѣло: онъ предлагалъ читателю не экономическое или публистическое разсужденіе, и даже не беллетристику, а просто изложеніе своихъ и чужихъ наблюденій и воспоминаній въ полу-беллетристической формѣ. Такъ какъ этихъ наблюденій и воспоминаній было много, по большей части они были мѣтки и соотвѣтствовали сознанной обществомъ мысли о несостоятельности нашего дворянства въ настоящемъ сравнительно съ крупными его заслугами въ прошломъ, я прослушалъ чтеніе съ большимъ интересомъ и высказалъ Терпигореву увѣренность, что его очерки будутъ съ удовольствіемъ приняты Салтыковымъ, тѣмъ болѣе, что Салтыковъ пишетъ самъ въ томъ же родѣ.

Такъ оно и случилось, и я былъ несказанно радъ, когда Терпигоревъ вскорѣ предсталъ передо мною экипированный съ ногъ до головы во все новое, довольный, веселый, увѣренный въ себѣ, какимъ я его знавалъ затѣмъ вплоть до самой его смерти въ 1895 г.

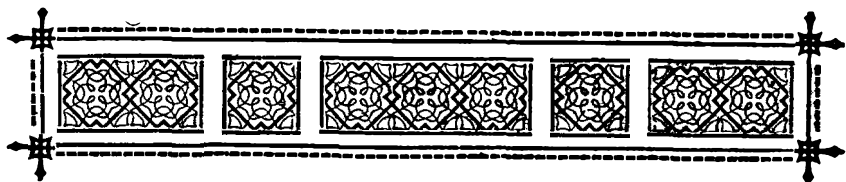
Прибавлю еще, что Терпигоревъ былъ въ политическомъ отношеніи человѣкъ безразличный. Вотъ почему онъ самъ не могъ себѣ уяснить основной идеи своихъ писаній. Когда я потомъ читалъ и перечитывалъ его вещи, я на немъ, какъ и на другихъ писателяхъ, убѣждался, что въ одномъ и томъ же человѣкѣ можетъ соединяться очень слабая способность къ обобщеніямъ съ поразительною памятью на впечатлѣнія и рѣдкою наблюдательностью. Онъ творилъ только потому, что въ немъ была сильно выраженная потребность дѣлиться съ другими своими впечатлѣніями, а впечатлѣнія эти были интересны, потому что въ основѣ ихъ лежала рѣдкая наблюдательность. Читая Терпигорева, знакомясь съ тѣмъ, какъ онъ развѣнчивалъ и, такъ сказать, уничтожалъ наше дворянство, можно было подумать, что онъ большой раликалъ и вполне примыкаетъ къ „освободительнымъ“ нашимъ увлеченіямъ. На самомъ дѣлѣ онъ въ то время, какъ писалъ свое „Разореніе“, рисовалъ, чтобы подразнить радикально-настроенную сотрудицу газеты, въ которой онъ работалъ (это было время часто повторявшихся политическихъ преступленій и политическихъ казней) „давленной“, какъ онъ ихъ называлъ. Онъ рисовалъ недурно, и тѣмъ болѣе отвратительное впечатлѣніе производили его рисунки. Надо было очень недвусмысленно выразить неудовольствіе по поводу его странной юмористики, чтобы онъ отъ нея воздержался. Въ виду этого политическаго индифферентизма, его, правда, кратковременное сотрудничество въ газетѣ Стасюлевича „Порядокъ“, куда онъ попалъ, благодаря горячей рекомендаціи Салтыкова, было явнымъ недоразумѣніемъ. Терпигоревъ не могъ ничего дать газетѣ, въ ко-

торой „освободительное“ движеніе было альфой и омегой, и которая оцѣнявала и художественныя произведенія почти исключительно съ точки зрѣнія политической. Для Терпигорева живая наблюдательность была нервомъ его писаній. Подчиниться требованіямъ политической тенденціи значило для него обезцвѣтить себя и не проявить того, что въ немъ было самага цѣннаго. Поэтому онъ былъ вялъ и неинтересенъ въ „Порядкѣ“ и ожилъ въ „Новомъ Времени“, гдѣ его никто не стѣснялъ, и гдѣ онъ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ каждой своей строки.

Р. Сементковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Встрѣчи и столкновенія¹⁾.

(И. И. Тютчекъ, И. А. Гончаровъ).

И. И. Тютчекъ.

Хотя я всегда въ своей литературной дѣятельности придерживался либеральныхъ началъ, свободу люблю и въ нее вѣрю, однако наши лѣвые, помню, уже на университетской скамьѣ внушали мнѣ инстинктивное нерасположеніе, и виновникомъ этого моего грѣха несомнѣнно отчасти былъ мой незабвенный опекунъ и воспитатель, генераль-отъ-инфантеріи Иванъ Ивановичъ Тютчекъ.

Въ университетѣ товарищи мнѣ постоянно толковали о косности, отсталости, невѣжествѣ правительственныхъ дѣятелей, генераловъ и бюрократовъ всякаго рода, а я вспоминалъ опекуна и лицъ, его окружавшихъ... и невольно на языкъ напрашивалось гораціевское: „Risum tenecatis, amici!“

Мой опекунъ прослужилъ около 60 лѣтъ, изъ нихъ 32 года на поляхъ сраженія въ Россіи, Германіи, Персіи, Турціи, Польшѣ, а остальные 26 лѣтъ варшавскимъ комендантомъ. Вышелъ онъ въ отставку въ 1861 г., слѣдовательно, былъ дѣятелемъ эпохи Александра I, участникомъ Отечественной войны и кампаній 1813 и 1814 г.г. (последнюю онъ совершилъ уже въ капитанскомъ чинѣ). Но болѣе отвѣтственные должности онъ, какъ боевой офицеръ и администраторъ, занималъ при Императорѣ Николаѣ I, и поэтому его слѣдуетъ назвать дѣятелемъ по преимуществу николаевскимъ. И вотъ, когда мои товарищи называли этихъ дѣятелей фрунтови-

¹⁾ См. „Русская Старина“ октябрь 1912 г.

ками, людьми безъ всякой инициативы, слѣпыми исполнителями предначертаній своекорыстнаго и бездушнаго правительства, я и въ этомъ отношеніи, вспоминая моего опекуна, съ моими товарищами никакъ согласиться не могъ.

Но, можетъ быть, я былъ пристрастенъ. Этимъ вопросомъ я уже тогда задавался. Но передъ моимъ умственнымъ окомъ стояли друзья моего опекуна, также дѣятели преимущественно эпохи николаевской, и судъ моихъ товарищей казался мнѣ уже лишеннымъ всякаго фактическаго основанія.

Дѣйствительно, между этими дѣятелями на первомъ мѣстѣ стоялъ Фундуклей, Иванъ Ивановичъ, тѣзка моего опекуна, человѣкъ, обладавшій большимъ состояніемъ и пожертвовавшій часть его, чтобы основать въ Кіевѣ первую въ Россіи женскую гимназію, задолго до того, какъ возникли въ Петербургѣ женскія гимназіи по инициативѣ Н. А. Вышнеградскаго. Фундуклей былъ администраторъ, какихъ вообще мало. Всюду онъ вносилъ свѣтъ науки, всюду достигалъ замѣтныхъ результатовъ въ смыслѣ обезпеченія духовнаго благосостоянія управляемыхъ. Самъ страстный археологъ и экономистъ, онъ, кромѣ того, оставилъ послѣ себя рядъ капитальныхъ трудовъ по изученію мѣстностей, которыми онъ управлялъ и въ которыхъ служилъ (Кіевская губернія и Царство Польское)¹⁾. А другіе друзья моего опекуна, въ обществѣ которыхъ онъ любилъ проводить свои досуги? Надо ли указывать на заслуги Теннера, Карла Ивановича, бывшаго боевого офицера, стяжавшаго себѣ лавры и какъ астрономъ, и какъ геодезистъ; на Павлищева, Николая Ивановича, извѣстнаго историка, преподавателя и редактора, женатаго на сестрѣ Пушкина, домъ которой былъ центромъ своеобразной умственной жизни въ Варшавѣ; на Муханова, Павла Александровича, промѣнявшаго мечъ на книгу, извѣстнаго автора „Портфелей для хозяевъ“ и не менѣе извѣстнаго издателя историческихъ матеріаловъ, которые онъ собиралъ съ большою любовью и не меньшею компетентностью (за его сына вышла замужъ М. Ф. Калерджи, о которой я уже писалъ въ „Русской Старинѣ“). Но не буду удлинять этотъ списокъ николаевскихъ администраторовъ, управлявшихъ такъ называемымъ Царствомъ Польскимъ, среди которыхъ я росъ въ дѣтствѣ и юности. Какъ ни относиться къ нимъ, все-таки никому не можетъ придти на умъ, что они похожи на невѣжественныя и слѣпыя орудія въ рукахъ жестокаго правительства.

¹⁾ Нѣкоторыя черты наружности и духовнаго облика этого замѣчательнаго человѣка я старался олицетворить въ старикъ Ромейкѣ въ моей повѣсти „Депутатъ“ („Павла“).

Но возвратимся къ моему опекуну. И его личность въ моемъ представленіи совсѣмъ не мирилась съ отрицательнымъ судомъ моихъ товарищей о правительственныхъ дѣятеляхъ. Напротивъ, я въ дѣтствѣ и юности восторгался его справедливостью, гуманностью, честностью, сочувствовалъ его взглядамъ и продолжаю имъ сочувствовать и теперь, сорокъ лѣтъ слишкомъ послѣ его смерти. Вотъ нѣкоторые факты, которые лучше всякихъ словъ дадутъ представленіе объ его умственномъ и нравственномъ обликѣ.

Мы живемъ на дачѣ. Мнѣ идетъ восьмой годъ. Въ погожій день за утреннимъ чаемъ опекунъ мой велитъ позвать Микиту, одного изъ двухъ вѣстовыхъ, неотлучно состоящихъ при его особѣ.

Микита, рослый казакъ, вытянувшись въ струнку, стоитъ въ дверяхъ.

— Что, барчукъ плаваетъ?

— Знать не могу, ваше превосходительство.

— Чтобы плавалъ! Пора!

— Слушаю, ваше превосходительство.

Знакъ опекуна. Микита дѣлаетъ налѣво кругомъ и уходитъ, а мнѣ страшно, но въ то же время мнѣ хочется умѣть плавать, конечно не такъ, какъ плаваетъ Микита—куда ужъ! онъ нырнетъ и выплыветъ за версту—а все-таки немножко, чтобы держаться на водѣ. Какое ужъ въ самомъ дѣлѣ удовольствіе купаться на отмели да еще съ лентой вокругъ тѣла! Конецъ этой ленты въ рукѣ у моей гувернантки, фрейлейнъ Клары, которая сидитъ на берегу, читаетъ книгу и, чуть пойдешь дальше въ воду, тотчасъ тянетъ назадъ.

Я торжественно докладываю фрейлейнъ Кларѣ, что сегодня пойду купаться не съ нею, а съ Микитой, и очень радуюсь, когда вижу, что она удивлена и какъ будто испугана. Я чувствую себя немножко героемъ.

Вскорѣ является Микита. До берега далеко: надо идти съ полверсты. Я не трушу. Иногда только сердце слегка замретъ. Но куда же мы собственно идемъ? Не туда, куда я хожу съ фрейлейнъ, а туда, гдѣ купается самъ Микита.

— Микита, ты меня будешь держать?

— Зачѣмъ держать? Барчукъ самъ поплыветъ.

Тутъ я начинаю серьезно трусить. Но я не подаю виду. Пришли къ глубокому мѣсту. Берегъ высокій. Микита быстро сбрасываетъ съ себя одежду. Я медлю. Хочется оттянуть рѣшительный моментъ. Наконецъ, и я раздѣтъ.

— Ты сперва пойдешь въ воду?—спрашиваю я Микиту.

Но онъ меня беретъ, широко осклабясь, въ свои сильныя, лов-

кія руки. Я хочу что-то сказать, но не успѣваю и—бултыхъ—ногами внизъ въ воду! Глубоко погружаюсь въ нее, начинаю неистово барахтаться, выплываю на поверхность, беспомощно озираюсь кругомъ и вижу тутъ же рядомъ съ собою доброе, улыбающееся лицо Микиты. Я успокаиваюсь: онъ не выдастъ, ни за что не выдастъ!

Когда опекунъ выходитъ къ обѣду, онъ зоветъ опять Микиту:

— Умѣешь плавать?—спрашиваетъ онъ, указывая на меня.

— Держится, ваше превосходительство.

— Послѣ завтра я самъ посмотрю.

Послѣ завтра я удостоиваюсь похвалы за успѣхи: я уже плаваю на груди, на боку, на спинѣ.

Съ этого дня я во всякую погоду долженъ былъ утромъ купаться.

Въ это же лѣто началось для насъ съ сестрой закаливаніе иного рода. Хотя о пресловутомъ насторѣ Кнейпъ не было тогда и рѣчи (его книжки начали выходить лишь 30 лѣтъ спустя), мы ежедневно, вставъ съ постели, должны были пробѣжаться босикомъ по двору, не обращая вниманія на погоду. Привыкнувъ къ этому съ лѣта, мы осенью и даже зимою нисколько ни тяготились этими странными утренними прогулками или, точнѣе говоря, быстрымъ бѣгомъ, послѣ котораго ноги обыкновенно такъ пріятно горѣли. Вѣроятно, послѣдствіемъ этого закаливанія было то, что я только на четвертомъ десяткѣ сталъ носить калоши, а до того обходился безъ нихъ даже въ трескучіе морозы.

По понятіямъ нынѣшнихъ сердобольныхъ родителей все это какъ будто походитъ на истязаніе ребенка. Но окончательно я ихъ приведу вѣроятно въ ужасъ, сообщивъ, что меня даже разъ высѣкли и, такъ какъ я очень отчетливо помню все, что я перечувствовалъ въ эту непріятную минуту моей жизни, то изложу здѣсь это происшествіе къ свѣдѣнію нашихъ теоретиковъ-педагоговъ.

Врачъ предписалъ мнѣ рыбій жиръ, который въ то далекое время (1854 г.) не очищался такъ искусно, какъ теперь, и имѣлъ противнѣйшій вкусъ. Въ первый разъ я проглотилъ ложку, не моргнувъ глазомъ, но на слѣдующій день рѣшительно отказался принять рыбій жиръ. Фрейлейнъ Клара меня всячески уговаривала, но я оставался непреклоннымъ. Пришлось прибѣгнуть къ авторитету опекуна. Онъ явился и со своей стороны предложилъ мнѣ принять жиръ. Я отказался не менѣе рѣшительно, и всѣ убѣжденія, что это необходимо для здоровья, ни къ чему не привели. Тогда мнѣ предложено было выбрать между двумя непріятностями: розгами и рыбьимъ жиромъ. Я имѣлъ слабое представленіе о томъ, какую непріятность

причиняють человѣку розги (у насъ въ домѣ и помину о нихъ не было), а о вкусѣ рыбьяго жира я имѣлъ очень ясное представленіе. Поэтому я промолчалъ. Тогда опекунъ позвалъ лакея и велѣлъ нарѣзать въ саду прутьевъ (при варшавскомъ ордонансгаузѣ, какъ тогда назывались комендантскія управленія, былъ со стороны Королевской улицы порядочный садикъ, въ которомъ мы, дѣти, провели много хорошихъ дней). Когда прутья были принесены, опекунъ еще разъ предложилъ мнѣ выбрать изъ двухъ золъ меньшее. Я снова промолчалъ. Тогда я оказался на колѣнѣхъ у опекуна. Онъ мнѣ нанесъ первый ударъ, который мнѣ не причинилъ ровно никакой непріятности, и я на новое предложеніе выбрать изъ двухъ золъ меньшее, отвѣтилъ совершенно спокойно, что предпочитаю розги. Послѣдовалъ новый ударъ, на этотъ разъ болѣе чувствительный, но и онъ не убѣдилъ меня, что розги непріятнѣе рыбьяго жира. Тогда послѣдовалъ третій ударъ, послѣ котораго я безъ всякихъ колебаній рѣшительно заявилъ, что предпочитаю рыбій жиръ, и съ тѣхъ поръ глоталъ его аккуратно ежедневно безъ всякаго протеста, а потомъ даже и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ.

Ну, а чувство собственнаго достоинства? Странно: оно у меня не пострадало,—должно быть, оно находится у меня въ другой, болѣе благородной части тѣла, но что оно у меня не было атрофировано, показываетъ слѣдующій фактъ.

Къ намъ въ домъ пріѣхалъ изъ Петербурга погостить родственникъ съ сыномъ—мальчикомъ постарше меня года на три или четыре, который уже гдѣ-то научился курить. Я съ любопытствомъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ онъ курить. Онъ началъ меня соблазнять, но табачный дымъ былъ мнѣ противенъ. Тогда онъ сталъ стыдить меня: „Какая баба! Даже затынуться не можетъ!“ Я затынулся—послѣдствія были ужасны, но тѣмъ не менѣе самолюбіе мое такъ страдало, мнѣ такъ хотѣлось не быть „бабой“, что я постепенно пріучилъ себя дѣлать видъ, будто бы курю. Папиросъ тогда въ Варшавѣ не было, курили сигары и трубки. Я обзавелся трубочкой, и мнѣ доставляло особенное удовольствіе подражать опекуну, который всегда на ночь, уже въ постели, выкуривалъ трубку изъ длиннаго чубука. Длиннаго чубука у меня не было, но я свою трубочку непременно на сонъ грядущій посасывалъ, кладя ее потомъ подъ подушку. Случилось однако такъ, что я, не успѣвъ ее припрятать, заснулъ.

Утромъ просыпаюсь,—трубки нѣтъ. Куда она дѣвалась? Я подумалъ, что взялъ ее опекунъ, тѣмъ болѣе, что ни фрейлейнъ Клара, ни сестра мнѣ о трубкѣ ничего не сказали. Натерпѣлся же я страха. Что-то будетъ, что-то будетъ! А предстояло тотчасъ же идти къ

опекуну, чтобы, какъ было заведено, съ нимъ поздороваться. Пріоткрываю дверь и вижу на самомъ верху этажерки-подставки для длинныхъ трубокъ красуется моя трубочка—такъ и бросается, подлая, въ глаза. Я готовъ сквозь землю провалиться, во рту сухо, ноги подкашиваются, но иду здороваться. Приближаюсь, а старикъ, по обыкновенію, протягиваетъ мнѣ руку для поцѣлуя, потомъ подставляетъ щеку, но предварительно смотритъ на меня, и взглядъ его такой укоризненно-печальный, что у меня слезы вдругъ брызнули изъ глазъ. Онъ спокойно сказалъ:

— Ну, что же, идешь чай пить?

Затѣмъ отвернулся и углубился въ свои бумаги. Я вышелъ изъ комнаты, выпилъ свой стаканъ, взялъ положенные уроки у фрейленъ и у домашняго учителя, но былъ разсѣянъ: все мерещился печальный взглядъ опекуна. Этотъ взглядъ остался у меня въ памяти на всю жизнь, и отъ многого дурного онъ меня потомъ удерживалъ. Должно быть, въ человѣкѣ есть болѣе чувствительное мѣсто, чѣмъ то, по которому я получилъ удары за упорный отказъ пить рыбій жиръ.

Впослѣдствіи я часто по поводу разныхъ педагогическихъ вопросовъ спрашивалъ себя, почему вліяніе моего опекуна на меня было такъ сильно. За исключеніемъ тѣхъ розогъ, которыя я получилъ за отказъ принимать рыбій жиръ, онъ меня никогда въ жизни не наказывалъ, да и эти розги въ сущности не были наказаніемъ, а средствомъ убѣдить меня, что есть сила болѣе значительная, чѣмъ мое упрямство. Чтобы между моимъ опекуномъ и мною существовали особенно нѣжныя отношенія, я тоже не могу сказать: они съ виду скорѣе были сухи, хотя я чувствовалъ, что онъ меня глубоко любитъ и что, если онъ со мною обращается сравнительно холодно, то только потому, что опасается быть несправедливымъ по отношенію къ сестрѣ, которую онъ больше ласкалъ именно потому, что меньше любилъ. Но не эта взаимная любовь заставляла меня его безгранично уважать и безусловно довѣрять нравственному его существованию, даже когда я признавалъ его сужденія невѣрными. То, что составляло истинный нервъ моего къ нему уваженія, коренилось въ чемъ-то другомъ: сколько я теперь ни припоминаю, я не могу вспомнить ни малѣйшаго его уклоненія отъ того, что онъ признавалъ своимъ долгомъ.

Работникъ онъ былъ изумительный. До отставки я его отдыхающимъ не запомню. Чай онъ пилъ, завтракалъ, обѣдалъ на ходу. Бумаги, пріемы, разѣзды наполняли весь его день, и только вечеромъ онъ иногда урветъ часъ-другой для чтенія въ вольтеровскомъ креслѣ любимыхъ книгъ, преимущественно историческихъ или политическихъ, или газетъ и журналовъ, которыхъ онъ получалъ много

(въ томъ числѣ и „Колоколь“). Особенно кипуча была его дѣятельность, когда онъ замѣшалъ варшавскаго генераль-губернатора, а это случалось нерѣдко: тогда у него не было ни минуты свободной. Но и въ обыкновенное время онъ вѣчно горѣлъ, какъ въ огнѣ, и даже ночью часто не имѣлъ покоя, потому что въ его служебныя обязанности входило быть на всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ пожарахъ, и когда они случались ночью, онъ срывался съ постели и стремглавъ, въ сопровожденіи своихъ двухъ казаковъ, летѣлъ на мѣсто пожара. Разъ случилось, что, когда онъ ночью садился на свою неизмѣнную пролетку, чтобы мчаться на пожаръ, кучеръ его предупредилъ, что экипажъ какъ будто не совсѣмъ въ порядкѣ послѣ вчерашней усиленной ѣзды.

— Пошелъ!—скомандовалъ старикъ (ему было тогда 72 года).— Чинить будемъ, что-ли?

Не успѣлъ онъ однако доскакать до Новаго Свѣта, какъ вслѣдствіе порчи экипажа на всемъ скаку грохнулся о мостовую, въ безсознательномъ состояніи былъ принесенъ домой, пролежалъ шесть недѣль въ постели, но еще не оправился окончательно, какъ снова стремглавъ летѣлъ, куда его призывалъ долгъ службы.

Когда я впослѣдствіи присматривался къ разнымъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелямъ, иногда съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ я въ дѣтствѣ и юности присматривался къ моему опекуну и его друзьямъ: Фундуклею, Павлицеву, Муханову, гр. Нессельроде, Дьякову, Теннеру и др., мнѣ все казалось, что постепенно происходитъ какая-то перемѣна, что прежніе дѣятели были другіе люди, что въ нихъ была сила духа, какую я чѣмъ позже, тѣмъ рѣже встрѣчалъ. Невольно напрашивался на умъ лермонтовскій стихъ:

Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы.

Чѣмъ же позднѣйшее „племя“ отличалось отъ прежняго? Одинъ эпитетъ „богатыри“ вѣдь еще немного выясняетъ. Мои наблюденія привели меня къ выводу, что постепенно центръ тяжести духовнаго существа человѣка все болѣе перемѣщался изъ общественной и государственной жизни въ жизнь личную. Вѣковѣчный вопросъ о томъ, существуетъ ли общество и государство для индивида или наоборотъ индивидъ—для общества и государства, рѣшался у прежняго „племени“ въ пользу общества и государства, а у позднѣйшаго все больше въ пользу индивида. Прежнее „племя“ примыкало всей душой къ крупному, великому, каковымъ были для него обществен-

ныя и государственныя задачи, выработанныя вѣками и цѣлымъ рядомъ поколѣній. Въ этихъ историческихъ задачахъ оно находило центръ тяжести своего духовнаго существа. Ему не приходилось вѣчно спрашивать себя о цѣли своего существованія. Оно твердо знало, куда и зачѣмъ идетъ. Поэтому отличительными его чертами были: спокойствіе, уравновѣшенность, увѣренность въ себѣ, иногда величавость, но чѣмъ дальше отъ прежняго „племени“, тѣмъ сильнѣе чувствовалась напряженность, лихорадочность, внутренняя тревога, показная самоувѣренность. У прежняго „племени“ чело-вѣкъ ступевывался, выдвигалось дѣло. У позднѣйшихъ поколѣній индивидъ все больше выдвигался на первый планъ, а дѣло все больше отодвигалось на второй: чело-вѣкъ переставалъ себя чувствовать частью цѣлаго, онъ уходилъ все болѣе въ себя, въ свое личное счастье, а такъ какъ личное счастье—почва очень зыбкая, то вся жизнь его становилась неустойчивой, противорѣчивой. Онъ часто самъ не зналъ, къ чему стремится, мѣнялъ жизненныя цѣли и вѣчно чувствовалъ неудовлетворенность. Чѣмъ сильнѣе онъ стремился къ личному счастью, тѣмъ меньше его находилъ. Вся его жизнь превращалась въ вѣчную тревогу за себя, за свое здоровье, за свое благополучіе, за своихъ дѣтей, ибо все это пріобрѣтало для него какое-то чрезвычайное значеніе. Собственная личность, иногда мизерная, заслоняла все остальное. Но не ясно ли, что даже значеніе видныхъ дѣятелей—въ сущности не Богъ вѣсть какое, и что въ жизни достигаются крупныя успѣхи только соединенными усиліями многихъ людей, сплоченныхъ и дружныхъ?

У прежнихъ дѣятелей собственная личность играла второстепенную роль, теперь же индивидуализмъ все заѣдаетъ.

Поясню мою мысль примѣромъ. Мой опекунъ меня горячо любилъ. Это краснорѣчиво подтверждается кипомъ его писемъ ко мнѣ, которыя я свято храню. Въ особенности подъ конецъ жизни онъ, такъ-сказать, дышалъ только мною, и всѣ его помыслы были обращены на меня. Казалось бы, при такихъ условіяхъ было вполне естественно ожидать, что онъ мнѣ оставитъ свое состояніе. Всѣ такъ и думали, а друзья настойчиво совѣтовали ему усыновить меня, чтобы я могъ наслѣдовать маіоратъ, уже въ то время дававшій до 3.000 ежегоднаго дохода и переходившій, въ противномъ случаѣ, въ виду бездѣтности моего опекуна, къ потомству старшей его сестры, единственный солидный представитель котораго, офицеръ Кексгольмскаго императора австрійскаго полка, умеръ въ 1863 г. Друзья, повторяю, настойчиво ему совѣтовали меня усыновить, къ этому побуждала его и нѣжная любовь ко мнѣ, но онъ рѣшилъ иначе, и хотя мнѣ всю жизнь пришлось бороться съ мате-

ріальной нуждой, и иногда скудный хлѣбъ русскаго писателя мнѣ доставался съ напряженіемъ всѣхъ силъ и съ большими лишеніями, я, какъ тогда, такъ и теперь, вполне понимаю и одобряю его рѣшеніе.

Въ немъ боролись два чувства: любовь ко мнѣ побуждала его внять голосу друзей и собственнаго сердца, но его потребность и привычка служить вѣрой и правдой обществу и государству рѣшительно удерживала его отъ шага, который могъ быть истолкованъ въ смыслѣ предпочтенія, оказаннаго личнымъ стремленіямъ предъ общественнымъ долгомъ. Какое дѣло было другимъ, что онъ вздумалъ взять воспитанника и привязаться къ нему? Это—его капризъ, его фантазія. Могъ ли онъ, ради удовлетворенія этой фантазіи, забыть о своемъ долгѣ передъ родомъ (родовое начало было еще очень сильно въ немъ) и государствомъ? Всю свою жизнь онъ заботился о своемъ родѣ, который оказывалъ ему уваженіе и послушаніе, какъ старшему своему члену; всю свою жизнь онъ служилъ вѣрой и правдой государству, и вдругъ завершить ее обходомъ закона, воспользоваться своими связями, своимъ вліяніемъ на Государя, чтобы нарушить то, что обязательно для другихъ. Это казалось ему своего рода измѣною. И онъ съ тяжелымъ сердцемъ (я это знаю) принесъ личное чувство въ жертву общественному долгу. Честь и слава ему за это!

И. А. Гончаровъ.

У моего опекуна были три сестры: Екатерина, Елизавета и Марія, изъ нихъ вторая, по мужу Жуковская, была матерью известнаго въ свое время поэта, Александра Кирилловича Жуковского, писавшаго подъ псевдонимомъ Бернетъ (о поэзіи его Бѣлинскій выразился, что она „благоухаетъ ароматнымъ цвѣтомъ прекрасной внутренней жизни“), а первая была бабкой Ивана Ивановича Лиховскаго, въ качествѣ переводчика совершившаго вмѣстѣ съ Гончаровымъ кругосвѣтное плаваніе на фрегатѣ „Паллада“ и напечатывшаго свои путевыя впечатлѣнія въ томъ же „Морскомъ Сборникѣ“ (1861 и 1862 г.г.)¹⁾.

¹⁾ На внучкѣ той же Екатерины Ивановны былъ женатъ Иванъ Петровичъ Ларіоновъ, собиратель народныхъ пѣсенъ въ Поволжьи и авторъ оперы: „Барышня-крестьянка“. Въ той или другой степени родства или свойства съ Тутчеками находились: Еремины, Жуковскіе, Дамперовы, Подбароновы, жившіе всѣ въ приволжскихъ губерніяхъ, хотя семья Тутчековъ, чешско-нѣмецкаго происхожденія, жила въ Ямбургскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи.

Вотъ въ домѣ этого Ивана Ивановича Лъховскаго и его матери, вдовѣвшей уже тогда, я и встрѣчалъ Гончарова. Они занимали казенную квартиру (Лъховскій управлялъ тогда типографіей морского вѣдомства) въ зданіи Адмиралтейства. Входъ въ квартиру Лъховскихъ былъ со стороны Зимняго дворца. Надо было открыть двѣ тяжелыя двери, выйти на затѣненную двумя стѣнами набережную засыпанной теперь уже канавки (нынѣшній Черноморскій переулочекъ), перейти мостикъ и открыть третью дверь, которая вела въ квартиру Лъховскихъ. Здѣсь почти всегда царилъ таинственный полу-мракъ, въ самой квартирѣ было много причудливыхъ вещей, вывезенныхъ Лъховскимъ съ Дальняго Востока; самъ хозяинъ, черный, высокій, худой, ходилъ дома въ какомъ-то длиннополномъ одѣяніи, не то халатѣ, не то кимоно, и все это, понятно, сильно дѣйствовало на воображеніе 16-лѣтняго гимназиста, какимъ я былъ тогда. Лъховскій рѣдко удостоивалъ меня сколько-нибудь продолжительной бесѣды, но я не былъ въ претензіи, потому, во-первыхъ, что онъ мнѣ казался ужъ черезчуръ серьезнымъ, а во-вторыхъ, еще и потому, что за его пренебреженіе съ лихою меня вознаграждала его мать, Елизавета Тимоѣевна. Она меня почему-то сразу полюбила и не только охотно бесѣдовала со мною, но и угощала меня на славу. Мнѣ старуха также очень полюбилась, и я охотно бывалъ у нея по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ (съ нея я списалъ мать героя моей повѣсти: „Леонтина“).

Кромѣ меня по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ Лъховскимъ иногда заходилъ и Гончаровъ. Онъ былъ тогда членомъ главнаго управленія по дѣламъ печати и редакторомъ „Сѣверной Почты“, — мужчина лѣтъ 50, небольшого роста, съ пробритымъ подбородкомъ, съ начинавшими уже сѣдѣть густыми усами, бакенбардами и волосами, тщательно приглаженными. Костюмъ сидѣлъ на немъ мѣшковато, но все было опрятно, только помню (я самъ любилъ тогда пощеголять), что половинки воротника рубашки были постоянно у него плохо пригнаны и какъ-то беспорядочно расходились. Я успѣлъ уже прочесть „Обломова“ очень внимательно, безъ ума влюбился въ Ольгу, и меня занималъ вопросъ, который такъ сильно занималъ впослѣдствіи критиковъ, — не изобразилъ ли Гончаровъ въ лицѣ Обломова самого себя. Поэтому я съ большимъ любопытствомъ его разглядывалъ, даже изучалъ. И я сразу пришелъ къ отрицательному отвѣту. Конечно, герой Ольги не могъ быть такимъ молодымъ, какъ я, — въ такого Ольга не могла влюбиться, но и къ такому старику, какъ Гончаровъ, она не могла, конечно, вспылать страстью, и, стараясь отдать себѣ въ этомъ отчетъ, я внимательнѣйшимъ образомъ присматривался и къ его костюму, и

къ его манерамъ, и къ его лицу. И тутъ-то меня кое-что смущало. Я невольно любовался его тонкимъ, правильнымъ, благороднымъ носомъ, а главное, его глазами, умными, вдумчивыми и въ то же время такими печальными, что самому вдругъ грустно станеть. Въ эти глаза Ольга безъ сомнѣнія могла влюбиться и, пожалуй,—помню, меня эта мысль самого тогда сильно поразила—забыть объ остальномъ. Мнѣ такъ и хотѣлось подойти къ Гончарову и сказать ему что-нибудь теплое, доброе, хорошее, чтобы онъ не былъ такимъ грустнымъ и чтобы онъ не дошелъ до того, до чего дошелъ Обломовъ... Да, я Ольгу понималъ!

Гончарову, надо было, чтобы пройти въ кабинетъ къ Льховскому, миновать небольшую гостиную, въ которой я обыкновенно засѣдалъ съ Елизаветой Тимофеевной. Онъ считалъ долгомъ вѣжливости обмѣняться съ нею нѣсколькими словами, при чемъ на ея приглашеніе сѣсть неизмѣнно отвѣчалъ вопросомъ:

— А Иванъ Ивановичъ дома?

Тотъ всегда оказывался дома, и Гончаровъ, отвѣсивъ почтительный поклонъ Елизаветѣ Тимофеевнѣ и дружелюбно кивнувъ мнѣ, направлялся въ кабинетъ къ Ивану Ивановичу.

Что тамъ происходило, или, точнѣе говоря, о чемъ тамъ бесѣдовали бывшіе товарищи по кругосвѣтному плаванію, я не знаю, но помню, когда дверь отворялась, чтобы пропустить горничную приносившую Гончарову стаканъ сельтерской воды съ вареньемъ, тщательно приготовленный самою старушкой, до меня доносились разныя дальневосточныя названія, свидѣтельствовавшія о томъ, что собесѣдники все еще предаются воспоминаніямъ о своемъ путешествіи, о которомъ вообще часто говорилось въ домѣ Льховскихъ, доносился и ароматный дымъ манильскихъ сигаръ, и я видѣлъ, какъ Гончаровъ неизмѣнно полулежалъ на широкомъ мягкомъ диванѣ, окружавшемъ кабинетъ, а высокая фигура самого Льховскаго видѣлась у письменнаго стола, легко наклоненная къ полулежавшему писателю. Затѣмъ дверь захлопывалась, и все исчезало. Гончаровъ обыкновенно уходилъ до обѣда или же я уходилъ раньше, такъ что я видѣлъ его только въ то время, когда онъ проходилъ черезъ гостиную, направляясь въ кабинетъ Льховскаго. Краткія бесѣды, которыя онъ велъ съ Льховской, проходя черезъ гостиную, были такъ незначительны, что ни одна не осталась у меня въ памяти, равнымъ образомъ и вопросы, съ которыми онъ иногда обращался ко мнѣ, ничѣмъ не отличались отъ вопросовъ, съ какими старшіе обращаются къ подросткамъ-мальчикамъ, такъ что и ихъ я не запомнилъ, но одинъ разговоръ Гончарова такъ врѣзался мнѣ въ память, что, вспоминая о немъ, я какъ теперь вижу и комнату,

въ которой онъ происходилъ, и Елизавету Тимофеевну, и самого Гончарова.

Я забылъ упомянуть, что Гончаровъ приводилъ къ Льховскимъ неизмѣнно свою собачку. Это былъ не то мохнатый пинчеръ, не то шпицъ (я плохо тогда различалъ породы собакъ), во всякомъ случаѣ собака небольшая, мохнатая, чистенькая, съ умными глазами. Она ни на шагъ не отходила отъ своего хозяина, стояла около него, когда онъ стоялъ, ложилась, когда онъ садился, свертывалась калачикомъ, когда онъ велъ продолжительную бесѣду: въ кабинетѣ у Льховскаго, когда дверь открывалась, я видѣлъ ее всегда мирно спавшую у ногъ своего хозяина, въ гостиной она всегда была на чеку, хотя признаковъ какого-нибудь беспокойства никогда не проявляла.

Когда Гончаровъ въ это воскресенье вошелъ въ гостиную, Елизавета Тимофеевна, лукаво взглянувъ на него исподлобья, спросила:

— Ой, не пора ли? Вѣдь и опоздать можно.

Разговоръ, очевидно, касался темы, уже раньше между ними затронутой.

Улыбка, игравшая на подбородкѣ Гончарова, исчезла, красивые его глаза стали печальными.

— Давно опоздалъ, Елизавета Тимофеевна,—отвѣтилъ онъ.

— Мнѣ, какъ женщинѣ, виднѣе,—возразила Льховская:—но терять времени не слѣдуетъ.

По лицу Гончарова пробѣжала такая густая тѣнь, что Елизавета Тимофеевна была озадачена — я это ясно видѣлъ — а мнѣ стало какъ-то жутко. Тѣнь быстро смѣнилась печальною улыбкою, и Гончаровъ сказалъ, указывая на свою собачку:

— Вотъ вѣрный другъ! Онъ не измѣнитъ... не обидитъ.

И, словно устыдясь чего-то, онъ быстрѣе обыкновеннаго поклонился Елизаветѣ Тимофеевнѣ и исчезъ вмѣстѣ съ своей собачкой за дверь кабинета.

Елизавета Тимофеевна послѣ его ухода сидѣла въ задумчивости, а я не смѣлъ прерывать молчанія.

Эта сценка навсегда запечатлѣлась въ моей памяти, но особенно отчетливо я ее вспомнилъ лѣтъ семь спустя, когда, кончая курсъ въ университетѣ, дочитывалъ „Обрывъ“.

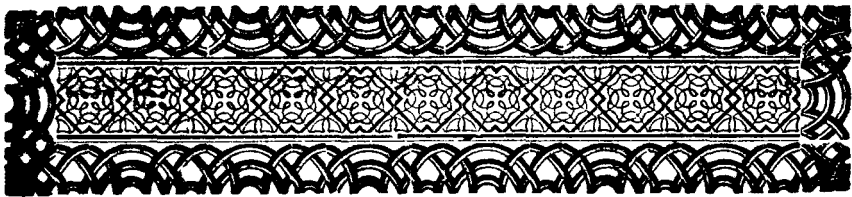
Я вспомнилъ тутъ сразу и Наденьку изъ „Обыкновенной исторіи“, исключительно озабоченную тѣмъ, чтобы поддѣлать выгоднаго жениха, и безответную, хотя столь симпатичную Лизвету Александровну изъ того же романа, и Ольгу изъ „Обломова“, умную, увлекательную Ольгу, но озабоченную единственно личнымъ своимъ

счастьемъ, и, наконецъ, вотъ эту Вѣру, съ трагедіей жизни которой я только-что познакомился, то восторгаясь, то волнуясь до внутренней дрожи, то негодуя,—ту трагедію жизни, которая вызывается борьбою между жаждою личнаго счастья и сознаніемъ общественнаго долга. Могли ли пустыя Наденьки, безотвѣтныя Лизаветы Александровны, жаждавшія только личнаго счастья Ольги, еще не пришедшія къ сознанію своего общественнаго долга Вѣры быть избранницами, подругами жизни того, кто такъ ясно, какъ Гончаровъ, созналъ свой долгъ передъ страной? Каждая строчка его произведеній служила мнѣ теперь, уже умственно окрѣпшему юношѣ, свидѣтельствомъ возвышенности его общественныхъ идеаловъ, и легко ли человѣку, съ такимъ возвышеннымъ душевнымъ строемъ, найти себѣ товарища на всю жизнь, жену, призваніе которой и состоитъ въ томъ, чтобы быть если не единственнымъ, то вѣрнѣйшимъ другомъ своего мужа въ лучшихъ его помыслахъ и дѣлахъ?

Теперь я уже не спрашивалъ себя, можетъ ли Ольга влюбиться въ Гончарова, я спрашивалъ себя, могутъ ли его героини сами оказаться достойными его любви, я проникался къ нему чувствомъ глубокаго уваженія, почти почитанія, тѣмъ чувствомъ, которымъ я былъ проникнутъ къ только-что утраченному мною моему опекуну (онъ умеръ въ годъ появленія „Обрыва“), также ставившему общественный долгъ, долгъ передъ страной, выше всего, и жаждаль, и въ то же время страшился принять на свои слабыя плечи крупицу тяжелаго, но и великаго наслѣдія исчезавшихъ поколѣній.

Р. Сементковскій.

Встрѣчи и столкновенія ¹⁾.

(С. В. Максимовъ).

С. В. Максимовъ.

Вѣдко я встрѣчалъ среди писателей людей болѣе симпатичныхъ, чѣмъ братья Максимовы, Сергѣй и Николай. Съ Николаемъ я воспитывался въ одной школѣ и недолго работалъ съ нимъ въ одной газетѣ, когда онъ былъ еще морскимъ офицеромъ. Потомъ онъ исчезъ съ моего горизонта, командовалъ баталіономъ въ сербо-турецкую войну, былъ корреспондентомъ въ турецкую кампанію 1877—78 г., во время которой былъ раненъ. Затѣмъ мы опять встрѣчались, когда онъ замѣнялъ капитанскій рупоръ перомъ и пріѣзжалъ въ Петербургъ. Внѣшнимъ образомъ онъ производилъ впечатлѣніе челоѣка, что называется, съ растрепанными чувствами, но былъ добрый малый и прекрасный товарищъ. Много было въ немъ искренности и непосредственности, хотя, къ сожалѣнію, онъ былъ челоѣкъ увлекающійся, что печально отразилось на его жизни, а часто портило и искажало его писанія.

Въ сравненіи съ нимъ его братъ, Сергѣй Васильевичъ, авторъ „Года на сѣверѣ“, „Куля хлѣба“, „Лѣсной глуши“ и т. д., какъ писатель, былъ великаномъ, но, какъ челоѣкъ, онъ былъ не менѣе простъ, обходителенъ, симпатиченъ, незлобивъ, услужливъ, красивъ тою добротой, которая сквозитъ у добраго челоѣка въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ. Поэтому его сипловатый голосъ дѣйстви-

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1912 г.

валъ такъ пріятно и успокоительно на нервы, поэтому онъ всегда былъ окруженъ людьми, любовью же отвѣчавшими на его любовь.

Я съ нимъ познакомился, когда ему было уже 50 слишкомъ лѣтъ. Но, несмотря на сѣдины, онъ былъ еще бодръ и свѣжъ, почти какъ юноша. Очень я любилъ бесѣдовать съ нимъ. Онъ да Якушкинъ, Павелъ Ивановичъ, были у насъ въ Россіи первыми работниками на совершенно невоздѣланной нивѣ, первыми интеллигентными тружениками, превратившими изученіе русскаго народа въ писательскую профессію. Сынъ столбового дворянина и гвардейскаго офицера Якушкинъ, а за нимъ и сынъ уѣзднаго почтмейстера Максимовъ отрѣшились отъ всей привычной имъ интеллигентской обстановки и пошли въ народъ, обрекая себя на всевозможныя лишенія и часто на опасности. Но это было не то хожденіе въ народъ, которое вошло у насъ въ моду въ 70-хъ годахъ и которое такъ великолѣпно описано Тургеневымъ въ его „Нови“. Нѣтъ, это было другое хожденіе въ народъ—не для того, чтобы учить, а для того, чтобы учиться, для того, чтобы вынести изъ моря народной жизни знанія, безъ которыхъ наша забота объ этомъ народѣ всегда есть и будетъ дѣломъ мертворожденнымъ. Тотъ, кто ходилъ въ народъ съ политическими цѣлями, возвращался домой разочарованнымъ, но тотъ, кто ходилъ въ народъ, чтобы учиться, возвращался съ вѣрою въ этотъ народъ и приносилъ съ собою безграничную любовь къ нему. И помнится мнѣ, когда я иногда часами бесѣдовалъ съ Сергѣемъ Васильевичемъ, я проникался сознаніемъ, что въ примѣненіи къ нашему народу надо очень осторожно обращаться съ разными политическими теоріями, все равно—консервативными или либеральными, и что очень малодушны тѣ, кто теряютъ вѣру въ него.

Много мнѣ самому пришлось путешествовать по Россіи, но при встрѣчахъ съ Максимовымъ я чувствовалъ, что въ сущности мало знаю народъ, и готовъ былъ часами слушать его бесѣду, въ которой неожиданно для меня раскрывались новыя стороны народной жизни, новыя черты его духовнаго облика. Это не были разсужденія о народѣ, а характеристика его при помощи фактовъ, собранныхъ внимательнѣйшимъ наблюденіемъ и сохраненныхъ памятью, которая повидимому разъ навсегда удерживала все достойное вниманія. Я прочелъ болѣе или менѣе все, написанное Максимовымъ, и тѣмъ не менѣе въ бесѣдахъ съ нимъ почерпалъ все новые факты, расширявшіе и углублявшіе мое знаніе народа. Максимовъ представлялъ собою сокровищницу наблюденій и знаній въ этой области. Онъ до тонкости зналъ народную жизнь тѣхъ многочисленныхъ мѣстностей, которыя онъ объѣздилъ или обошелъ, а объѣздилъ онъ

и Сѣверъ, и Сибирь, и Поволжье, и Центральную Россію, изъ которой онъ самъ былъ родомъ (Максимовъ, какъ извѣстно, костромичъ), и Юго-Восточную, и Западную Россію. Къ сожалѣнію, Максимовъ не избѣгъ участі болѣе или менѣе всѣхъ русскихъ людей, которые вступали въ близкое общеніе съ нашимъ народомъ, участі Якушкина, Левитова, Николая Успенскаго, Рѣшетникова, Глѣба Успенскаго. Онъ заразился общенародною слабостью къ спиртнымъ напиткамъ, и если не разстроилъ этимъ здоровья, то только потому, что оно у него было несокрушимое. Онъ могъ выпить безъ видимаго вреда для здоровья несчетное число рюмокъ самыхъ крѣпкихъ напитковъ. Худшее, что съ нимъ случилось, это то, что онъ временно какъ бы застынетъ, окаменѣетъ. Помню, онъ какъ-то у меня въ домѣ за обѣдомъ сталъ пить очень много. Удержать его было трудно. Онъ отбояривался словами: „А звали“ или: „Жалѣете, что-ли, поила-то своего“. Наконецъ, гляжу,—Максимовъ, облокотившись на одну руку, совершенно затихъ. Я приблизился къ нему, вижу—спитъ. Захотѣлось поудобнѣе устроить старика. Я тихонько пригласилъ его перейти въ кабинетъ и прилечь на диванѣ, при чемъ взялъ его за руку. Но рука эта оказалась словно высѣченною изъ камня, да и весь онъ точно окаменѣлъ и, казалось, никакая сила не сдвинетъ его съ мѣста. Въ такомъ положеніи онъ оставался около получаса и затѣмъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, вдругъ сталъ меня, хозяина, корить, что я плохо потчую гостей, — и выпивка возобновилась.

Вино у него было непріятное въ томъ отношеніи, что онъ любилъ во хмелю ругаться. Тогда онъ походилъ немного на Салтыкова: ругательства у него такъ и сыпались, понятно, безъ злобы, а какъ какое-то непонятное ухарство или просто какъ дурная привычка. Бывало и такъ, что когда неудовольствіе (на чувство озлобленія онъ, кажется, былъ неспособенъ) долго въ немъ таилось, оно вдругъ у него прорвется подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и при томъ совершенно неожиданно для него самого. Помню одинъ эпизодъ этого рода, поставившій всѣхъ присутствовавшихъ въ очень неловкое положеніе.

Это было въ 80-хъ годахъ. Уже тогда у насъ литературные юбилеи превратились въ литературные именины, т. е. чествованіе серьезныхъ заслугъ замѣнилось простымъ пиромъ, устраиваемымъ другу-пріятелю или лицу, отъ котораго ожидаешь благовѣстия земныхъ. Такіе юбилеи уже тогда устраивались довольно часто, хотя далеко не такъ часто, какъ теперь, когда вошло въ обычай чествовать даже третъестепенныхъ литераторовъ. Въ данномъ случаѣ чествовали далеко не популярнаго редактора-издателя распространенной

либеральной газеты, чествовали собственно не его, а либерализмъ, и собралось много народу. Были и читатели, и почитатели, въ лентахъ и безъ лентъ, въ орденахъ и безъ орденовъ, во фракахъ и въ мундирахъ. Было немало и дамъ въ бальныхъ туалетахъ. Словомъ, юбилейный обѣдъ удался на славу. Понятно, что какъ только жаркое было подано, и шампанское розлито, начались безконечныя спичи и рѣчи, въ которыхъ, совершенно какъ теперь, на золотникъ правды приходились пуды притянутыхъ за волосы комплиментовъ. Въ самый разгаръ этихъ восхваленій въ залъ входитъ Максимовъ и при томъ, что называется, на двадцатомъ взводѣ. Гдѣ онъ успѣлъ привести себя въ такое далеко не салонное состояніе, было его тайной, но мнѣ стало жаль его. Я впрочемъ успокоился, когда увидѣлъ, что онъ успѣлся въ самомъ концѣ громаднаго стола покоемъ, положилъ руки на столъ, на руки опустил голову и повидимому заснулъ богатырекимъ сномъ.

Между тѣмъ комплименты и всякаго рода восхваленія продолжали литься рѣкой, ораторы старались превзойти другъ друга въ похвалахъ. Юбиляръ не безъ достоинства въ отвѣтъ улыбался, постепенно, должно быть, свыкаясь съ мыслью, что онъ дѣйствительно заслужилъ расточаемыя ему похвалы. Словомъ, все шло прекрасно, и я о Максимовѣ уже забылъ, какъ вдругъ на его концѣ стола раздался сильный звонъ, и я, къ ужасу своему, вижу, что говорить собирается именно совершенно пьяный Максимовъ. И онъ въ самомъ дѣлѣ заговорилъ. Къ счастью, рѣчь его была необыкновенно коротка, но, къ несчастью, ужасно выразительна. Онъ сказалъ: „И ты (тутъ онъ назвалъ юбиляра по фамиліи) вѣришь, что они говорятъ тебѣ правду! Неужели ты такъ глупъ?“ И, сказавъ это, Максимовъ повалился опять на столъ, заснулъ сномъ праведника, сознающаго, что онъ исполнилъ свой долгъ, и предоставилъ остальной публикѣ расхлебывать заваренную имъ кашу. Всѣ конечно слѣдали видъ, что не разслышали произнесенныхъ имъ словъ, а какой-то находчивый ораторъ продолжалъ расточать юбиляру комплименты, но всѣ въ душѣ сознавали, что въ краткой рѣчи Максимова было больше правды, чѣмъ въ безконечныхъ разглагольствованіяхъ другихъ ораторовъ.

Склонность Максимова „шебаршить“, какъ онъ любилъ выражаться, при его мягкости и добротѣ, имѣла для него многія непріятныя послѣдствія. Когда онъ „шебаршилъ“, онъ мало разбиралъ, съ кѣмъ собственно проводить время. Случалось, что онъ въ домъ приводилъ совершенно незнакомыхъ людей, которые подъ вліяніемъ винныхъ паровъ казались ему людьми чрезвычайно симпатичными. Иногда онъ даже оставлялъ ихъ ночевать у себя, а затѣмъ утромъ

самъ не могъ ума приложить, какъ человѣкъ, совершенно незнакомый, оказался у него въ кабинетѣ или въ гостиной.

Разъ какъ-то онъ жилъ на дачѣ въ Нарголовѣ. Гостиная у него большими окнами и балконными дверями, составлявшими какъ бы одну сплошную стеклянную стѣну, выходила на сѣверо-востокъ, такъ что первые уже лучи побѣдоноснаго лѣтняго солнца освѣщали всю комнату. Въ ней конечно никто не ночевалъ, и диванчикъ въ ней стоялъ такой крошечный, что и ребенку, кажется, трудно было на немъ умѣститься. А Максимовъ вечеромъ послѣ долгихъ возліяній привелъ домой какого-то рослаго собутыльника, котораго рѣшительно негдѣ было пристроить. Онъ ему отвелъ гостиную, ушелъ къ себѣ спать и тотчасъ же заснулъ мертвымъ сномъ.

Однако подъ утро ему что-то все мѣшало спать, и какъ только онъ окончательно проснулся, тотчасъ вспомнилъ, что вчера кого-то съ собою привелъ, кого—онъ рѣшительно не зналъ и, поскорѣ одѣвшись, отправился въ гостиную, чтобы узнать, кто его гость. На диванчикѣ полулежалъ, далеко протянувъ на полу длинныя ноги, въ невозможной, изломанной позѣ богатырь, по лицу котораго отъ свѣта и неудобнаго лежанія пробѣгали по временамъ гримасы. Увидавъ это лицо, Максимовъ вспомнилъ, что это какой-то полузнакомый врачъ, съ которымъ онъ раза два въ жизни встрѣчался въ одномъ изъ своихъ любимыхъ рестораничковыхъ. Лицо доктора исказилось отъ боли, онъ проснулся, взглянулъ на Максимова, а тотъ, указывая одной рукой на диванчикъ, а другой на ярко освѣщенную стеклянную стѣну, пропускавшую потоки утренняго свѣта прямо въ лицо злополучнаго гостя, извиняясь, проговорилъ:

— Коротко... и ясно.

И оба отъ души расхохотались, хотя гость въ то же время и охалъ.

Можно себѣ представить, какъ семья Максимова тяготилась этими ночными посѣщеніями.

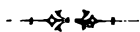
Но склонность Максимова къ спиртнымъ напиткамъ имѣла и другія болѣе непріятныя послѣдствія. Максимовъ былъ человѣкъ совершенно необезпеченный, семья у него была большая, а литературнаго заработка далеко не хватало. Вообще гонорары въ то время, когда литературная производительность Максимова была значительна, поражали своими скромными размѣрами. Къ тому же онъ въ дѣловомъ отношеніи былъ далеко не ловкимъ человѣкомъ. Приходилось подумать о постороннемъ заработкѣ, и этотъ заработокъ нашелся еще въ 60-хъ годахъ: Максимовъ получилъ мѣсто редактора „Вѣдомостей С.-Петербургской городской полиціи“. Понятно, что между этой газетой и литературой было мало общаго, но, къ со-

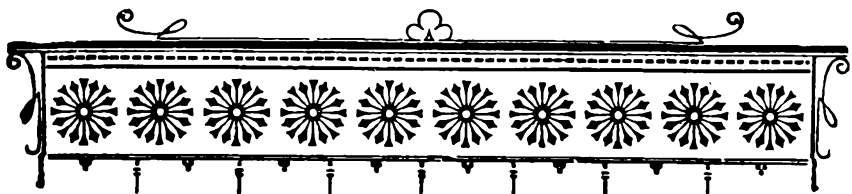
жалѣнію, въ прошломъ вѣкъ немногіе литераторы могли жить исключительно литературой, даже литераторы максимовскаго калибра. Приходилось прибѣгать къ стороннимъ заработкамъ, и литераторъ былъ счастливъ, если этотъ заработокъ имѣлъ хотя какое-нибудь отношеніе къ литературѣ. Нельзя не порадоваться, что „Полицейскія Вѣдомости“ давали Максиму въ теченіе долгихъ лѣтъ сторонній заработокъ, который, въ свою очередь, давалъ ему возможность посвятить себя любимымъ литературнымъ работамъ. Однако мѣсто редактора „Полицейскихъ Вѣдомостей“ по временамъ почти-что ускользало изъ его рукъ вслѣдствіе все той же страсти къ вину. Промахи случались дѣйствительно очень неудобные для полуофициальнаго органа. Не буду упоминать уже о томъ, что разныя фирмы пользовались слабостью редактора, чтобы провести болѣе чѣмъ щекотливыя объявленія по части амурныхъ или иныхъ дѣлъ этого рода. Случались промахи болѣе серьезныя, за которые Максиму, къ счастью, приходилось только отсиживать на гауптвахтѣ. Такъ, напримѣръ, однажды было помѣщено крупное объявленіе о томъ, что въ такой-то день, въ такомъ-то храмѣ будетъ отслужена панихида по въ Божѣ почивающемъ Императорѣ Александрѣ III, хотя этотъ Государь только-что вступилъ на престолъ и благополучно царствовалъ, а панихида была назначена по Императорѣ Александрѣ II. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должно было произвести это объявленіе вскорѣ послѣ 1-го марта. Но благодаря заступничеству вліятельныхъ друзей, Максимовъ отдѣлался и въ этомъ случаѣ одной гауптвахтой.

Въ заключеніе не могу здѣсь не занести одинъ фактъ, о которомъ мнѣ рассказывалъ Максимовъ нѣсколько разъ, но который онъ, кажется, самъ не занесъ въ свои воспоминанія. Какъ извѣстно, онъ былъ очень друженъ съ нашимъ знаменитымъ драматургомъ А. Н. Островскимъ. Довелось ему между прочимъ сидѣть съ нимъ рядомъ въ ложѣ во время представленія „Грозы“. Островскій сидѣлъ молча, углубленный въ себя. Только въ той патетической сценѣ, когда Катерина, терзаемая укорами совѣсти, бросается при всемъ народѣ въ ноги мужу и свекрови, каясь въ своемъ грѣхѣ, Островскій весь блѣдный шепталъ: „Это—не я, не я; это—Богъ“. Островскій очевидно самъ не вѣрилъ, что онъ могъ написать такую потрясающую сцену; онъ, подобно Гейне, считалъ писателя рыцаремъ-глашатаемъ св. Духа...

Р. Сементковскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Встрѣчи и столкновенія.

(В. А. Полетика и мои критики).

В. А. Полетика.

В Полетикой я встрѣчался очень часто въ 80-хъ годахъ, когда онъ, бросивъ промышленную и газетную дѣятельность, жилъ, такъ-сказать, на покой.

Полетика принадлежалъ къ семьѣ горныхъ инженеровъ, давшей Россіи не мало крупныхъ дѣятелей.

Литературные вкусы были у него развиты. Онъ слылъ прекраснымъ ораторомъ, особенно застольнымъ. Я слышалъ его много разъ и долженъ признать, что онъ своими рѣчами производилъ впечатлѣніе. Въ нихъ чувствовался умный человѣкъ и человѣкъ очень начитанный. Но содержаніе его рѣчей было ниже ихъ формы. Говорилъ онъ и свободно, и легко, и красиво, дѣлалъ иногда мѣткія сопоставленія или удачныя экскурсіи въ область литературы, преимущественно отечественной, которою онъ видимо много занимался. Нашего величайшаго писателя, Пушкина, онъ, казалось, зналъ наизусть. Но эта свобода, какъ я случайно убѣдился, была, какъ у многихъ ораторовъ, только кажущаяся. На какомъ-то юбилейномъ обѣдѣ я состоялъ распорядителемъ, а обѣдъ былъ разрѣшенъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы распорядители приняли на себя отвѣтственность за цензурность застольныхъ спичей. Долженъ былъ говорить между прочимъ и Полетика. Примѣрно за двѣ недѣли до обѣда я имѣлъ съ нимъ бесѣду и просилъ его быть осторожнымъ, въ виду его склонности пройтись насчетъ властей. Онъ

обѣщалъ мнѣ быть вполне корректнымъ и, чтобы окончательно меня успокоить, предложилъ мнѣ тотчасъ же меня познакомить съ рѣчью. Онъ передалъ мнѣ ея содержаніе, а на обѣдѣ я убѣдился, что у него рѣчь уже за двѣ недѣли была подготовлена слово въ слово.

Какъ промышленный дѣятель, Полетика въ концѣ концовъ потерпѣлъ неудачу: онъ вынужденъ былъ покинуть заводъ, давшій ему состояніе. Какъ теперь, такъ и тогда, судостроительное дѣло, особенно находившееся въ связи съ потребностями военнаго флота, не обходилось безъ постоянныхъ казенныхъ субсидій. Дѣятель, въ родѣ Полетики, но болѣе крупный и начавшій раньше его, Н. И. Путиловъ, съ которымъ меня также свела судьба, говорилъ мнѣ, что, если бы не казна, то онъ со своими миллионными долгами не могъ бы продержаться и двухъ дней. И дѣйствительно, каждый разъ передъ тѣмъ, какъ должно было выйти рѣшеніе, получить ли онъ или не получить субсидію, онъ горѣлъ, какъ въ огнѣ, и требовалась вся его выдержанность заматерѣлаго дѣльца, чтобы не выдать того, что онъ переживалъ, не уподобиться по своему настроенію нервной женщинѣ. Удача или неудача Полетики въ дѣлахъ также зависѣла отъ казны, и такъ какъ онъ вынужденъ былъ оставить заводъ, то сильно озлобился противъ правительства. Его озлобленіе принимало размѣры ненависти, такъ что онъ, вообще очень сдержанный человѣкъ, становился болѣе чѣмъ рѣзкимъ, когда говорилъ о властяхъ. До какого ослѣпленія доводила его эта ненависть, свидѣтельствовали его застольныя рѣчи. По его словамъ отъ нашего правительства можно было ожидать всего. Оно-де приведетъ Россію на край гибели, и поэтому всякій другъ родины долженъ стремиться къ тому, чтобы его ослабить.

Подобныя мысли встрѣчали большое сочувствіе въ радикальныхъ кружкахъ. Полетика былъ желаннымъ застольнымъ ораторомъ на всѣхъ либеральныхъ или радикальныхъ пиршествахъ, и какіе онъ срывалъ аплодисменты. При этомъ, конечно, никто не задавался вопросомъ объ истинной подкладкѣ его рѣчей. Чѣмъ болѣе онъ сѣдѣлъ, тѣмъ краснѣе становился. Даже сотрудники Коршевскихъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ казались ему овечками, и онъ скоро разстался съ литераторами, въ родѣ А. С. Суворина, писавшаго у него воскресные фельетоны, и замѣнилъ ихъ такими журналистами, какъ Минаевъ, Станюковичъ, Скабичевскій и т. д. Конечно, эти сотрудники никогда себя не спрашивали, почему свободолобивый Полетика, вопреки либеральному катехизису, является ярымъ сторонникомъ протекціонизма во всѣхъ его видахъ, т. е. не довѣряетъ свободѣ въ вопросахъ, наиболѣе ему близкихъ. Поле-

тика издавалъ „прогрессивную“ газету, платилъ сотрудникамъ хорошо—вотъ все, что надо было знать. Но читатель отнесся болѣе серьезно къ газетѣ Полетики, чувствовалъ внутреннее ея противорѣчіе, отшатнулся отъ нея, и она, переименованная изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ въ „Молву“, скоро зачахла, не оставивъ послѣ себя замѣтнаго слѣда въ русской журналистикѣ.

Мои критики.

Какъ многіе русскіе публицисты, я чувствовалъ себя часто стѣсненнымъ въ своихъ писаніяхъ, и стѣсненіе это вызывалось для меня не только цензурою, но и издателями, и товарищами по журналистикѣ. Послѣдніе никакъ не могли примириться съ тѣмъ, что я не принадлежалъ ни къ одному изъ существовавшихъ тогда лагерей, а цензура меня преслѣдовала за проповѣдь въ пользу франко-русского союза. Особенно это стѣсненіе чувствовалось мною въ концѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ.

Между тѣмъ у меня накопилось много вопросовъ, о которыхъ мнѣ хотѣлось высказаться, но я предвидѣлъ, что въ публицистической формѣ это мнѣ не удастся или удастся только по отношенію къ вопросамъ внѣшней политики. Этимъ вопросамъ я и посвятилъ свою книгу: „Въ ожиданіи войны“. Но какъ быть съ вопросами внутренней политики? И цензуры-то я опасался, и товарищей по перу побаивался. Не попытать ли счастья на беллетристической почвѣ? Такимъ образомъ сложилась первая моя повѣсть („Дѣвичьи сны“). Я надѣялся, что въ беллетристической формѣ сойдетъ то, что въ публицистической врядъ-ли увидѣло бы свѣтъ.

Сотрудничалъ я тогда между прочимъ въ „Недѣлѣ“ П. А. Гайдебурова. Я ему послалъ рукопись, не называя себя ея авторомъ. Такъ какъ я никогда беллетристики не писалъ, то Гайдебуровъ предположилъ, что повѣсть принадлежитъ кому-нибудь изъ моихъ друзей. Она ему понравилась, была принята и напечатана. Какъ же отнеслись къ ней критики, удѣлившіе ей большое вниманіе (въ руководящихъ тогдашнихъ газетахъ ей посвящены были цѣлые фельетоны)?

При оцѣнкѣ беллетристическаго произведенія обыкновенно стараются опредѣлить,—интересно ли оно, даровитъ ли авторъ, какова его основная идея? На эти вопросы тогдашніе извѣстные критики, нынѣ уже покойные (А. М. Скабичевскій, М. А. Загуляевъ, П. А. Гайдебуровъ, Ю. Н. Говоруха-Отрокъ и др.) отвѣтили слѣдующимъ образомъ:

Интересна ли повѣсть?

„Не правда ли, это очень любопытная повѣсть?... Въ ней описывается современная Россія, гражданскіе взгляды современныхъ русскихъ людей и современная русская женщина“. — „Повѣсть — нѣчто тяжеловѣсное, туманное, написанное рга *doma sua* и совсѣмъ мало интересное“. — „Въ повѣсти есть живой интересъ и колоритъ правды“. — „Авторъ очевидно сознательно провелъ въ своей повѣсти фабулу, подобную фабулѣ „Наканунѣ“ Тургенева съ тою разницею, что у Тургенева дѣйствіе совершается наканунѣ, а у автора на другой день, и очень интересно посмотрѣть, насколько этотъ другой день отличается отъ „кануна“. — „Все изложенное авторомъ очень интересно и въ особенности ново у насъ. Авторъ смѣло взялся за жанръ, которому давно слѣдовало вступить въ борьбу съ избитыми, банальными сюжетами нашихъ молодыхъ беллетристовъ. Повѣсть его является примѣромъ того, что можетъ быть высказано у насъ въ беллетристической формѣ о вопросахъ, которыхъ обыкновенно не рѣшаются затрогивать въ печати. На всякой страницѣ встрѣчаются сужденія, поражающія своею смѣлою искренностью“. — „Повѣсть эта составляетъ не только документъ общественнаго значенія, но и произведеніе, занимающее въ русской беллетристикѣ очень почетное мѣсто“.

Даровать ли авторъ?

„Беллетристическаго таланта у автора нѣтъ ни на мѣдный грошъ“. — „Собственно говоря, повѣсть не представляетъ ничего особеннаго, отличающаго ее отъ заурядныхъ“. — „Нельзя сказать, чтобы новыхъ талантовъ совсѣмъ уже не было. Попытки затрогивать новыя стороны жизни являются. Въ повѣсти не мало того, чего вы не найдете въ произведеніяхъ нашихъ исправляющихъ должность беллетристовъ, — оригинальныхъ персонажей, новыхъ положеній и художественныхъ достоинствъ“. — „Авторъ украсилъ свою повѣсть художественнымъ изображеніемъ швейцарской природы и оживилъ ее глубокимъ чувствомъ“. — „Авторъ владѣетъ перомъ съ изяществомъ и легкостью опытнаго писателя. Его дѣйствующія лица очень выпуклы, описанія природы сдѣланы мастерскою рукой, и вопросы текущей политики обсуждаются съ несомнѣнною оригинальностью“...

Какова основная мысль автора?

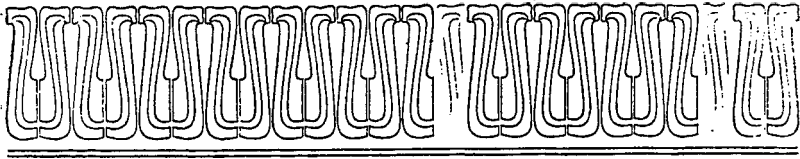
Изъ всѣхъ критиковъ ея отчасти коснулся только одинъ, замѣтивъ, что повѣсть содержитъ характеристику главныхъ теченій нашей общественной мысли, зато о направленіи автора критики высказались чрезвычайно обстоятельно.

„Автору почему-то угодно было заявить, что всѣмъ русскимъ людямъ подобаетъ мыслить и разсуждать совершенно отрѣшенно, такъ-сказать обще-человѣчески. Онъ—западничающій интеллигентъ“.—„Можно даже сказать, что всѣ дѣйствующія лица въ повѣсти раздѣляются на двѣ категоріи: на патріотовъ, являющихся людьми болѣе или менѣе порядочными, и на непатріотовъ, не заслуживающихъ ни малѣйшаго уваженія,—таково уже міровоззрѣніе автора“.—„Авторъ повѣсти старается установить широкое міросозерцаніе, приведя его въ тѣсную связь съ сознательною любовью къ отечеству“.—„Чрезвычайно любопытно и ново, что авторъ не принадлежитъ ни къ одной изъ существующихъ у насъ партій“.—„Я даже сомнѣваюсь, русскій ли онъ человѣкъ“.—Авторъ, если не ошибаемся,—болгаринъ и вводитъ болгарскую контрабанду въ область беллетристики“.—„Авторъ—женщина“.

Признаюсь, мнѣ раньше никогда не приходилось сопоставить такимъ образомъ критическіе отзывы о томъ или другомъ произведеніи. Но когда я это сдѣлалъ по отношенію къ моей повѣсти, я сперва отъ души расхохотался, а потомъ мнѣ стало жаль и начинающихъ писателей, и читателей. Я-то цѣну нашей критики зналъ, но начинающихъ писателей, равно какъ и читателей она легко могла сбить съ толку. Хорошо еще, — думалось мнѣ:—если они вздумаютъ сдѣлать то, что я сдѣлалъ, т. е. собрать всѣ отзывы (хотя это для читателей по большей части невозможно). Тогда они просто отвернутся отъ критики, признавъ ее негодной и ненужной. Но если они этого не сдѣлаютъ, если они довѣрятся одному, двумъ отзывамъ, тогда критика можетъ безъ достаточнаго основанія ихъ обезкуражить или наоборотъ поощрить начинающихъ писателей, а читателей совершенно сбить съ толку при выборѣ книгъ. Впрочемъ, это большой вопросъ, котораго я здѣсь касаться не могу. Мнѣ хотѣлось только вспомнить моихъ критиковъ и показать, какъ осторожно надо относиться къ ихъ сужденіямъ.

Р. Сементковскій.

П. И. Вейнбергъ, И. Ѳ. Горбуновъ и Д. В. Аверкіевъ.

(Встрѣчи и столкновенія) ¹⁾.

„Лишніе“ люди не умѣютъ учиться у жизни, какъ думаетъ Гамлетъ Щигровскаго уѣзда. Совершенный профанъ въ житейскихъ дѣлахъ, повидимому, былъ и П. И. Вейнбергъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, утверждалъ, что онъ—въ дѣлахъ малый ребенокъ. Эту фразу я отъ него постоянно слышалъ,—слышалъ и при первомъ нашемъ свиданіи въ 1892 г. Свелъ насъ тогда М. О. Меньшиковъ, фельетонистъ „Новаго Времени“, инсценировавшій юбилей П. А. Гайдебурову, издателю-редактору „Недѣли“, сотрудниками которой мы тогда съ М. О. Меньшиковымъ состояли, онъ, такъ сказать, хроническимъ, а я только спорадическимъ. Тогда уже Петръ Исаевичъ жилъ на Фонтанкѣ, № 25, въ подворотнѣ, въ квартирѣ, такъ хорошо памятной тѣмъ, кто имѣлъ отношеніе къ литературѣ. Правда, онъ тогда еще не принималъ непосредственнаго участія въ дѣлахъ Литературнаго Фонда, но уже со слѣдующаго года состоялъ почти безсмѣннымъ членомъ его Комитета, а съ 1901 г. и его предсѣдателемъ, почти вплоть до кончины, продолжавшей въ 1908 г.

Къ вышеупомянутой фразѣ онъ нерѣдко добавлялъ: „ахъ, дайте мнѣ 3.000 въ годъ, и я брошу всѣ эти подлые педагогическія и литературныя дѣла, всю эту подлую Россію, переселюсь въ какой-нибудь заграничный городокъ и проживу тамъ подъ старость на славу“!

Кто о чемъ мечтаетъ! Слушая П. И. Вейнберга, я невольно вспоминалъ Д. В. Аверкіева. Тотъ мечталъ о другомъ.

¹⁾ Подъ этимъ заглавіемъ напечатанъ авторомъ въ „Русской Старинѣ“ 1911—12 г.г. рядъ очерковъ, посвященныхъ характеристикѣ разныхъ, болѣе или менѣе видныхъ, дѣятелей, встрѣченныхъ имъ на своемъ вѣку. Предлагаемая теперь характеристики составляютъ вторую серію этихъ очерковъ.

Былъ какой-то литературный обѣдъ у Понсэ на Морской. Собралось много народа. Вино лилось рѣкой, а рѣчи—потокъ. Спасовича смѣнялъ Полетика, Полетику—Вейнбергъ, Вейнберга—Градовскій, Градовскаго—Мордовцевъ и т. д. Но, несмотря на видимое одушевленіе ораторовъ, становилось скучно, и не-ораторы поглядывали на присутствующаго Ивана Оедоровича, т.-е. Горбунова: когда, молъ, наконецъ, заговоритъ генераль Дитятинъ и выскажетъ свое мнѣніе о краснорѣчьи ораторовъ. Но Иванъ Оедоровичъ молчалъ, и чѣмъ дольше длилось краснорѣчіе, тѣмъ становилось тоскливѣе.

Наискось отъ меня сидѣлъ сотрапезникъ, на котораго я не обратилъ особеннаго вниманія. Онъ скорѣе походилъ на объевропеившагося русскаго купца, чѣмъ на литератора. Я спросилъ у сосѣда,—кто этотъ господинъ. Тотъ мнѣ шепнулъ: „Вы его не знаете? Да вѣдь это Аверкіевъ, коверкающій въ драмахъ русскую исторію, чтобы поддѣлаться подъ охранительныя тенденціи“. Я дѣйствительно до того дня Аверкіева ни разу не видѣлъ, но хорошо его зналъ по его произведеніямъ и газетной дѣятельности, и ходячее мнѣніе о немъ либеральныхъ кружковъ не раздѣлялъ: не въ однихъ охранительныхъ тенденціяхъ, мнѣ казалось, тутъ было дѣло.

Наконецъ, заговорилъ и генераль Дитятинъ. Онъ выразилъ полное неодобреніе ораторамъ за ихъ рѣчи, которыя, по слову приснопамятнаго поэта Козьмы Пруткова, не дозволено, какъ нѣкоторыя другія непріятности, относить на казенный счетъ, и поэтому онъ могутъ нарушить спокойствіе многихъ, и выразилъ свое авторитетное мнѣніе, что даже отставной коллежскій секретарь Иванъ Тургеневъ устами Петра Зудотѣшина, если бы ихъ изволилъ прослушать, „Содѣржаніе Онныхъ-бы Нѣ Одобрилъ“. Но что тутъ толковать о господинѣ Тургеневѣ и совершенно ничтожномъ Петрѣ Зудотѣшинѣ; было бы благопотребнѣе просто принять надлежащія мѣропріятія: въ бараній рогъ согнуть, пресѣчь, искоренить...

Ахъ, незабвенный Иванъ Оедорычъ! Вотъ уже почти 30 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ и слушала, а все еще онъ передо мною стоитъ, какъ живой, со всей своей безподобной мимикой, интонаціями и модуляціями голоса, живостью нрава, скрытою подъ внѣшностью солиднаго, степеннаго мастерового, вкусившаго отъ плодовъ культуры и цивилизаціи... Мы приглашены въ дачное время на обѣдъ къ радушному амфитріону, В. О. Михневичу. Собирается много народу. Всѣ уже въ сборѣ, но кого-то ждутъ.

Кого? Хозяева молчатъ. Завязывается предобѣденная бесѣда, но вялая, какъ обыкновенно: всѣ проголодались—пора выпить и закусить. Но все еще ждутъ. Наконецъ, разносится вѣсть, что прѣдетъ Иванъ Оедоровичъ, мало того, привезетъ съ собою какіе-то удивительные грибы, которые самъ зажаритъ, какъ заправскій поваръ, такъ что у насъ слюньки потекутъ.

Наконецъ, вотъ и онъ, съ двумя кузовками въ рукахъ, тревожный, запыхавшійся, все-таки только взглядомъ, съ достоинствомъ извиняющійся, что опоздалъ. Онъ—свой человѣкъ въ домѣ и идетъ въ сопровожденіи хозяйки прямо на кухню. Проходятъ еще томительныхъ полчаса. Общее ожиданіе достигаетъ точки кипѣнія. Наконецъ, по приглашенію хозяина мы занимаемъ мѣста за столомъ, уставленнымъ закусками, чтобы удобнѣе было наслаждаться тою закускою, которую намъ готовить новоявленный поваръ. Наконецъ, несутъ и грибы. Несетъ самъ Иванъ Оедорычъ, облеченный въ поварской нарядъ, бѣлоснѣжную куртку и колпакъ, на двухъ скородкахъ, и мы, выпивъ поспѣшно по рюмкѣ, принимаемся за диковинное блюдо, щедро накладываемое намъ на тарелочки импровизированнымъ поваромъ.

Но что же это? Я беру грибы въ ротъ. Они такъ невкусны, такъ даже гадки, что душа не принимаетъ. Робко поглядываю на сосѣдей: съ ними происходитъ то же. Но всѣ молчатъ, дѣлаютъ видъ, что кушаютъ, ковыряя усиленно вилками несъѣдобные куски не то резины, не то старой подошвы, обжигающіе ротъ чѣмъ-то рѣзкимъ, ѣдкимъ, терпкимъ, жгучимъ. Я осмѣливаюсь наконецъ взглянуть на виновника претерпѣваемой нами муки. Но повара уже нѣтъ. Предо мною стоитъ молодящаяся перерѣлая баба, и въ тотъ же моментъ раздается ея лукаво-просительный голосъ:

— Не сердайте, милые: маленько не досмотрѣла... Бываетъ... Отстань, лѣшій,—отмахивается она отъ какого-то слишкъомъ рьянаго ухаживателя.—Бываетъ, милые. Иногда маленько не досолишь, иной разъ маленько пересолишь... Ну, тебя, чортъ... Бываетъ, милые! Къ примѣру сказать, не доложишь сметаны... Какая я тебѣ сметана,—отмахивается она уже съ остервенѣніемъ отъ насѣдающаго ухаживателя.—Бываетъ, милые! Трудное это дѣло. Не доложишь—переложить, не досыпишь—пересыпишь... Не долъешь—перельешь, не досушишь—пересушишь, не дожаришь—пережаришь, не допрѣтъ—перепрѣтъ, перепричишь, переложить, перепортишь...

И темпъ рѣчи все ускоряется, ухаживатели тѣмъ временемъ пристають все сильнѣе, и наконецъ баба, сильно сконфуженная и ухаживателями, и неудачной стряпней, подобравъ юбку съ визгомъ: „окаянные!“—выбѣгаетъ изъ комнаты, а мы всѣ, сколько насъ тутъ было, надрываемъ животики отъ смѣха—такъ живо представлялась намъ эта лукавая бабенка, испортившая блюдо и въ то же время увѣренная, что ей все простятъ, потому что всѣ ее любятъ. Грибы исчезли, передъ нами уже стояли чистыя тарелки, и хозяинъ съ хозяйшкой радушно, а переоблачившійся Иванъ Федорычъ степенно угощали насъ другими, на этотъ разъ болѣе чѣмъ съдобными закусками и яствами.

Дѣло потомъ объяснилось очень просто. Въ молодости Горбуновъ великолѣпно жарилъ грибы и ублажалъ ими купцовъ. Хотѣлъ онъ угодить и намъ, но „маленечко позабылъ, маленечко не досмотрѣлъ“, и вышелъ непріятный пассажъ, однако позабавившій насъ до слезъ.

Да, мастеръ былъ своего рода Иванъ Федорычъ. Такъ онъ и на этомъ обѣдѣ, на которомъ я впервые встрѣтился съ Аверкіевымъ, всѣхъ размѣшилъ, ловко прекративъ потокъ наскучившихъ однообразныхъ до бдурѣнія рѣчей напоминаемъ объ окрикѣ генерала Дитятина: „искоренить, пресѣчь“. Къ протесту противъ этого окрика вѣдь и сводились всѣ рѣчи.

Затрапезники встали. Часть ихъ удалилась въ сосѣдную комнату: пріятно послѣ либеральныхъ рѣчей и повинтить; но часть осталась еще въ залѣ, продолжая бесѣдовать, а тутъ, какъ тутъ, появился среди группъ неизмѣнный хлопотунъ М. Л. Песковскій съ своимъ столь же неизмѣннымъ предложеніемъ выпить ликерчику, чтобы не разстраивать компаніи. Ликерчикъ былъ поданъ, и мы размѣстились гдѣ попало. Я оказался у отдѣльнаго столика, около меня стоялъ Аверкіевъ. Песковскій насъ познакомилъ. Аверкіевъ подсѣлъ ко мнѣ.

— Ехидный онъ человѣкъ, этотъ Иванъ Федоровичъ,—началъ онъ, вступая въ бесѣду со мной. Всѣ его признають своимъ, а у него фizioномія-то собственная... Сынъ двороваго человѣка по плоти, духовный сынъ Островскаго, Печерскаго, Ап. Григорьева, протежэ „Москвитянина“, ну, хотя бы и молодой его редакціи, князя Одоевскаго, да что вы! Онъ — не свой человѣкъ, нѣтъ. Генералъ Дитятинъ... Таковы, молъ всѣ администраторы. А вамъ вѣдь самый этотъ генералъ Дитятинъ носъ утеръ, прекратилъ потокъ вашего краснорѣчія.

Генераль Дитятинъ, смѣется въ душѣ Иванъ Федорычъ, вамъ по вкусу приходится,—ну, и получайте его, кушайте всласть, а самъ я дружу не съ вами, дружилъ и буду дружить съ Мельниковымъ-Печерскимъ, съ Тертіемъ Ивановичемъ. Вотъ мои друзья! Горбуновъ, выросшій изъ нашей родной русской почвы—вашъ! Pater jesuiticus, Данилычъ (но не съ того боку), Спасовичъ говоритъ, что Пушкинъ—лицеистикъ, полуобразованъ, что онъ аристократикъ, камеръ-юнкерчикъ, а что настоящій демократъ, получившій широкое университетское образованіе—Мицкевичъ (pater забываетъ только добавить, что Мицкевичъ воспитывался у доминиканцевъ)... Вотъ Спасовичъ—вашъ. Конрадъ Валленродъ—вотъ этотъ вашъ... Спасовичъ и „Пана Тадеуша“ не понимаетъ. Что ему исторія, историческія основы жизни! Ему подавай разумъ, будто-бы, а на самомъ дѣлѣ одностороннюю доктрину, и ради этой своей доктрины онъ готовъ всѣмъ пожертвовать, все ниспровергнуть, даже то, что для другихъ свято...

Аверкіевъ вытаскивалъ изъ себя брезгливо эти фразы, точно боялся ими подавиться. Я не хотѣлъ мѣшать его изліаніямъ, которыя меня интересовали, и даже поощрилъ его.

— Островскій, будто-бы, вставилъ я:—изображалъ „темное царство“, но если это вѣрно, то надъ всей Россіей надо поставить крестъ: вѣдь она вся состоитъ изъ Титъ Титычей, Торцовыхъ, Катеринъ, Аховыхъ, Кабановыхъ, Незабудкиныхъ...

— Какъ вы это сказали, какъ вы это сказали! — вдругъ оживился Аверкіевъ.—Дайте, чокнемся. Ну, конечно, надъ Россією надо поставить крестъ, если царство, изображенное Островскимъ, — „темное царство“. Вы правы, тысячу разъ правы.

И онъ ближе подсѣлъ ко мнѣ.

— Знаете, коллега, о чемъ я иногда мечтаю,—продолжалъ онъ уже вполголоса, но съ оживленіемъ, такъ что его глаза на выкатъ заблестѣли.—Мечтаю я о томъ, чтобы уже не обогащать дѣтской литературы, не обучать російскихъ обывателей производству парфюмернаго и косметическаго товара, словомъ, не зарабатывать хлѣбъ насущный всей этой переводной и компилятивной дрянью, а зажить настоящимъ писателемъ, такимъ, который можетъ не быть ремесленникомъ, не поддѣлываться подъ толпу и работать надъ тѣмъ, что ему дорого и свято. Для этого нуженъ достатокъ. Ну, чѣмъ, скажите, я виноватъ, что отецъ и дѣдъ внушили мнѣ любовь къ великолѣпной нашей старинѣ, къ театру,—что я говорю: любовь,

нѣтъ, страсть—держали меня въ шелку и бархатѣ, кормили, какъ сына миллионщика, возили въ коляскахъ, каретахъ, а затѣмъ взяли да обанкротились... Скажите, а вы прежде какъ жили?—прервалъ онъ себя ужъ совсѣмъ интимно.

— Да тоже въ дѣтствѣ, какъ маленькій принцъ,—отвѣтилъ я:—и какая у насъ была пара вороныхъ лошадей. Не кони, а огонь! Запрягутъ ихъ, а они фыркаютъ, храпятъ, не даютъ сѣсть въ коляску, рвутся, пока два конюха не возьмутъ ихъ подъ уздцы...

— Вотъ, вотъ!—прервалъ меня снова Аверкіевъ.—А какъ мы сегодня отправимся домой послѣ всѣхъ этихъ несносныхъ рѣчей? Пойдемъ пѣшечкомъ... для моціона или протрусимъ на подломъ извозчикѣ. Ахъ, если бы я могъ свезти васъ домой въ собственной каретѣ, спокойный за будущее, чтобы завтра заняться не тѣмъ, какъ изготовляютъ косметическій товаръ, а какъ жили у насъ въ старину и какъ лучше и вѣрнѣе устроить теперешнюю жизнь, зная, что дерево имѣетъ корни не въ воздухѣ, а въ той почвѣ, изъ которой оно растетъ. Ахъ, карету мнѣ, карету!

Но мы поѣхали домой на самыхъ подлыхъ извозчикахъ и долго уже не встрѣчались. Но все-таки судьба насъ свела снова на какомъ-то литературномъ обѣдѣ. Аверкіевъ и на этотъ разъ разговорился со мной по душѣ, кончивъ бесѣду опять своей мечтой о каретѣ.

Затѣмъ я жилъ какъ-то на дачѣ подъ Лугой и ежедневно совершалъ длинныя прогулки. Занесло меня и подъ Преображенку. Я спускаюсь оттуда къ мосту на Лугѣ, а кто-то идетъ мнѣ навстрѣчу въ гору медленно,—ноги должно быть слабы—не то интеллигентъ, не то купецъ въ странномъ лѣтнемъ картузѣ. Остановился, взглянулъ на меня, призналъ и, добродушно улыбаясь, въ видѣ сердечнаго привѣтствія, протягиваетъ мнѣ какъ бы въ отчаяніи руку и съ глубокимъ вздохомъ говоритъ:

— А кареты все-таки у меня нѣтъ. Хуже: иногда на ваньку не хватаетъ. О, мечты! А вы гдѣ живете?

Онъ взялъ меня подъ руку и теперь шелъ бодрѣе, вдругъ оживившись:

— Напали на меня за то, что я потребовалъ съ Сѣрова половину проспектальной платы за „Рогнѣду“. Композиторъ—все, либретистъ такъ себѣ, съ боку припеку. Неправда. Изъ десятковъ оперъ Верди что осталось? Ну, „Риголетто“, „Аида“, „Травиата“. А все-таки одна „Травиата“ будетъ держаться еще лѣтъ 50, какъ держится уже лѣтъ 40. Вспомните мое слово.

А развѣ въ другихъ его операхъ нѣтъ музыкальныхъ красоть? Возьмемъ „Донъ-Жуана“ и „Волшебную флейту“, „Роберта Дьявола“ и „Гугенотовъ“, „Руслана“ и „Жизнь за царя“. „Русланъ“ по отзыву знатоковъ въ музыкальномъ отношеніи повыше „Жизни за царя“, а какая опера дается чаще? То же и съ другими операми. Либретто что-нибудь да значить. Ну, скажемъ, я написалъ бы „Каширскую Старину“ въ видѣ либретто, какой-нибудь композиторъ написалъ бы удачную, допустимъ великолѣпную музыку на нее, и она имѣла бы головокружительный успѣхъ. Что же, мнѣ не слѣдовало бы получить половину песпектакльной платы? Поймите меня, не о правилѣ конечно рѣчь. Хорошее либретто не спасетъ дурной музыки, но хорошая музыка можетъ страшно пострадать отъ дурного либретто. Но оставимъ это. Я больше съ точки зрѣнія кареты. Допустимъ, я слишкомъ тогда цѣну набилъ, но я страшно бѣдствовалъ, только-что женился, и вся моя будущность была подъ сомнѣніемъ. Ахъ, карета, карета, гдѣ ты? И теперь тебя все еще нѣтъ, когда уже смотришь—не сегодня завтра и перо выпадетъ изъ рукъ. Простите, дорогой, что надоѣдаю всѣмъ этимъ...

Мы разстались. Я уже подходилъ къ мосту, когда онъ меня окликнулъ и, махая мнѣ своимъ смѣшнымъ картузомъ, крикнулъ:

— Вы помоложе. Хоть-бы вамъ-то дожить до кареты!

Больше я Аверкіева не видалъ, но отъ души порадовался, когда ему, какъ раньше его знаменитому учителю Островскому, императоромъ Александромъ III была назначена пенсія, конечно, недостаточная, чтобы держать карету, но вполне достаточная, чтобы безбѣдно прожить остатокъ долгой многострадальной жизни русскаго писателя.

Вотъ „карету“ Аверкіева я прекрасно понималъ. „Все преходящее—только символъ“,—сказалъ поэтъ, и эта „карета“ имѣла для меня только символическое значеніе того безбѣднаго существованія, о которомъ мечталъ Аверкіевъ, какъ о необходимомъ условіи независимаго писательскаго труда. Но что хотѣлъ Вейнбергъ сказать тѣмъ, что если бы ему дали 3.000 въ годъ, онъ бросилъ бы и педагогику, и литературу, и даже родину—этого я понять не могъ или понималъ просто какъ восклицаніе человѣка, которому „les épinés du métier“ портили кровь. Но, какъ бы то ни было, эта фраза Петра Исаича оставляла непріятный осадокъ въ моей душѣ: можетъ-ли человѣкъ, любящій свое дѣло, постоянно возвращаться къ

мысли о томъ, какъ бы отъ него бѣжать? Съ другой стороны Петръ Исаичъ былъ такъ милъ, такъ ловко сглаживалъ всякую шероховатость остроумнымъ замѣчаніемъ, пріятнымъ словомъ или своею стереотипною фразою, что онъ въ дѣлахъ—малый ребенокъ, что рѣшительно нельзя было на него сердиться.

Въ сущности я однако объ этомъ „маломъ ребенкѣ“ ничего точнаго не зналъ. Зналъ я только, что онъ въ началѣ своей карьеры, когда подписывался еще „Виногоровымъ“, за что-то пострадалъ, кажется, за то, что недостаточно почтительно отозвался о какой-то очень либеральной провинціальной львицѣ, что онъ потомъ занимался обрусительной политикой въ качествѣ редактора „Варшавскаго Дневника“ и профессора варшавской Главной школы, наконецъ, что онъ перебрался въ Петербургъ, гдѣ и подвизался въ качествѣ педагога, пользуясь въ то же время репутаціей превосходнаго переводчика, особенно Гейне, и искуснаго декламатора и чтеца. Переводовъ Вейнберга я никогда не читалъ, потому что всегда предпочиталъ оригиналъ переводу. Слуховъ же о немъ я не провѣрялъ. Мало ли что болтають о нашѣмъ братѣ-писателѣ, какъ вообще о всякомъ человѣкѣ, хотя немного возвышающемся надъ обычнымъ уровнемъ.

Но вотъ насталъ 100-лѣтній юбилей для рожденія Гейне. Заходитъ ко мнѣ одинъ изъ молодыхъ моихъ друзей въ редакцію и спрашиваетъ меня, что я дамъ по этому поводу.

— Гейне такой выдающійся поэтъ,—говоритъ онъ мнѣ:—Надо дать что-нибудь экстраординарное. Ахъ, какой поэтъ! Вотъ, напримѣръ, это его стихотвореніе:

(Голова говорить)

Ахъ, будь я скамеечкой тою,
Гдѣ милой покоятся ножки—
Топчи она сколько угодно,
Не сталъ бы роптать я ни крошки!

(Сердце говорить)

Ахъ, будь я подушечкой тою,
Куда она шпильки втыкаетъ—
Мнѣ каждый уколъ какъ бы радость,
Коли себѣ сколько желаетъ.

— Увольте, увольте,—воскликнулъ я.—Я тотчасъ узналъ одно изъ граціознѣйшихъ стихотвореній Гейне. Но, Боже, что это за какофонія была по-русски!

— Хотите еще? Вотъ вамъ,—продолжалъ между тѣмъ мой молодой собесѣдникъ:

Встать нельзя мнѣ, дорогая,—
Голова моя въ крови;
Я стрѣлялъ въ нее, лишившись
Наслажденія любви.

— Еще?

И люди мнѣ противны; даже мой
Другъ, сносный вообще—и тотъ волнуется;
Все оттого, мой ангелъ дорогой,
Что свѣтъ тебя „мадамъ“ ужъ титулуется.

Я зажалъ уши, закричавъ:

— Не могу больше: или вы перестанете или я уйду.

— Вы же любите Гейне!

— Люблю-то люблю, но тѣмъ менѣе простительно терзать меня такою профанаціею его стиховъ.

— Да вѣдь это переводъ лучшаго нашего переводчика, Вейнберга, а Гейне—его любимый поэтъ.

— Какъ вамъ не стыдно издѣваться такъ надъ бѣднымъ Петромъ Исаичемъ.

— Вы мнѣ не вѣрите? Придѣте домой, можете сами убѣдиться.

Дѣйствительно, дома я изъ біографіи Гейне, составленной Вейнбергомъ, узналъ, что знаменитый поэтъ „нисколько не былъ обязанъ вліянію матери“, но въ его умственномъ и нравственномъ развитіи вообще она все-таки не осталась безъ довольно видной роли“, что „на Германіи лежала реакція“, что „мальчикъ Гейне былъ окруженъ воззрѣніями“ и отличался, подобно Байрону и Лермонтову, „отсутствіемъ общительности, уходомъ въ себя даже относительно ближайшихъ друзей... стараніемъ съ упрямою гордостью скрывать чувствительность подъ рѣзкими, часто даже отталкивающими формами“ и т. д. А самые переводы! Мѣстами я даже прямо ужаснулся: мнѣ показалось, что кто-то зло подшутилъ надъ бѣднымъ Петромъ Исаичемъ и подсунулъ ему все это, чтобы жесточайшимъ образомъ его подвести.

Но не подвелъ.

Въ 1905 г. онъ даже былъ избранъ академикомъ по разряду изящной словесности, и вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Исаичъ сталъ для меня загадкою, но не надолго.

Въ 1907 г. я помѣстилъ въ „Вѣстникъ Европы“ повѣсть, которая показалась мнѣ подходящею для передѣлки въ пьесу.

Пьеса была озаглавлена „Безъ родины“, попала прежде всего, понятно, въ Театрально-Литературный Комитетъ при Дирекціи казенныхъ театровъ и была мнѣ возвращена. Ну, по-дѣломъ—подумалъ я:—сценическихъ требованій не понимаю, хотя на своемъ вѣку не мало писалъ о театрѣ. Но все-таки меня заинтересовало, чѣмъ я собственно не угодилъ Комитету. Я отправился въ Дирекцію, чтобы познакомиться съ отзывомъ о моей пьесѣ. Мнѣ этотъ отзывъ, подписанный П. И. Вейнбергомъ, былъ тотчасъ любезно выданъ П. П. Шенкомъ для прочтенія. Я хорошо зналъ, что члены Комитета иногда по-гусарски расправляются съ пьесами, на примѣръ, возвращаютъ пьесы даже такимъ авторамъ, какъ Чеховъ, и нисколько не церемонятся печатно заявлять, что они возвращаютъ пьесы по партійнымъ соображеніямъ, но въ одномъ я былъ увѣренъ, именно, что они пьесы читаютъ, хотя бы для того, чтобы чѣмъ-нибудь оправдать свой отрицательный судъ. Но тутъ для меня сразу выяснилось, что Комитетъ моей пьесы даже не читалъ, даже не уяснилъ себѣ ея заглавія, т. е. понялъ слово „родина“ въ патріотическомъ смыслѣ, тогда какъ я понималъ въ смыслѣ англійскаго home или нѣмецкаго Heim, принялъ дѣвушку кокеточнаго свойства, ловящую богатыхъ жениховъ, за политическаго дѣятеля, упрекалъ меня въ томъ, что цѣлое дѣйствіе построено на бесѣдѣ двухъ лицъ, не замѣтивъ тутъ же фигурирующаго главнаго дѣйствующаго лица, и т. д. Словомъ, прочитавъ эту рецензію, я залился такимъ искреннимъ смѣхомъ, что Шенкъ, какъ музыкальный критикъ, живо интересовавшійся и литературными вопросами, не утерпѣлъ и, подойдя ко мнѣ, освѣдомился о причинѣ моего смѣха, сказавъ, что онъ никогда не видѣлъ, чтобы авторъ замужней пьесы такъ отъ души хохоталъ. Я ему объяснилъ, въ чемъ дѣло, и Петръ Петровичъ посмѣялся вмѣстѣ со мною.

Что могло вызвать такое отношеніе Петра Исаича къ исполненію своихъ обязанностей? Понятно, одно только легкомысліе. И для меня уяснилось еще кое-что.

Благодаря щедрымъ пожертвованіямъ, составлявшимъ 210.000 р., возникъ при косвенномъ моемъ участіи такъ-называемый Домъ писателей, предназначенный для того, чтобы давать пріютъ и уютъ менѣе обеспеченнымъ изъ ихъ числа. Домъ этотъ находился въ ближайшемъ завѣдываніи Петра Исаича и влчилъ жалкое существованіе. Произошло это потому, что построенъ былъ каменный домъ, въ которомъ не представлялось никакой надобности, такъ какъ и существо-

вавшіе деревянные были вполне пригодны для предположенной цѣли, и постройка довѣрена была архитектору, угодившему въ послѣдствіи въ крѣпость за злоупотребленія при постройкѣ набережной Крюкова канала, сыну Петра Исаича. Разъясненіе причинъ этого жалкаго положенія Дома писателей въ запискахъ, внесенныхъ въ Комитетъ, да и въ печати, ни къ чему не привело: ни одна изъ причинъ не была устранена, и прекрасная мысль двухъ щедрыхъ жертвователей, если не потерпѣла окончательнаго крушенія (рѣчь даже заходила о ликвидаціи всего предпріятія), то осуществилась болѣе чѣмъ неполно и въ формѣ, не дѣлающей чести нашему писательскому сословію.

Никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвела на меня немощная старческая фигура Петра Исаича, когда на послѣднемъ общемъ собраніи Литературнаго Фонда, на которомъ онъ присутствовалъ, уже не въ качествѣ его предсѣдателя, а простого его члена, ему пришлось выслушать горькіе упреки въ томъ, что онъ затерялъ планъ постройки Дома, т. е. основу для провѣрки расходовъ, и онъ въ свое оправданіе могъ сослаться только на покойника, на Н. А. Меншуткина, которому онъ-де передалъ этотъ планъ. Очень жалкое впечатлѣніе произвелъ тогда на меня Петръ Исаичъ, и въ то же время мнѣ съ чрезвычайною ясностью представилась картина, какъ онъ могъ быть, не имѣя къ тому данныхъ, и профессоромъ, и редакторомъ, и академикомъ, и предсѣдателемъ Театрально-Литературнаго Комитета. И когда мнѣ эта картина представилась съ полною ясностью, мнѣ уже не столько жаль было самого Петра Исаича, сколько тѣхъ лицъ, той среды, которая возвела его на всѣ эти отвѣтственные посты,—его, человѣка, который, можетъ быть, искренно сознавался, что онъ въ дѣлахъ—малый ребенокъ. Но тутъ мы уже касаемся вопроса, чѣмъ собственно бралъ въ жизни Петръ Исаичъ, что его вознесло, что сдѣлало его ученымъ, и профессоромъ, и академикомъ, и предсѣдателемъ Литературнаго Фонда или Театрально-Литературнаго Комитета. Съ его легкой руки этотъ способъ приобрѣтенія вліянія на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ сталъ, такъ сказать, у насъ общимъ явленіемъ, и потому не мѣшаетъ на немъ остановиться, насколько онъ связанъ съ моими воспоминаніями о Петрѣ Исаичѣ.

Принадлежалъ Петръ Исаичъ къ типу людей, которыхъ французы называютъ *charmeurs*, которые умѣютъ очаровывать другихъ, иногда до такой степени, что заставляютъ ихъ даже

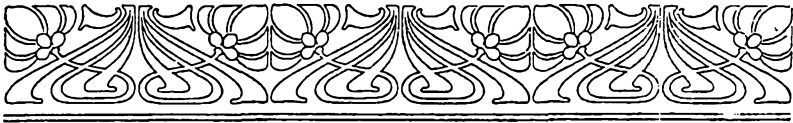
дѣлать то, что вовсе не входило въ ихъ намѣренія. Только потомъ они спохватываются и раскаиваются, что говорятъ себѣ: ужъ Богъ съ нимъ, онъ такой милый!

Эта способность зависитъ иногда отъ душевныхъ качествъ, столь симпатичныхъ, что вы невольно имъ подчиняетесь. Иногда же это—особенное искусство, которымъ человѣкъ обладаетъ отъ природы и которое развиваетъ постояннымъ упражненіемъ.

У Петра Исаича были наслѣдственныя актерскія способности (братъ его Павелъ Исаичъ былъ рассказчикъ сценъ изъ инородческаго быта, пользовавшійся широкою и шумною извѣстностью). Онъ ихъ тщательно культивировалъ и развилъ въ замѣчательной степени. Кромѣ того, онъ былъ человѣкъ наблюдательный, прекрасно улавливавшій слабости, индивидуальныя и коллективныя, находчивый, остроумный, начитанный. Вслѣдствіе всего этого онъ могъ ладить и съ отдѣльнымъ человѣкомъ, и съ собраніемъ людей, т. е. съ обществомъ, слабости котораго онъ подмѣчалъ великолѣпно. Въ началѣ жизни онъ два раза ошибся: первый разъ, когда обличилъ губернскую поэтессу, затѣмъ второй разъ, когда записался въ обрусители, но эти двѣ ошибки пошли ему впрокъ,—онъ больше не ошибался и прекрасно умѣлъ попадать въ тонъ, пуская въ ходъ то гражданскую скорбь, то гривуазный стишокъ, то скабрезный анекдотъ, и все это въ мѣру, чтобы никому не повредить, ни себѣ, ни читателямъ, ни слушателямъ. Какъ предсѣдатель Литературнаго Фонда, Петръ Исаичъ былъ неоцѣнимъ: этотъ его духовный капиталъ приносилъ великолѣпный процентъ, которымъ пишущая братія и воспользовалась въ полной мѣрѣ. Но этимъ капиталомъ онъ пользовался и для достиженія другихъ цѣлей. Со временемъ бытописатель нашей общественности удивится, какъ люди этого рода могли попадать и въ редакторы, и въ совѣтники видныхъ дѣятелей, и въ профессора, и въ академики, и въ вершители судьбы драматическихъ произведеній, и въ управители или строители. Вмѣстѣ съ тѣмъ раскроется прелюбопытнѣйшая страница нашей общественности на рубежѣ XIX и XX в.в.

Сообщилъ **Р. И. Сементковскій.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Н. Альбовъ и Д. И. Тихомировъ.

(Встрѣчи и столкновенія).

Михаилъ Ниловичъ былъ однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ и въ то же время „жалкихъ“ писателей, встрѣченныхъ мною въ жизни. Я употребляю слово „жалкій“, понятно, не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ человѣка, возбуждающаго жалость, соболѣзнованіе, состраданіе. Такимъ онъ мнѣ показался, когда я впервые встрѣтился съ нимъ въ серединѣ 80-хъ годовъ въ „Новостяхъ“, гдѣ я состоялъ сотрудникомъ и часто замѣнялъ редактора О. К. Нотовича.

Нотовичъ любилъ разные трюки, по большей части неудачные, но въ данную минуту онъ твердо вѣрилъ въ ихъ успѣхъ, и поэтому трудно было его отговорить отъ той или другой затѣи. Такъ онъ одно время обращался къ читателямъ съ вопросами, предлагая напечатать наиболѣе содержательные или остроумные отвѣты. Помню, обильнѣе всего посылались отвѣты на вопросы о причинахъ оскуднѣнія или измелчанія беллетристики. Это былъ цѣлый ливень отвѣтовъ, но даже самые удачные изъ нихъ были только перефразировкою того, что давно уже было высказано въ печати. Даже обидно становилось за читателей, за полное отсутствіе въ нашей публикѣ сколько-нибудь самостоятельной мысли, и, конечно, эти отвѣты не могли заинтересовать другихъ читателей, какъ не можетъ заинтересовать старый, избитый мотивъ, если онъ, къ тому же, еще дурно спѣтъ.

Другой трюкъ, придуманный Нотовичемъ, былъ сборный романъ, написанный такъ, что первый авторъ, ѣи съ кѣмъ не сговариваясь, пишетъ первую главу и передаетъ ее другому, который пишетъ вторую главу и т. д. до конца. Участвовали въ этомъ сборномъ романѣ П. Д. Боборыкинъ, В. Н. Майновъ, В. О. Михневичъ, самъ Нотовичъ, я и др., но и изъ этой затѣи ничего не вышло: мы, кажется,

уже на третьей главѣ убѣдились, что дѣло не клеится. Тогда рѣшено было помѣстить въ газетѣ то, что французы называютъ романъ à clef, и написать этотъ романъ поручено было М. Н. Альбову и его товарищу по литературѣ, К. С. Баранцевичу. Тутъ-то я и познакомился впервые съ Альбовымъ.

И изъ этой затѣи ничего не вышло. Получился только длинный романъ подъ заглавіемъ „Вавилонская башня“, принадлежащій къ числу мало замѣтныхъ произведеній этихъ двухъ талантливыхъ авторовъ. Мы его въ самой редакціи называли „мехлюдовщиной“, кажется, по имени главнаго героя, котораго звали Мехлюдовымъ или въ этомъ родѣ,—или „бутербродной башней“, потому что въ романѣ дѣйствующія лица то и дѣло уплетали бутерброды. Описывался же въ романѣ очень прозрачно литературный кружокъ, образовавшійся подъ названіемъ Пушкинскаго, но не имѣвшій ничего общаго съ Пушкинымъ и съ его поэзіей, а занимавшійся подъ предлогомъ докладовъ безконечной закуской, столь же безконечной выпивкой, сварами, сплетнями и болтовней исключительно для самоуслажденія ораторовъ и болтуновъ. Все это и описывалось въ романѣ, но такъ какъ сами дѣйствующія лица, по большей части мелкіе писатели, не представляли интереса, а ихъ болтовня была уже совершенно скучная, то провалился еще одинъ изъ трюковъ Нотовича, кажется, послѣдній.

Какъ бы то ни было, благодаря этому роману, я впервые познакомился съ Альбовымъ и сразу его полюбилъ, т. е. началъ его жалѣть той хорошей жалостью, которую испытываешь къ человѣку, незаслуженно страдающему. На первый разъ это чувство зародилось во мнѣ безсознательно, но постепенно я уяснилъ себѣ его причину.

Появленіе „Вавилонской башни“ въ „Новостяхъ“ обошлось безъ всякихъ особыхъ инцидентовъ, несмотря на неуспѣхъ романа. Но слѣдующая встрѣча съ Альбовымъ приобрѣла бы вѣроятно характеръ рѣзкаго столкновенія, если-бы не доброе чувство, которое я къ нему испытывалъ.

Вслѣдъ за выходомъ моимъ изъ „Новостей“ въ 1890 г. я сталъ получать приглашенія участвовать въ другихъ изданіяхъ. Между прочимъ обратилась ко мнѣ и редакція „Сѣвернаго Вѣстника“, перешедшая тогда отъ А. М. Евреиновой къ Б. Б. Глинскому, а съ 1891 г. къ Альбову и предложившая мнѣ вести въ этомъ журналѣ отдѣлъ внѣшней политики. Не имѣя понятія о метаморфозѣ, ожидавшей этотъ журналъ, я согласился. Отмѣчу здѣсь только для лучшаго уразумѣнія

дѣла, что я былъ въ вопросахъ внѣшней политики далеко не новичекъ, писалъ о нихъ уже съ 1875 г., защищая мысль о необходимости союза съ Франціей и Англіей, сперва въ „Новомъ Времени“ (ред. Трубникова), „Финансовомъ Обзорѣ“, „Биржевой Газетѣ“, а затѣмъ въ „Новостяхъ“ въ теченіе десяти лѣтъ. Такъ вотъ я началъ вести въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ политическій отдѣлъ.

Сперва все шло гладко: я писалъ, журналъ печаталъ. Но вдругъ одно изъ моихъ обзорѣй не появляется, и еще раньше я получаю отъ Альбова письмо (я проводилъ тогда лѣто въ деревнѣ), въ которомъ онъ мнѣ пишетъ, что я въ этомъ обзорѣй (оно касалось именно франко-русскаго союза) провожу личную политику, а не политику журнала. Сперва я удивился, такъ какъ взглядовъ „Сѣвернаго Вѣстника“ на внѣшнюю политику Россіи совершенно не зналъ, да и не интересовался ими, если они вообще выяснились: не я вѣдь предложилъ свои услуги журналу, а наоборотъ онъ меня пригласилъ, а мои взгляды, какъ пропагандиста франко-и англо-русскаго союзовъ, не могли не быть извѣстны журналу. Но я удивился только на одинъ мигъ. По возвращеніи же въ Петербургъ я окончательно убѣдился, что дѣло не въ Альбовѣ и даже не въ франко-русскомъ союзѣ, а въ томъ, что союзъ этотъ заключенъ официально Россіей. Дѣйствительно, на мой вопросъ: „Что же, и отмѣны крѣпостнаго права нельзя одобрить?“—я получилъ отвѣтъ: „Можно, но въ такомъ видѣ, въ какомъ эта реформа совершена, о ней и говорить не стоитъ“. Милый Михаилъ Ниловичъ не присутствовалъ при этомъ разговорѣ. Какъ бы онъ густо покраснѣлъ. Но все-таки онъ состоялъ редакторомъ журнала, въ которомъ выражались такія мнѣнія, въ которомъ ниспровергались завѣты 60-хъ годовъ и воздвигался алтарь символизму и декадентству.

Какъ это могло случиться? Задать этотъ вопросъ—все равно, что спросить, какъ Альбовъ могъ нѣсколько раньше оказаться акцизнымъ чиновникомъ, а еще нѣсколько раньше—братомъ милосердія. Вотъ тутъ мы и наталкиваемся на то, что возбуждало жалость въ Альбовѣ. Всею своею наружностью: болѣзненнымъ видомъ, выраженіемъ глазъ, то робкихъ, то застыдившихся, то потухавшихъ и снова оживавшихъ, то кроткозадумчивыхъ и какъ бы отсутствующихъ—какъ онъ всѣмъ этимъ напоминалъ стихъ Пушкина:

И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ!

Альбовъ съ малолѣтства читалъ и мечталъ, мечталъ и читалъ, такъ усердно читалъ и такъ хорошо усваивалъ прочитанное, что уже 13 лѣтъ отъ роду могъ начать печататься, хотя бы только въ органѣ мелкой прессы. За письменнымъ столомъ онъ не возбуждалъ жалости—о, нѣтъ! Тутъ у него заносились на бумагу слова, доставившія ему извѣстность, иногда значительныя, иногда волновавшія до глубины души. Ахъ, если бы можно было вѣчно сидѣть за письменнымъ столомъ, даже не пересаживаться къ обѣденному столу, ахъ, если бы не надо было топить печку, освѣщать комнату, покупать бумагу и чернила! Вѣдь для всего этого нужны были деньги въ количествѣ, иногда далеко превышавшемъ его литературный заработокъ, несмотря на всю скромность его требованій. И приходилось прирабатывать постылымъ трудомъ, не мирившимся съ его взглядами на жизнь, приходилось заключать безобидные на видъ, но противорѣчившіе чуткой его совѣсти компромиссы: и Михаилъ Ниловичъ становился то акцизнымъ чиновникомъ, то редакторомъ столичнаго журнала или провинціальной газеты. Душа его была далеко, тамъ, въ тихой комнаткѣ, за письменнымъ столомъ, гдѣ онъ могъ читать, мечтать, писать, гдѣ онъ вступалъ въ общеніе съ читателемъ, гдѣ онъ передавалъ ему плоды своихъ думъ, встрѣчая съ его стороны отзывчивость, находя въ немъ откликъ, но... только до извѣстнаго предѣла. Альбовъ не смѣшилъ читателя, онъ не наигрывалъ на его дурныхъ страстяхъ: юморъ былъ мало доступенъ его меланхолической натурѣ, а эротику былъ ей совершенно чуждъ. Болѣе развитой читатель вполне признавалъ его заслуги и иногда глубоко ему сочувствовалъ, но для толпы онъ былъ слишкомъ прѣсенъ, слишкомъ мраченъ, слишкомъ мало пикантенъ, и она подносила ему охотно лавры, но свои рубли берегла для тѣхъ, кто болѣе угождалъ ея мелкимъ вкусамъ. Такъ вся жизнь превратилась для Альбова въ трагедію. Его душа рвалась жить только для того, что она любила, что ставила выше всего, для творчества, для работы надъ любимыми думами, а эта работа не могла удовлетворить неумолимыхъ требованій тѣла: приходилось либо творить и голодать, даже умирать съ голоду, либо служить и быть сытымъ.

Послѣ „Вавилонской башни“ прошло много лѣтъ (около 10), пока мы снова встрѣтились съ Альбовымъ. Встрѣча наша произошла въ благодатномъ уголкѣ въ Крыму, на „Красной Горкѣ“, въ имѣніи извѣстнаго всей Россіи педагога, Д. И. Тихомирова.

Эта „Красная Горка“ около Алушты памятна очень многимъ литераторамъ и вообще публикѣ средней руки, ищущей въ Крыму отдыха для возстановленія силъ и здороья. На самомъ берегу безбрежнаго моря, окруженная виноградниками, съ чуднымъ видомъ на уходящую вдаль цѣпь Судакскихъ горъ, сна одинаково привлекаетъ и купальщиковъ, т. е. лѣтнихъ туристовъ, дорожащихъ превосходнымъ алуштинскимъ купаньемъ, и—какъ ихъ тривіально называютъ въ Крыму,—плевальщиковъ, т. е. лицъ, пріѣзжающихъ осенью, чтобы лечиться виноградомъ, и совершающихъ прогулки съ корзиночками винограда, то и дѣло выплевывая косточки и кожицу. Но, кромѣ того, „Красная Горка“ привлекала и другихъ посѣтителей, тѣхъ, кто пріѣзжалъ въ Крымъ только для отдыха, для того, чтобы подышать чуднымъ воздухомъ, развлечься, размять члены, погрузиться въ иную обстановку, на время забыть то, что наскучило, надоѣдало, мучило или терзало тамъ, на мѣстѣ постоянного жительства и повседневной службы. Хорошо было слушать веселую болтовню молодежи, внимать степенному разговору стариковъ, любоваться съ высокаго балкона видомъ моря и горъ, вкушать, какъ рѣдко гдѣ въ Крыму, здоровыя яства, попивать красенькое или бѣленькое, но виноградное вино, а не то *mixtum compositum*, которымъ обыкновенно подчуютъ російскаго сбывателя даже за большія деньги и, главное, чувствовать на себѣ доброжелательный, спокойный, ровный взглядъ хозяевъ, создавшихъ своимъ сердечнымъ отношеніемъ къ пансіонерамъ чисто-семейную обстановку, домашній уютъ, не имѣвший ничего общаго съ холодной казенщиной обыкновенной гостиничной или пансіонской обстановки.

Но, кромѣ того, была еще одна приманка—*great attraction*, сказалъ бы я, выражаясь языкомъ современныхъ составителей рекламъ, особенно цирковыхъ, потому что лошадь тутъ играла большую роль,—нѣтъ, не лошадь вообще, а лошади: „Герой“, „Казакъ“, „Капризъ“, „Красавчикъ“, „Джалли“, „Огурчикъ“... Всѣ онѣ имѣли для насъ свою индивидуальность, и смѣшавъ одну лошадь съ другой—да развѣ это возможно, что бы тамъ ни говорилъ добрыйшій есаулъ, гостившій также на „Красной Горкѣ“ и сообщавшій намъ на ушко, что такихъ лошадей у нихъ въ полку объединяють подъ общимъ возмутительнымъ названіемъ „бракованныхъ“. Типунъ ему на языкъ, да и мыслимо ли, чтобы бракованныя лошади продѣлывали то, что продѣлывали наши любимцы. Соберемся мы, т. е. Д. И. Тихомировъ, я, наши дамы и неизмѣнный проводникъ Гафаръ Умеровъ, кото-

рый, несмотря на свою мрачную фамилію, былъ пріемилый и пріеселый малый, жарилъ удивительный шашлыкъ, варилъ не менѣе удивительную хаурму и изготовлялъ травничекъ изъ 80, какъ онъ говорилъ, горныхъ травъ, но тоже удивительный, если даже ихъ было меньше—такъ вотъ соберемся мы въ три часа ночи на Бабуганъ, а въ пять уже находимся у его подножія и поймъ лошадей. Лѣто сухое, и на Яйлѣ не предвидится воды. Пропустивъ травничекъ послѣ 6-ти-часового утомительнаго перехода по кручамъ Яйлы и перекусивъ разнообразною захваченною съ собою снѣдью и упомянутымъ удивительнымъ шашлыкомъ, тающимъ во рту, какъ нѣжнѣйшій балыкъ, т. е. собственно сытно пообѣдавъ подъ безконечнымъ и бездоннымъ голубымъ шатромъ въ лабиринтѣ дикихъ, причудливыхъ скалъ, высоко громоздящихся другъ на другѣ и образующихъ какой-то первозданный хаосъ, мы опять взбираемся на лошадей, чтобы къ 7-ми часамъ поспѣть къ скалѣ Шишко у Ай-Петри, на ночлегъ. Лошади изнемогаютъ отъ жажды, мы изнемогаемъ отъ усталости, но все-таки добираемся къ 8-ми часамъ до виднѣющейся вдали такъ-называемой гостиницы, т. е. собственно хибарки, состоящей изъ четырехъ горницъ съ навѣсомъ. Но, о, ужась! И тутъ воды нѣтъ не только для лошадей, но и для того, чтобы поставить намъ самоварчикъ. Собирается военный совѣтъ, рѣшающій, что надо спуститься къ Кокозу, гдѣ мы найдемъ воду, т. е. сдѣлать еще 20 верстъ. Что же? И сдѣлали, совершивъ въ этотъ день верстъ 75, если не всѣ 80. Переночевавъ на кроватяхъ, сквозь тощіе тюфяки которыхъ ясно чувствовались жесткія доски, мы на другой день уже опять сидѣли на коняхъ, добираемся до Бахчисарая, гдѣ ночуемъ удобнѣе, а затѣмъ направляемся на берега исторической Альмы, въ нѣкогда порфирородное селеніе Бешуй (о чемъ свидѣлствуетъ воронцовая громадная ваза, украшающая Эрмитажъ), ночуемъ здѣсь въ третій разъ, правда уже на полу, но покрытомъ мягкими коврами и подъ шелковыми одѣялами, имѣвшимися въ обиліи у татаръ. Я говорю: ночуемъ, хотя въ сущности мы съ Дмитріемъ Ивановичемъ почти до утра не смыкали глазъ. Мы увлеклись воспоминаніями, онъ мнѣ передавалъ многіе эпизоды изъ своей жизни, и я понялъ, какъ сложилась его кряжистая, энергичная, непреклонная натура, чисто-русскаго самородка, изъ ничего вышедшаго въ люди, да въ какіе люди—въ извѣстнаго всей Россіи педагога, разные учебники котораго разошлись уже тогда въ количествѣ семи миллионъ экземпляровъ. Объ этомъ стоило рассказать,—рассказать, какъ

у насъ складываются такія натуры, но я хочу здѣсь только отмѣтить, что послѣ трехъ-дневныхъ скитаній, сопряженныхъ съ значительными трудностями и лишеніями, мы, хотя, допустимъ, не старики, но люди не первой молодости (мы оба тогда вступили уже на вторую половину шестого десятка нашей жизни), проводили, точно юноши, бессонную ночь въ бесѣдѣ, которая насъ до того захватывала, что мы совершенно забывали объ усталости, и на другой день опять садимся на коней, чтобы наконецъ къ вечеру добраться до дому, совершивъ съ нашими дамами въ четыре дня около 200 верстъ, въ значительной части по полному бездорожью, по заросшимъ лѣснымъ или заваленнымъ щебнемъ и камнями горнымъ тропинкамъ.

Должно быть, эти экскурсіи въ Крымскихъ горахъ имѣли для насъ, городскихъ жителей, какую-то особенную прелесть, если ими, напримѣръ, соблазнялся и извѣстный нашъ сифилитологъ В. М. Тарновскій, проводившій, несмотря на то, что былъ старше насъ на пять лѣтъ и отличался тучностью, тоже цѣлые дни на конѣ въ Крымскихъ горахъ. Соблазнялись ими и многочисленные посѣтители „Красной Горки“ всякаго возраста и пола, такъ что составлялись иногда кавалькады въ 10, 12 и даже болѣе человѣкъ, охотно выѣзжавшія до утренней зари и возвращавшіяся иногда поздно ночью. Дѣлали мы всѣ и дальнія экскурсіи на Чатырдагъ или Бабуганъ, на Демержи или близкія, на Ай-Георгій или Кастель. Но всегда было весело, и мы рѣзвились иногда просто, какъ дѣти.

Въ одной изъ этихъ экскурсій, не помню уже почему, я не участвовалъ. Сажу подъ вечеръ на балконѣ, слышу конскій топотъ. Это возвращается компанія, ѣздившая въ Гурзуфъ обѣдать въ честь только-что пріѣхавшаго изъ Екатеринослава милаго гостя, состоявшаго тогда, кажется, редакторомъ „Приднѣпровскаго края“. Выхожу къ нимъ навстрѣчу. Дмитрій Ивановичъ и Михаилъ Ниловичъ только-что спѣшились и держатъ лошадей въ поводу, ожидая неизмѣннаго Гафара, занятого пока другими кавалеристами. Тихомировъ и Альбовъ стоятъ рядомъ, освѣщенные лучами догорающей вечерней зари. Первый встрѣчаетъ меня словами: „Славно пообѣдали, славно прокатились“. Вообще онъ любилъ словечко „славно“ и съ наслажденіемъ примѣнялъ къ труду, къ работѣ. Пріятно и весело было слышать, когда онъ, спускаясь съ своей вышки въ красногорскомъ домѣ послѣ труда, который свалилъ бы и быка, какъ ни въ чемъ не бывало, самодовольно, весело произносилъ свое бодрящее: „славно поработалъ“.

И вотъ они стоятъ теперь передо мною: онъ, этотъ съ виду Сусанинъ, съ роскошною сѣдою растительностью, коренастый, крѣпкій старикъ, котораго, казалось, никакая буря не сломить, никакая болѣзнь не одолѣетъ, которому, казалось, вѣкъ жить, вѣкъ работать, ясный, опредѣленный въ помыслахъ, намѣреніяхъ, дѣйствіяхъ, приводящихъ всѣ неизмѣнно и безошибочно къ твердо намѣченной цѣли, практической и благой,—къ распространенію среди народныхъ массъ грамотности и просвѣщенія, къ поднятію нашей великой родины на новую ступень культурнаго развитія,—и рядомъ съ нимъ творецъ Глазкова, героя, въ которомъ соединялись „стремленія орла“ съ „силами божьей коровки“, хотя еще сравнительно молодой (онъ былъ на семь лѣтъ моложе Дмитрія Ивановича), но уже состарившійся, опустившійся, несмотря на свои ботфорты, Богъ вѣсть гдѣ имъ взятые, пенснэ и бородку, имѣвшій женоподобный, хуже: бабій видъ, утомленный до упаду, разочарованный, кислый, какъ бы говорящій и выраженіемъ лица, и всей своей фигурой: „Ну, къ чему все это? Ну, прокатились, и завтра будетъ что-нибудь въ этомъ родѣ. Но, вѣдь, все это пустяки, а главное гдѣ же, гдѣ же оно-то?“ И усталый взглядъ Альбова лѣниво блуждалъ, ища этого главнаго, и не находилъ его, какъ не нашель этого главнаго и герой его разсказа: „Какъ горѣли дрова“, хотя ему, кажется, все было дано, что только человеку и пожелать-то можетъ.

Они стояли передо мною—эти два видныхъ дѣятеля, писатель и педагогъ, и я думалъ: вотъ они двѣ Россіи! Одна, какъ Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, говоритъ: „Я бы и радъ брать у ней уроки, у русской-то жизни, да молчитъ она, моя голубушка“, а у другого, какъ у Тушина, все „выходитъ, какъ слѣдуетъ, какъ сдѣлали бы десятки приготовленныхъ умовъ путемъ размышленія, науки, труда“: одна вѣчно спрашиваетъ: къ чему это, другая бодро провозглашаетъ: славно поработалось; одна сомнѣвается, ищетъ и не находитъ, потому что найденное ее не удовлетворяетъ, другой некогда сомнѣваться, ей нужно дѣло дѣлать, потому что оно со всѣхъ сторонъ на нее наваливается, напираетъ,—Россія вѣчныхъ сомнѣній, вѣчныхъ исканій, разслабляющаго и обезсиливающаго самоанализа и самоуглубленія и Россія бодрящаго дѣла, Россія „лишнихъ людей“ и Россія „нужныхъ людей“.

Стояли они передъ моимъ умственнымъ взоромъ—эти двѣ Россіи, и обѣ онѣ мнѣ были одинаково милы, ибо „лишніе“

люди конечно не строятъ жизни, и будь они одни на свѣтѣ, все бы развалилось, все бы разсыпалось въ прахъ, но они поддерживаютъ вѣру въ то, что должно быть свято человеку, а „нужные“ люди строятъ жизнь, но ихъ строительство только тогда цѣнно, только тогда благо для родины, когда оно приближаетъ ее къ тому, во что вѣрятъ „лишніе“ люди.

Снова прошло нѣсколько лѣтъ, и я не встрѣчался съ Альбовымъ, но тутъ онъ вдругъ обратился ко мнѣ съ однимъ совершенно несуразнымъ предложеніемъ относительно изданія одной его книги. Ахъ, Михаилъ Ниловичъ, дожить до шестого десятка и все еще оставаться такимъ ребенкомъ въ дѣлахъ,—подумалъ я и полюбилъ его еще больше. Но годъ или два спустя онъ могъ сдѣлать мнѣ очень разумное предложеніе, которое я съ радостью бы принялъ, но никакъ на него не рѣшался, и, наконецъ, очевидно, когда деньги нужны были ему дозарѣзу, подослалъ ко мнѣ посторонняго человека для зондированія почвы. Дѣло шло о приобрѣтеніи Марксомъ (я тогда состоялъ редакторомъ „Нивы“) собранія его сочиненій. Понятно, дѣло сладилось въ мигъ.

Послѣдняя моя встрѣча съ Альбовымъ произошла совершенно случайно, уже тогда, когда я оставилъ „Ниву“.

У московскихъ художниковъ, гостившихъ въ Петербургѣ, шли „Три сестры“. Я еще не видѣлъ пьесы Чехова въ ихъ исполненіи, зашелъ и тутъ встрѣтился съ Альбовымъ. Онъ привѣтствовалъ меня словно родного, протянувъ мнѣ обѣ руки и глядя на меня добрымъ, добрымъ взглядомъ. Меня это удивило, потому что близости между нами не было, и, кромѣ того, Альбовъ былъ человекъ въ проявленіи чувствъ очень сдержанный.

— Какъ поживаете, Михаилъ Нилычъ?—спрашиваю я.

— Все по-прежнему,—отвѣтилъ онъ:—какъ врачъ Чебушкинъ. „Та-ра-ра-бумбія... сижу на тумбѣ я“. Или, помните: „Придетъ время, всѣ узнаютъ... для чего эти страданія... а пока надо жить... надо работать, только работать“. А я все по-прежнему не умѣю работать. Ну, да это—пустяки! Зато какъ я радъ васъ видѣть.

Альбовъ все болѣе меня удивлялъ: я рѣшительно не могъ понять, чѣмъ вызывается его приливъ нѣжности ко мнѣ. Онъ меня даже взялъ подъ руку, что окончательно не мирилось съ его обычной манерой. Я ждалъ, идя съ нимъ подъ руку по корридору, что-то будетъ, чѣмъ все это разрѣшится.

— Значить, работать не научились?—сказаль я, чтобъ что-нибудь сказать, такъ какъ Альбовъ вдругъ умолкъ, словно не могъ на что-то рѣшиться.

— Авторъ „Дня итога“, „Рясы“, „Рыбныхъ стоновъ“ не умѣеть работать? Такъ кто же умѣеть? Умѣющихъ послѣ этого мало,—продолжалъ я, хотя и зналъ, что говорю не то, чтò думаетъ Альбовъ, но мнѣ тотъ разговоръ казался въ театрѣ неумѣстнымъ.

— Зачѣмъ это?—проговорилъ Альбовъ задумчиво.—Конечно, здѣсь не мѣсто, но я бы не рѣшился придти для этого къ вамъ, а васъ нигдѣ не было видно. Вотъ я и обрадовался. Всѣ мы подъ Господомъ Богомъ ходимъ. Увидимся ли еще, не знаю. А я по-прежнему не умѣю работать въ смыслѣ денежнаго заработка... и подличаю.

— Зачѣмъ же это?—воскликнулъ я въ свою очередь.

— Нѣтъ, не говорите, не говорите,—прервалъ меня Альбовъ поспѣшно.—Я и теперь изъ-за этого подличаю, но теперь меньше, а тогда, помните, лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Возвратилъ вашъ обзоръ, по внѣшней политикѣ, о союзѣ съ Франціей, разыгралъ роль редактора заправскаго, хотя въ политикѣ ничего-то, ничего не смыслю. Простите меня, дорогой,—легче мнѣ будетъ.

Я и не зналъ что сказать, чувствовалъ только, что на душѣ у меня стало тепло: есть же на Руси, подумаль я, такіе „лишніе“ люди, которые, совершивъ то, чтò нынѣ признается вполне простымъ и естественнымъ, чтò признается даже глупымъ не совершить, но чтò не мирится съ ихъ совѣстью, не загрязненною современною мутью, никакъ себѣ этого простить не могутъ и по прошествіи многихъ лѣтъ.

Альбовъ очевидно не сомнѣвался, что я его понялъ и оцѣнилъ, потому что съ чувствомъ простился со мною и исчезъ. Больше я его въ жизни не встрѣчалъ, но и теперь, когда его уже между нами нѣтъ, я часто его вспоминаю, какъ человека большой душевной красоты. Ихъ все меньше становится; или это, можетъ быть, только такъ кажется намъ, старикамъ, живущихъ въ прошломъ больше, чѣмъ въ настоящемъ.

Сообщилъ Р. И. Сементковскій.